

ლიტერატურა

გეოგრაფია

1976

Литературная Грузия

*Ежемесячный
литературно - художественный
и
общественно-политический
журнал*

Орган Союза писателей Грузии

9

СЕНТЯБРЬ

19 ИЗДАТЕЛЬСТВО 76
ЦК КП ГРУЗИИ

«ლიტერატურაიან ბრუზია»

საქართველოს
წიგლისწერეთა
კავშირის

(რუსულ ენაზე)

უძველესი ლიტერატურული-მხატვრული
და საზოგადოებრივ-პოლიტიკური ჟურნალი

გამოდის 1957 წლის ივნისიდან

№ 9

სექტემბერი, 1976 წ.

საქართველოს საბჭოთა მწერლების კავშირის ორგანო

*Издается
с июня 1957 года*

Главный редактор

Георгий ЦИЦИШВИЛИ

Редакционная

коллегия:

Тенгиз БУАЧИДZE,

Гиви ЖВАНИЯ,

Марк ЗЛАТКИН,

Исидор КОЗАЕВ,

Георгий ЛОМИДZE,

Георгий МАРГВЕЛАШВИЛИ,

Владимир МАЧАВАРИАНИ,

Михаил МРЕВЛИШВИЛИ,

Гурам ХАРАИДZE

(заместитель главного редактора),

Владимир ХОМУТОВ

(ответственный секретарь),

Эммануил ФЕЙГИН.

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

330008, ТБИЛИСИ, ул. ЛЕНИНА, 5.

Приемная — 99-06-59

Главный редактор — 93-65-15

Заместитель главного редактора —
93-13-57

Ответственный секретарь — 93-31-28

ОТДЕЛЫ:

Отдел прозы и очерка
(редактор КОРИНТЭЛИ К. Н.) —
93-31-43

Отдел поэзии и искусства
(редактор ЗИНИНА В. Б.) — 93-31-43

Отдел критики и публицистики
(редактор ДОВРОДЕЕВА Л. Т.) —
93-65-19

Рукописи объемом менее авторского листа не возвращаются.

Содержание

ПОЭЗИЯ

- ЭДУАРДАС МЕЖЕЛАЙТИС. Письма Чурлениса. Перевод с литовского Лазаря Шерешевского 5
- БИДЗИНА МИНДАДЗЕ. Занавес. Снегопад. Героическая роль. Перевод Владимира Леоновича Утро. Перевод Яна Гольцмана 7

ПРОЗА

- МИРОН ХЕРГИАНИ. Пусть облака останутся с тобой. Роман. Перевод Камиллы Коринтэли 9
- БОРИС ЧХЕИДЗЕ. Прогулка на «лошаке». Невыдуманный рассказ. Перевод Нодара Тархнишвили 27
- СЕРГИ ЧИЛАЯ. Дети Екатерины. Роман-хроника. Перевод Анаиды Беставашвили 35

ПРОБЛЕМЫ ДЕСЯТОЙ ПЯТИЛЕТКИ

- ФЕОФАН ДАВИТАЯ. Поможем «зеленому другу!» 57
- ЛИДИЯ КОГОШВИЛИ. В защиту грузинского леса 57

КРИТИКА И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

- НИНО КОНТРИДЗЕ. Партия. Жизнь. Слово 60
- САРГИС ЦАИШВИЛИ. Великий урок прошлого 68
- ГЕОРГИЙ ЭКИЗАШВИЛИ. «Счастливая смерть» или крах одинокого человека 74

К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ ИЗДАНИЯ
«ДЕДА ЭНА» ЯКОВА ГОГЕБАШВИЛИ

УШАНГИ ОБОЛАДЗЕ. Основа народной школы . . .	79
БАБО МЧЕДЛИДЗЕ. Дорогое народу имя	86

НАШИ ЮБИЛЯРЫ

ДАВИД ТЕВЗАДЗЕ. Писатель-провидец (К 80-летию Демны Шенгелая)	87
--	----

В МИРЕ КНИГ

ГЕОРГИЙ ГИГОЛОВ. Живая жизнь романа-эпопеи . . .	93
--	----

Эдуардас МЕЖЕЛАЙТИС

ПИСЬМА ЧУРЛЕНИСА

I.

*Столько хотел бы Тебе сказать,
Ты моя волшебная Белая Птица,
и все таким сухим и жестким мне
представляется, — но Ты сама
все знаешь, и чувствуешь, и понимаешь.*

Столько мог бы сказать я тебе, —
но терзает мне душу
Горечь засухи злой, испарившей дожди
моих слез.
Воздух тверд, словно камень,
оплавленный зноем удушья,
И на Обетованной Земле терн колючий
зловеще пророс.
Столько мог бы сказать я тебе, —
но иссыкли все реки,
Как в голодное лето измученной
матери грудь.
Стали пищей и мне, и тебе зодиачные
Рыбы и Раки,
Зыбкий миф пирамид и песчаного
марева муть.
Столько мог бы сказать я тебе, — но
как в мерзостной тине,
Задыхаются в пошлости чувства.
Иссохли моря...
Но симфония волн мне слышна и
в безводной пустыне,
Бьется пульс океана в густой желтизне
янтаря.
Столько мог бы сказать я тебе, —
но исчезли деревья,
Смокли птицы одни, изменились
других голоса...
Но клянусь — шум листья воскрешу
я в печальном напеве,
В струнах арфы моей оживут
песнопевцы-леса!
Столько мог бы сказать я тебе, —
но слова затвердели,
Стали ломкими, горькими, как
пересохший тростник.
Что мне бури и засухи? В бешенстве
жгучей метели
Я иллюзии башни под вымершим
небом воздвиг!
Столько мог бы сказать я тебе, —
но мой крик поглотится

Этой каменной твердью. Молитва
моя не слышна...
Но в иссохшей душе я храню тебя —
Белую Птицу —
В черных вихрях смертей... Устоит ли
перед ними она?

II.

А Ты далеко, и я тоже далеко,
и время идет
медленно, как старый нищий,
что утомился и
ежельминтно отдыхает, а путь
так долог...
Нет. Все правда, ты так далеко.
И я тоже. Безбрежна
Даль пустыни чужой. В ней, как тень
пирамид,
Возвышается сцена, где Гамлет
мятежный
В драме роль свою, ясное дело,
твердит.
Но в пустыне ищу, озареньем объятый,
Я оазисы Обетованной Земли,
Как искали неведомый берег когда-то
В океане Колумбовы корабли.
Я ищу хоть клочок той таинственной
суши,
Тот шестой континент, тот глухой
островок,
Где б на птичьих правах поселить
свою душу
После всех испытаний спокойно я смог.
Изнурен этим жаром пустыни,
а пуще —
Ролью Гамлета в выжженном этом
краю,
Мощью мысли своей мир, бессмертно
цветущий,
Из безумного хаоса я создаю.
Мир волшебный, где время струится,
не старясь,
Сбросит нищего странника маску, —
и в лад
Колокольням, встающим, как поднятый
парус,
Грянет сердцебиением весенних сонат.
Мир — как шар одуванчика, трепетно
нежный,

К нему тянет младенец ладошку
свою...

Быть, не быть ли? — как ворон,
вопрос неизбежный
леет в небе. Но шепот иной узнаю...

III.

... Твои губы, в которых заключен
одновременно зной солнца, пустыня и
родник студеной воды...

Твои губы мне слово твердят.
Но его оболочка,
Как змеиная шкура, сползет.
Прямо в душу ужаль,
Слова жгучего яд! Не давай
ни малейшей отсрочки!
Пусть вздохнет глубоко всею
россыпью клавиш рояля.
Пусть рассеются в Млечном Пути
эти вздохи больные,
Словно искорки звезд на мольберте
в безлунную синь.
Лик измученный скрою — и бабочки
будут ночные
Докучать, словно путнику колкий
терновник пустынь.
Как навязчивый сон — твоих губ
ветровейных Сахара.
Заблудился я в ней и свой груз волоку,
как верблюду.
Но душе, стойко вынесшей жажды
мучительной кару,
Лишь мечты о грядущем, как знойный
мираж, предстают.
Я так страстно хочу, чтоб студеной
живительной влагой
Освежил бы меня твоих губ
искрометный родник...
Но к цветным миражам я не сделаю
больше ни шага:
В драме — Гамлет пустыни —
статистом я быть не привык!
Роль моя мне понятна. Сурова она,
но правдива.
Рассчитаюсь с пустыней, где тщетно
искал я воды,
И в часы очищенья, сквозь звезд и
жемчужин наплывы,
Неприступных задумчивых башен
воздвигну ряды.
Бытие это звездное я против Тьмы
ополчаю,
REX — высокое имя — Гармонии
дам неземной.
Слышу губ твоих шепот. В нем веще
«быть!» — различаю.
Пусть не нынче. Пусть даже посмертно.
Ты вместе со мной!

IV.

... ведь правда, что Ты есть, Ты, у ко-
торой такие глаза, что моя душа в
них, как в небесах, отдыхает...

Знаю я: ты была, есть и будешь
бессменно.

У креста своего неусыпно стою.
REXа милость и гнев испытав, я
блаженно

Ощущаю спасенную душу свою.
В двойнике твоих глаз — бирюзовой
нирване...

Крылья сфинкса сковав, дух впускает
покой...

И проходят купеческие караваны,
В склад торговый весь шар
превращая земной.

Равнодушен я к этому ажиотажу.
Паутину реклам без усилий сниму.
Может, мир на торгах — лишь предмет
распродажи:

Есть цена у него, нет почтения к нему.
Для меня мир — загадка. Высокая
драма

Красок, звуков и слов. Кисти,
струн и реза.

Предо мной возникает его панорама
Не в искусности чувств, а в искусстве
творца!

Плана антиторгащеского воплощенье, —
Мои башни я в сердце созвездий
вонзил.

Чтоб и небо, прозрев после акта
творенья,

Стало выше. Чтоб душу я вновь
погрузил

В синий звездный покой твоих глаз,
как в нирвану...

Ты была, и ты есть, и пребудешь моей
Чистотой изначальной, душой

первозданной,
Атакуемой злобно рабами вещей.

V.

... Единственный мой человек!

Ты единственный мой человек, —
больше нет в том сомненья!

В этих ложью набитых мешках шила
правды не скрывать все равно.

Черный ворон кружил, и едва
не сбылось Откровенье,

Братья жертвенник жгли, дым
клубился под тучами... Но,

Ты единственный, ты лук схватил и
стрелой оперенной

Прямо в черное сердце крылатую
смерть поразил.

Прометеев прикованных слышал
я горькие стоны,
Но под кровлей убогой один
ты исполнился сил,
Чтоб живой, как снегирь, уберечь
животворный наш пламень...
И соперницу света—ты ночь уважаешь
обрел.
Скрыла бездна пустот твоих башен
торжественный камень,
Хмурый спрут Тишины мощный
колокол тиной оплел.
И тогда ты единственный жаркой
ладонью коснулся
Этих звонков распятых, — мечтатель,
фантаст, Дон-Кихот!
И стреноженный ветер на мельничных
крыльях проснулся,
Во все стороны света направив свой
вольный полет.

Ты единственный, ты поднимаешься,
к солнцу, дерзая,
И свергаешься наземь, как камень
могильный, тяжел.
Пепла горсть остается, как черного
плод урожая:
Птица Феникс исчезла, замены ей
мир на нашел.
Ты единственный мой! (И в порыве
твоем быстротечном
Смысл души устарел, — вывел новые
формулы век:
Человек был разумным, а стал
человек человеческим!
Белой Птице Тоски ты подходишь
таким?) —
Человек!..

Перевод с литовского Лазаря ШЕРЕШЕВСКОГО

Занавес

Заполнен музыкальный
ров
разноголосицей певучей.
Просцениум, занавес —
покров
волнующийся и текучий.

Зал полнится. Второй
звонок
торопит всех. И
медлит — третий.
Безмолвный занавес —
пролог
всех предстоящих
перипетий.

И он затопит как волна
все действие — после
развязки.
Есть некоторая глубина,
не требующая огласки.

Не потому ли
не сбились,
что зачерпнули этой
меры
и сгнули среди кулис
первоначальные
химеры?

Смех, шепот, шелест
вееров.
Зал пахнет розами и
цедрой.

Сейчас поднимется
покров
над юностью —
заглавной сценой.

Пойдут — житейской
колен
следы — и след
судьбы могучей —
крест-накрест. Это
дни мои.
И если б не счастливый
случай...

Но пауза слишком
велика.
Она играет роль
терпенья.
Идут — проходят до
звонка —
Пролог и первое
явленье.

Снегопад

Черный и белый —
два цвета живые,
вечнозеленый — не
вечно живет.
Вышел — ослеп.
Прозреваю впервые:
падает снег и
пространство
плывет.

Сбрасываю белый
халат,

ибо сегодня никто
не страдает.
Все погружается
в снегопад,
кружится и пропадает.

Снежная туча низко
идет,
брюхо тяжелое в
темных накрапах.
Остановилась —
ложится — кладет
на мостовую широкие
лапы.

Сладкое бремя ее
тяготит,
не понимаю, что
происходит.
Площадь как поле,
сияет, блестит,
млечный туман над
землю восходит...

Уносит рыжего Бешу
красный жеребец.
Судьба, я тебя потешу,
дождешься, наконец!

И ветер-гиена
повиснет на хвосте,
и розовая пена
выступит на листе.

Влетают клубом
в ущелье:
— Вернись!
— Вернись!
— Вернись!

Оборвалось веселье
где узок был карниз.

И там перед закатом
обычай древний храня,
мы хоронили рядом
наездника и коня.

Померкли небес
прозрачных
хрустальные глаза,
над крутизною мрачной
блеснула звезда-слеза.

Так пусть она
прольется,
если судьба моя
когда-нибудь
разобьется
о будни бытия!

Героическая роль

Правда отыгранная —
хуже фальши.
Зал аплодирует —
что же дальше?

Восторженная жена
рукоплещет мужу —
лишняя молодость
брызжет наружу.

Но тяготится кумир
блеском и властью...
И слеза бороздит
голубое подглазье.

Занавес обрубил
некое действие,
ясное, как слеза
эта единственная.

Удрученный собой,
режиссером и ролью,
он с Шекспиром
поговорит,
как подобает герою.

Но не скажут ему
хартий листы,
что там — в начале слез
и немоты.

Перевод Владимира ЛЕОНОВИЧА

Утро

Рассветает!
Даже не верится —
Синева над кровлей
любую.

Жизнь моя,
Старинная мельница,
Ты вращаешься
только любовью!

И приходим не для
того ли,
Чтобы крепи ее
побеги?

Без любви —
Высокой опеки —
Не избыть вековой
боли.

Молодая лоза кудрява.
Виноградом дома
увиты.
...Но больная память
упряма —
Бережет имена убитых.

Рассветает.
Над кровлей люблю —
Небо иссиня-голубое.
Белый голубь на
голубом.

Очень солнечно.
Очень рано.
...Но раскрыт семейный
альбом —

Вновь заныла старая
рана,

И отец вспоминает
Керчь.

Наползает тяжелый
скрежет,
Пуля травы степные
режет.

Эту память не сбросить
с плеч.

Снова нервы
напряжены:

Нелегко держать
на ладони

Фотокарточку старшего
брата —

Леонида Миндадзе,
Лени.

Фотография старшего
брата
Улыбается виновато:
«Не сумел я прийти
с войны»

Фотография на ладони.
А напротив, в соседнем
доме, —
До сих пор, письма
ожидаю,

Молодого ждет
молодая.

Одиночество.
Ночи — длинные.

Рассветает.
Синь без конца.
Синева над кровлей
любую...

Так вращайся,
Старая мельница!
Все вращается —
только любовью.

Верим:
Ненависть перемелется,
И не будет того,
что прежде.

Так вращайся,
Старая мельница!
Мы вращаем тебя
в надежде,

Что источник
не замутится,
Не померзнут в апреле
сливы,

Не собьется в полете
птица, —
В клюве — тонкая
ветвь оливы.

Перевод Яна ГОЛЬЦМАНА

ПУСТЬ ОБОЛОЖКА ОСТАНЕТСЯ С ТВОЕЙ

● Роман

В ДУШНОМ купе пахло потом и табаком.

Пассажиры молчали — каждый думал о своем.

Иве, подперев голову ладонями, глядел сквозь запотевшее окно на усеянное звездами небо. Огромная луна, словно праздничный светильник в храме Ламарии, бежала по звездному полю, безуспешно догоняя поезд.

У Иве начало рябить в глазах. Он отвернулся от окна, и почему-то вспомнилась ему давешняя встреча на вокзале в Ингури. Он встретил друга детства, Дао, с которым не виделся много лет. Дао возмужал, изменился, отпустил черные густые усы.

— Как живешь, Дао, где ты вообще?

Дао неопределенно пожал плечами, ничего не сказав, и вопросительно поглядел на Алексея и Гурама.

— Э-е, ты ведь их и не видал, это мои младшие братья...

Дао улыбнулся, сверкнув ослепительно белыми ровными зубами.

— Да, много воды утекло... — проговорил он с грустью. — А слушаются? — спросил, помолчав, и обнял ребят за плечи, легонько встряхивая обоих. — Ну, что там у вас нового? — продолжал он, не дожидаясь ответа Иве.

Смуглый до черноты, Дао резко отличался от всех в деревне. Он мог бы сойти за темнокожего, если бы не светло-голубые глаза.

— Дао-курд, Дао-курд, где ты грузинский выучил? — дразнили его ребята.

— Это я курд?! — злился Дао. — Я вам покажу! — И он бросался вдогонку за убежавшими мальчишками.

Нет, родители его были грузины. Отца-то он вовсе не помнил, а мать умерла, когда Дао было двенадцать лет. Смерть ее никто не оплакивал, кроме Дао. Вскоре после того он бросил школу. Это тоже никого не озаботило, тем более что деревня нуждалась в рабочих руках.

Прошло время, и на деревне стали происходить странные вещи: у кого-то из соседей кто-то потаскал кур, потом обобрали чей-то фруктовый сад, неизвестные руки опустошили чье-то фасоловое поле... И пополз слухок: все это дела Дао, Дао — вор! Так и стали звать его за глаза: «Дао-вор». А еще через какое-то время милиционеры провели по улице Дао-вора...

Его судили, потом увезли куда-то в закрытой машине. Так и исчез из деревни сирота Дао, до которого никому никогда не было дела...

И вот в шумном, забитом людьми зале ожидания ингурского вокзала Дао-вор напомнил о своем существовании едущему в Тбилиси Иве...

— Да вроде ничего такого... не знаю, с чего и начать... — Иве растерялся: «Правда, что у нас в деревне нового?..».

— Ну, а ребята?.. Как наши ребята?

... — Иве, Иве... — голос младшего брата отрезвил Иве.

— Чего тебе?

— Пить... — Алексей смотрел на него сонными испуганными глазами, выглядывая из-за спины Гурама.

— Ты ведь попил уже, чего еще?

— Та теплая была, я холодной хочу...

Иве страшно устал от долгой и утомительной дороги, от ожидания поезда, от суетоки и шума, и просто не в состоянии был сейчас двинуться, чтобы принести воды.

— Спи, — велел он Алексею.

... Дао пособолезновал Иве по поводу смерти отца.

— Что ж, брат, это такое дело... против смерти ничего не сделаешь...

Разговаривал он с Иве, как говорят обычно пожилые, степенные крестьяне с младшими.

— У меня вон все померли, никого не осталось.

— А сам ты как поживаешь, Дао?

— Между прочим, неплохо, — ответил тот с непонятной какой-то усмешкой, словно смеясь над кем-то.

— Что ты тут делаешь?

— Товарища провожаю в армию.

Он подозвал своих товарищей, которые, оказывается, стояли поблизости в уголке.

— Это мой друг детства, — представил он им Иве.

Иве заметил, что у этих ребят, товарищей Дао, из-под распахнутых рубах виднелись вытатуированные на груди девицы с рыбьими хвостами. Руки у ребят были сильные, загорелые, да и сами они были крепкие, мускулистые. «Кто они такие, чем занимаются?», — невольно подумалось Иве.

А тем временем товарищи Дао перебросились двумя-тремя словами друг с другом и направились к ресторану. Дао сказал Иве:

— Поезд придет только через два часа. Давай посидим, разопьем бутылочку, потолкуем о том, о сем. Малыши тоже небось устали.

Иве не стал отказываться, и они все пошли в ресторан. Там былолюдно, шумно и чадно от табачного дыма и горячей пищи. Товарищи Дао уже обосновались за столом, Дао и Иве с братьями присоединились к ним.

— За нашу встречу, — провозгласил один из тех ребят.

Иве быстро захмелел — и с непривычки, и от усталости. Он чувствовал себя неловко, видя, как эти незнакомые парни изо всех сил стараются угодить ему, и терзаясь угрызениями совести, что столько времени ничего не знал о Дао и не пытался узнать.

— Золотые ребята, — сказал Дао о своих товарищах. — Ради друга в огонь и воду пойдут! Я их люблю! Да что, ведь кроме них у меня никого и нет...

Дао тоже потихоньку разбирал хмель. Он погрустнел.

«Зачем ты так, Дао! У тебя есть школьные друзья, все в деревне тебя помнят и любят, и скучают по тебе», — хотелось Иве утешить и приободрить Дао, но он сдержался, чувствуя, как фальшивы были бы эти слова.

... — Что за беготня на тебя напала среди ночи! — донеслось до слуха Иве.

Гурам встал и пытался пробраться в коридор, а какой-то толстый пузатый мужчина, сидевший у самого входа в купе, возмущался тем, что его беспокоят.

— Куда тебя несет, правда! — рассердился Иве.

— Воды принесу...

— А ты чего не спишь? — обратился Иве к Алексею.

— Воды хочу... холодненькой, — виновато отозвался тот.

— Может, еще боржому тебе подать?

Гурам все же принес воды, Алексей напился.

— Спице теперь оба.

... — Знаешь, тоскую я по деревне, — говорил Дао. — Хочется приехать... да как вспомню, что меня вором окрестили! «Дао-вор»!.. Нет, теперь я этого не стерплю! — Он заскрежетал зубами.

— Не говори так, Дао, что ты!..

Дао, казалось, не слышал его слов. Они стояли друг против друга, Дао и он, Иве, держа за руки своих братьев. В голубых глазах Дао сверкнули слезы. Он отвернулся, попрощался с Иве и отошел, растворившись в толпе перрона, которая несколько минут назад скрыла его друзей.

«Кто они, чем они занимаются? — мучительно размышлял Иве. — Ты вправду провожал друга в армию, Дао?.. Но ты вспомнил родную деревню и заплакал, Дао! Мне так хочется, чтобы ты вправду провожал друга в армию!.. Ты ведь сам мне это сказал! Главное, что ты вспомнил родную деревню и заплакал, ты вспомнил наши белые башни, вспомнил наших ребят, — все вспомнил...».

А поезд мчался вперед, пронесились придорожные деревни, мигая яркими огоньками ночных домов. Иве сидел, поглядывая на спящих братьев. Ему не хотелось спать. Пузатый пассажир спал, завалившись набок и упираясь головой в бедро Алексея, и храпел во всю ивановскую.

Алексий проснулся и опять попросил воды. Гурам тоже проснулся и, услышав жалобный голос брата, опять пошел за водой. Пузатый пассажир был совершенно возмущен — Алексей спросонья сбросил его голову, а Гурам, проходя, опять его потеснил. Он с ворчаньем поправлял съехавший на сторону галстук.

— Поменяемся местами, батано, — обратился к нему один из сидящих на боковом сидении пассажиров. Он был довольно высок ростом, худощав, светлые усы прикрывали его верхнюю губу.

— Конечно, Мелитон, поменяйся с ним, — поддержали его рядом сидящие, видно, товарищи.

— Меняйся не меняйся, только храпеть он все равно не перестанет! — сказал кто-то.

— О чем это вы болтаете, что за храп, что за обмен? — недовольно пробурчал пузатый и, пожав плечами, оглядел всех уже проснувшихся пассажиров в поисках сочувствия. Столкнувшись взглядом с Иве и братьями, он гневно сверкнул на них круглыми глазами, вытащил вышитый цветочками платок и отер мокрый от пота лоб.

— Там дети, батано, давайте поменяемся, — настаивал высокий светлосый пассажир.

— Ну и что ж, что дети! Сидят ведь, чего еще! У меня тоже дети есть.

— Тем более, надо же войти в положение!

— Да, у меня тоже дети есть, только они не шатаются так без призора!

Оба замолчали, поглядели на Иве, как бы ожидая, что же он скажет. Иве не захотел продолжать эти разговоры, он прикрикнул на брата: «Чтобы я ни звука больше не слышал!».

Гурам принес стакан воды, подал Алексею, тот выпил. Гурам унес стакан обратно, вернулся, и оба улеглись. Гурам подложил руку младшему брату под голову, и они быстро уснули.

— Я никогда не езжу поездом, тем более в общем вагоне, — заговорил пузатый.

Высокий и его друзья вызывающе поглядели на него — «как же, мол, ты едешь? И почему попал в этот вагон?».

— Семья моя отдыхает на побережье, ездил вот повидать... Загорели, как негры, черные, старшую дочь едва узнал! — тут он помрачнел, недовольно поморщился. — Эта дура влюбилась в какого-то сопляка, совсем с ума сошла! Я не выдержал, взял и уехал!

— Ну и что же? — оживились Мелитон и его спутники. — А из каких краев тот парень?

— Из Зугдиди.

— Из Зугдиди?! Ну, коли он из Зугдиди, так вам не о чем печалиться. В Зугдиди каждый второй имеет автомашину.

— Да кто ему даст машину! Голоштаный моряк! Работает на рыболовецком судне «Шота Руставели», все двенадцать месяцев в году пропадает в море. Моя-то дура воображает, что дальнейшее плавание—это увеселительная прогулка, кругосветное путешествие на собственном теплоходе! А какой прок в болтании по морям?..

Иве незаметно для себя уснул.

Когда он проснулся, Алексей и Гурам, сидя у окна, глядели на окутанные дымкой поля, тянувшиеся вдоль берега Куры.

— В городе есть лес? — спросил Алексей.

— Откуда в городе лес! — ответил ему Гурам.

— Иве, правда, в городе нет леса?

— Правда. Там маленькие рощи, то есть парки. И сады.

— А Тетнульд?

— Тетнульд остался позади, далеко Тетнульд.

— А откуда же тогда солнце восходит?

— Солнце из-за другой горы восходит. Вот увидишь.

«О матери ни слова не спрашивает. Ну конечно, он сейчас все только о городе...» — подумал Иве. Гурам тоже не заговаривал ни о матери, ни о доме вообще — словно сговорились ребяташки.

— А как там, в городе? Помнишь, в кино показывали, как стреляли и убили кого-то, помнишь? В городе это было, а там, куда мы едем, тоже так? Толстяк тоже проснулся и слушал мальчугана с улыбкой, будто не на него вчера сердился.

— Иве, Иве, что это? — вскрикнул вдруг Алексей, указывая на окно.

Гурам тоже с любопытством глядел на блестящий шар, поднимающийся с горизонта.

— Это солнце, что же еще!

— Солнце? — Алексей так и разинул рот. — Какое же это солнце!.. Солнце так сверкает, что на него смотреть нельзя!

Да, Алексей был прав: там, в его деревне, солнце восходит из-за высоких хребтов и сверкает так ослепительно, что глазам больно. А здесь оно было иным, — казалось, смотришь на него через закопченное стекло.

В вагоне было жарко. В коридоре кто-то сказал, что по радио предвещали сильную жару. Иве с тревогой поглядел на братьев. Жара и сырость равнины были врагами горных жителей. А мальчики к тому же впервые покинули родные места, и впервые предстояло им окунуться в духоту и зной летнего Тбилиси.

— Куда вы едете? — спросил Иве пузатый толстяк.

— В Тбилиси, батоно, — очень сухо и неприветливо ответил Иве.

— Я... то есть, не куда, а зачем вы едете, хотел я спросить, — растерянно продолжал толстяк.

— Устраиваться едем.

— А-а, понятно, понятно, — кивнув головой, проговорил толстяк, хотя ему ничего не было понятно.

Мелитон подсел к Иве и принялся расспрашивать его тоном старого знакомого.

— Братя, да?

— Ага, меньшие.

— Тот, что постарше, на тебя похож. А про младшего не скажешь. Все не похож.

— Мы с Гурамом на маму похожи, а Алексей в отца пошел.

— Куда ж вы будете устраиваться?

— Я их в детдом должен определить.

— В детдом?

— Да, в детдом.

— Ага, да-да-да, ну что ж, ничего. Правда, жалко их немного, без родительской ласки...

Толстяк весь обратился в слух и таращил свои круглые глаза.

— Маме трудно очень одной с ними, вот я и решил... — Иве надоело говорить на эту тему, но он стеснялся Мелитона.

— Ты учишься? — вмешался, наконец, изнывающий от любопытства толстяк.

— Нет, сейчас буду поступать в университет.

— О! А если не выдержишь экзамены? Там конкурс, знаешь, что творится? — толстяк оглядел присутствующих с хитрой многозначительной улыбкой и продолжал: — Денежки нужны, денежки!

— Ну, батоно, в наше время и знаниями можно кой-чего добиться, — возразил ему Мелитон.

— Сказки! Без знакомства и денег никакие знания не помогут! — махнув рукой, безапелляционно произнес толстяк. — Моя старшая дочь на «отлично» кончила школу, а без моей помощи не видала бы вуза, как своих ушей без зеркала!

— Его сын тоже учится в вузе, но ему это копейки не стоило, — Мелитон указал на одного из своих спутников. — Разве не правда, Вахто?

Вахто утвердительно кивнул.

— Конечно, правда, я никому ничего не давал.

Толстяк аж побагровел и раздраженно спросил:

— А где это он учится, его сын?

— В фармацевтическом техникуме.

Толстяк улыбнулся, потом захохотал, тоненько повизгивая:

— В фармацевтическом... ха-ха... техникуме! Ха-ха-ха! А ты скажи про мединститут или хотя бы экономический факультет в госунте!

Беседа на этом прервалась. Мелитон снова повернулся к Иве и наставительно сказал:

— Ты делай свое. Попытайся сдать и поступить. Если его слушать так выходит, все находится в руках мошенников, взяточников и пройдох. А ты свое дело делай!

Иве задумался. А что если толстяк прав и он не сумеет попасть в университет? И что будет с братьями? Может, лучше было ему не рыпаться и сидеть в своей деревне, с теми, среди кого он вырос, с пахарями и лесорубами, которые любили его и всю их семью... Ведь кроме матери никто не советовал ему ехать, ни родственники, ни соседи. Однако больше всех Иве верил именно матери.

— Иве, посмотри, что он делает, — дергал его за рукав Гурам.

— Что он делает?

— Глаза трет!

С обоих градом лил пот. Алексей тотчас опустил руку, которой тер воспаленные, покрасневшие глаза.

— Чтоо я этого больше не видел! Понятно? — прикрикнул на него Иве.

Алексий, как всегда в подобных случаях, покорно кивнул — дескать, понятно.

— Да-а, эти молодые люди, знаете ли, — заговорил вновь толстяк, — они ни черта не смыслят! Моя дочь слышать не хочет о протекции, но не могу же я потакать ее глупости! Правда, в какой-то момент я решил предоставить ей свободу, но все на меня обрушились, мол, ты погубишь свою дочь. Тем более, что старшая учится, зачем же младшая должна пострадать? А ведь я сравнить ее не могу со старшей! Та — дуреха, сумасбродка, да еще этот институт иностранных языков вовсе с ума ее свел, все бредит дальними странами да кругосветными путешествиями. И выходит замуж за такого же придурка, как сама, за бродягу морского! Родителей бросает! Нет, не поймешь теперешнюю молодежь! — он с досадой махнул рукой.

— Вернее, некоторых молодых людей, — уточнил Мелитон.

— Хотя бы и так, извольте, некоторых, это не имеет принципиального значения, — несколько смешавшись, согласился с ним толстяк. — Но знай я, что она отколет такой номер, выйдет замуж за бездомного шалопаю, я бы все ее не растил! Да, да! Что можно ждать от человека, который каждую ночь спит в каюте! На кой черт сдалась мне его каюта!

— Не может быть, чтобы у него не было дома, батоно!

— Говорю вам, бездомный, беспризорный, безродный! И нищий, нищий! Говорит, скоро ему квартиру выстроят. А что у нас скоро строят, чтоб его квартиру скоро выстроили? Ему, видите ли, квартиру!.. Это все из-за них я задыхаюсь в поезде в такую жару! — он обливался потом, лицо его от волнения было красно, как вареный рак.

— Успокойтесь, батоно, ни к чему так волноваться, все утрясется, перемелется — мука будет, — стал утешать его Вахто.

— А-ах! А что скажут мои сотрудники, когда узнают, что моя дочь, дочь Арчил Арчиловича, вышла замуж за бродягу, за моряка! Стыд и срам, стыд и срам! Узнают, конечно же, узнают!

— Собственно, мы, например, ничего постыдного во всем этом не видим, батоно.

— Да как же! Женщины все по одной мерке скроены, мать ей потакает, мол, если любишь, доченька, выходи за него. Слыхали?! Дура, дура, сыну ректора отказала, а за этого идет!

— А-а, это совсем другое дело! Значит, любит!

— Прекрасный был парень! И такой круг! Такие друзья!

Он чуть не плакал.

Вошел кондуктор и объявил, что поезд приближается к Тбилиси.

Когда поезд остановился, поднялась сутолока и давка. Каждый хотел пробиться первым к выходу. Иве невольно вспомнилось деревенское стадо, которое вечерами он гнал домой. Козлы-вожаки так же вот стремились пройти везде первыми.

Мелитон и Вахто предложили Иве помочь нести вещи, но у братьев был только один чемодан, и Иве вежливо поблагодарил спутников.

— Да, чуть было не забыл, — спохватился Мелитон. — Меня зовут Мелитон Квирквелия, я из Цаленджиха, если попадешь в наши края, разыщи меня. Толпа отеснила их, развела в разные стороны.

Они шли по широкой и шумной улице. Алексей и Гурам шагали, оглушенные гулом машин, пестротой и суетой толпы, и молчали, глядя вокруг во все глаза. У какого-то большого магазина братья остановились. Иве велел им обождать, пока он что-то купит, но Алексей, беспокойно переминаясь с ноги на но-

гу, попросил Иве взять их с собой — мама-де не велела отходить от старшего брата ни на шаг.

— Ладно, входите и ждите меня у дверей, я сейчас.

Иве купил два носовых платка для братьев, простояв в длинной очереди.

Снова шли они по улицам, наконец сели в троллейбус. На какой-то остановке сошли и тут же, у остановки, вошли в железные ворота большого асфальтированного двора. По одну его сторону тянулось унылое строение, одноэтажное, приземистое. В стороне стоял трехэтажный массивный дом, выстроенный в псевдоготическом стиле. Одноэтажное строение состояло из ячеек — комнатшек, двери которых выходили прямо во двор. Это было строение барачного типа, в свое время оно предназначалось для временного жилья рабочих стройки. Теперь люди там жили далеко не временно.

Иве постучал в одну из дверей. Никто не отзывался. Он постучал снова. Тогда кто-то из соседней комнаты сказал:

— Баболия только что ушла на рынок.

Баболия приходилась мальчишкам дальней родственницей и жила здесь, в тесной комнатке, где едва умещались кровать, столик, шкаф и она сама, пожилая женщина внушительных размеров.

Иве поглядел на братьев. Оба еле держались на ногах. По их измученным лицам струился пот.

— Ох, чуть не забыл! — Иве вытащил из кармана купленные в магазине платки и вручил Алексею и Гураму. — Чтоб я не видел, что вы кулаками глаза третей!

Алексий поспешно принял от брата яркий красивый платок, полюбовался им и отер лицо. Гурам сделал то же. У Иве почему-то сердце сжалось.

Дети не в силах были стоять и присели на приступочке у ворот. А Баболия все не было! Иве и сам был полумертвый от путешествия по дорогам Сванетии и в душном поезде. Два дня в пути — и сознание того, что отныне он целиком и полностью в ответе за братьев!..

Наконец Баболия появилась. С зонтиком, с тяжелой корзиной. Поздоровалась за руку с Иве, улыбнулась приветливо. Выразила ему соболезнование по поводу смерти отца, потом, указывая на ребят, спросила: «А это кто такие?» Иве казалось, что Баболия должна бы их знать, и он ответил с легким недоумением:

— Мои братья!

— Правда? — Баболия снова улыбнулась, потрепала их по щекам. — Хорошие у тебя братья. — Она вытащила из кармана длинный, тронутый ржавчиной ключ, закрыла зонтик, протянула его Иве и стала отпирать дверь. Но ключ — или замок — заупрямился и не поддавался. — Ах, господи, сил моих нет от этого замка! Ну-ка ты попробуй, детка, — обратилась она к Иве.

Иве повернул ключ с немалым трудом, но дверь открылась.

— Ну-ка, дети, входите, входите, — сказала Баболия и стала вытирать ноги о половичок, постеленный у входа. Затем внесла в комнату корзинку с провизией и оглянулась, точно проверяя, все ли вытирают ноги.

— Позавчера пол красила, правда, хорошо?

— Очень, — ответил Иве, отнюдь не испытывая никакого восторга — непривычно было ему ходить по блестящему крашеному полу.

Гурам долго отирал подошвы о половик, прежде чем войти, а Алексей так и шагнул в комнату, и на чистой поверхности возникли отпечатки пыльных башмаков. Иве укоризненно посмотрел на Алексея, тот с виноватой миной вернулся к порогу и старательно вытер ноги.

Стульев не хватало, и Баболия усадила их на кровать.

— Как тебя зовут, — обратилась она к Гураму.

— Гурам.

— А тебя?

Алексий все не мог оправиться от смущения и молчал.

— Его звать Алексием, — пришел на помощь брату Гурам.

— А сам он не может сказать? Ну-ка, мальчик, скажи, как тебя зовут? — настаивала Баболия.

Алексий, опустив голову, молчал и болтал ногами, не доставая ими до пола.

— В какой класс ты перешел?

— В четвертый, — опять ответил за брата Гурам.

— А какие у него отметки? — Баболия, смирившись, теперь обращалась к Гураму.

— Пятерки!

— Одна четверка была... — заговорил-таки Алексей.

— Ага, видишь! Оказывается, он умеет говорить! Молодец!

— Да не было четверки, — возразил Гурам.

— Была, по чистописанию.

— Маме сказали, что все пятерки. Я сам слышал...

Тем временем Иве собрался уходить.

— Я скоро вернусь, будьте умниками, — сказал он братьям.

— Куда это ты? — удивилась Баболия.

— В министерство пойду. Надо же их определить.

— Отдохнул бы с дороги-то. Завтра успеешь.

— Не успеешь. Скоро у меня экзамены начнутся, до того надо их устроить.

— Ну так поешь чего-нибудь... Я сейчас приготовлю!

— Нет, тетя Баболия, спасибо, потом.

— Как знаешь... А то я мигом...

Иве вовремя подбежал к остановке — успел вскочить в троллейбус. Теперь-то он знал, что такое троллейбус, а что такое автобус и что — трамвай. А вот в первый раз, когда он с товарищами приехали в Тбилиси, все было на одно лицо. Правда, те их односельчане, которые бывали в Тбилиси, предупреждали их, что троллейбус — это который к проводам вверху прикрепляется, как и трамвай, но трамвай еще и по рельсам бежит с грохотом, а вот автобус без всяких рельсов и без проводов. Да еще говорили, что трамвай дешевле, а самый дорогой — автобус. Но когда Иве и его друзья очутились в городе, они позабывали все советы и все предупреждения. Билеты брали на каждой остановке. Наконец Датики сказал: «Э-э, ребята (вместо «р» он произносил «л»), клومة нас никто не билет билет на каждой остановке. Навелное, не надо». Кто-то из пассажиров засмеялся, тогда Датики, разозлившись, обратился к нему:

— Ну чего, чего гогочете, да, плизжие мы, не знаем, подумаешь, важность какая! — Вокруг засмеялись громче. Датики разозлился, обиделся. Ему вообще везло — над его словами вечно смеялись, но это потому, что он частенько все перевирал. Иве вспомнилось, как в первый же день прибытия они ждали в красном уголке общежития коменданта. Ребята ворчали — дескать, бросили нас, никому до нас дела нет. Наконец кто-то заглянул в двери красного уголка и спросил, кого и чего они тут ожидают. Ответил Датики:

— Комбината ждем, целый день ждем этого комбината!

Человек недоуменно пожал плечами. Тогда вмешался Шалва.

— Да не комбината, коменданта ждем.

Все дружно расхохотались. Ребята, сморенные усталостью и ожиданием, оживились. Шалва же хихикнул:

— А помните, как он хвастался, когда из армии приехал? Я, мол, всю Россию объездил, в каких только городах не побывал, все знаю. А комбинат от коменданта отличить не может!

Датики обиженно надулся. Долго он не разговаривал с Шалвой. «Не тебе надо мной смеяться», — сказал. Но потом решил, что в его басни все равно уже никто не верит, ни к чему все это, и признался, что те три месяца, которые он провел в армии, он работал лесничим в заповеднике под Брянском, и ничего другого больше не видал.

Вообще-то Датики любил похвастать. Еще как-то было: он наставительным тоном сказал ребятам: «Самое трудное — это прыгать на ходу с троллейбуса!». «А ты разве умеешь?» — недоверчиво спросил Шалва. «Конечно, раз говорю, значит, умею». Они стояли как раз на троллейбусной остановке. Ребята выстроились вдоль тротуара, приготовились к зрелищу. Подошел троллейбус. Датики поднялся на ступеньку и стоял, пока троллейбус не двинулся. Неожиданно он оттолкнулся от растворенной дверцы, к которой прижимался спиной, и выпрыгнул. Он полетел на асфальт, перекувырнулся, встревоженные товарищи бросились к нему. Датики сильно расшибся, да хорошо еще без перелома обошлось, только кожу ободрал, синяки и ссадины заработал. Но все равно, вызывали скорую помощь.

...Занятый воспоминаниями, Иве и не заметил, как подошел ко Дворцу правительства, где помещался Совет Министров. Он поднялся на лифте на шестой этаж, долго бродил по коридорам, пока не увидел дверь с табличкой: «Отдел детских домов и интернатов». Он приоткрыл дверь и спросил, можно ли войти.

Женщина, сидевшая в просторной светлой комнате, не спешила с ответом. Она извлекла из сумочки зеркальце, погляделась в него, потом обратилась к какому-то мужчине привлекательной наружности, который сидел рядом с ней. Он-то и ответил на вопрос Иве.

— Вы ко мне? — спросил этот мужчина, когда Иве вошел. — Что вам угодно?

— Да я и не знаю, к кому обратиться, батона... Вот... братьев я привез, должен устроить их в детский дом...

Мужчина потер руки и задумался. Тут вмешалась женщина:

— Пока рано. Приходите после двадцать пятого августа.

— Но я их уже привез!.. Они здесь, в городе...

— Что же, мы ведь вам не велели их везти!

— Мне необходимо было приехать, и я забрал их с собой, — пожал плечами Иве.

— Зря, зря поспешили, молодой человек, — с кислой улыбочкой проговорила женщина.

— Послушай, парень, начальника сейчас нет, что же делать? — заговорил опять мужчина.

— Помилуйте, Ираклич, мы никогда в июле не принимаем! — возразила женщина.

— Если бы Володя был на месте... но он в отпуске, — мужчина с сочувствием смотрел на Иве.

Иве прикусил губу. Его душила злоба. Он повернулся, вышел и закрыл за собой дверь. В приемной он беспомощно опустился на стул и огляделся. Здесь толпился народ, из кабинетов раздавались звонки. Люди здесь делились на две группы: те, которые просили, и те, которых просили. Первые, как и Иве, ждали ответа или приема, либо сидели, либо ходили из угла в угол — томилась. Многие из них уже вошли, куда стремились, и вышли ни с чем и, обманутые в своих надеждах, не в состоянии были уйти отсюда. Были и такие, которые хладнокровно принимали и отказ, и отсутствие того лица, которое нужно было им по их делу. У таких все шло прекрасно, «незачем ломать голову и сходить с ума, — говорили они, — не сегодня, так завтра добьемся». Те, которых просили, которые принимали в своих комфортабельных кабинетах изыскующих от ожидания и волнения просителей, действовали по давно установившейся традиции: они наизусть знали все правила и законы, знали, когда можно удовлетворить просьбу, когда нет, когда можно даже слегка и нарушить какой-нибудь не очень страшный закон и чего ради. И, главное, даже тогда, когда они отказывали, они были безукоризненно вежливы и приветливы, так что проситель порой и с отказом уходил все же довольный.

Этажом ниже, перед приемной министра просвещения и заместителя министра, народу было еще больше.

Иве сидел и ни о чем не думал. У той двери, из которой он недавно вышел, стояли теперь женщины, мужчины и маленькие ребяткишки, крепко цеплявшиеся за материнские юбки.

«Они, верно, в моем положении», — мелькнуло у него в голове. Состояние бессильной злости уже прошло. Он почему-то увидел себя стоящим возле целой горы щебня в ожидании грузовика, который он только что нагрузил и отправил. Он стоял с закатанными рукавами драной блузы... А вот он шагает с косой за плечами, шагает по зеленому лугу вместе с односельчанами туда, наверх, к Ларельским полям на косовицу... И ему радостно шагать с этими сильными, крепкими, малоразговорчивыми людьми с мозолистыми загорелыми руками... Потом Иве мысленно прошел все дороги, которые остались там, позади, далеко отсюда, и услышал упреки родственников: «Мы говорили тебе, предупреждали, но ты нас не захотел слушать. Твое дело — ворочать камни, пасти скот, рубить дрова. Так жил твой отец, так жили твои деды, мир их праху...»

— Эй, парень, — Иве очнулся от размышлений. Перед ним стоял тот самый человек, который сидел в приемной. — Откуда вы приехали?

— Из Сванетии.

— Ты знаешь Бекурби Арчвлиани? Он главный врач Местийского района.

Иве с недоумением уставился на вопрошавшего, потом, собравшись с мыслями, произнес:

— Да, батона, знаю. Он лечил моего отца.

— Это мой зять.

— Правда?..

Приложив к губам указательный палец, человек о чем-то размышлял. Наконец заговорил решительно.

— Вот что. Володя сейчас вот звонил, сказал, что завтра к десяти будет. Мы попросим его, думаю, он не откажет. Только ты должен быть здесь к десяти.

— Большое спасибо! — просил Иве.

— Ну-ну, сперва надо дело сделать, потом уж спасибо.

Иве вылетел из здания как на крыльях. Во внутреннем дворике был фонтан. Иве подошел, подставил лицо под струю. Холодная вода освежила его. «Что было бы со мной, если бы Бекурби Арчвлиани женился на другой женщине?..»

Он шел по улице, тихо напевая про себя. Это с ним было впервые после смерти отца.

Баболия читала у окошка. «Ну что?» — спросила она, отложив очки и книгу, когда вошел Иве.

— Велели прийти завтра.

— Что ж, хорошо, — она снова принялась за чтение.

Гурам и Алексей смиренно сидели за столом. У Алексея глаза были заплаканы. Завидев Иве, он начал всхлипать. Иве вопросительно посмотрел на Гурама. Тот знаками стал ему что-то объяснять. Иве догадался, в чем дело, взял Алексея за руку, вышел с ним во двор, и указал, где был туалет.

— Уйдем отсюда, Иве, уйдем, — хныча, стал просить Алексей, когда они возвращались в комнату.

— Куда уйдем, дурачок?

— Уйдем отсюда, — твердил Алексей.

Жара стояла — не продохнуть. Но в комнате Баболия было сравнительно прохладно. Подобно всем комнаткам этого двора, она была затенена высокими зданиями, и солнце в комнаты не заглядывало. Но крашенный пол, шелковый зонтик Баболии — а в деревне-то кто носил зонтик от солнца! — сама Баболия с очками на неприветливом лице и с книжкой — все это удручающе действовало на детей. Гурам-то помалкивал, зато Алексей все не мог успокоиться. Он глядел умоляющими глазами на старшего брата, и в конце концов Иве обратился к Баболии:

— Мы вас не станем больше беспокоить, тетя Баболия, я встретил товарищей, они позвали меня к себе, так что мы сейчас уйдем. Спасибо вам большое.

— Да что ты, разве можно выходить из дому в такую жару! — всполошилась Баболия. — И потом, не могу же я вас так отпустить, не евщи...

Гурам уже стоял у порога с чемоданом в руках, Алексей с ним рядом.

— Нет, нет, тетя Баболия, не беспокойтесь, пожалуйста! Мы пойдем...

— Не знаю, ну как же так... заходите ко мне, заходите обязательно...

— Непременно, тетя Баболия.

Баболия потрепала младших по волосам, потом, спохватившись, открыла шкафчик, достала оттуда коробку конфет и, бережно открыв крышку, протянула детям:

— Угощайтесь, это мне преподнесли... чехословацкие! Таких нигде и не найдете.

Гурам взял одну конфетку. Алексей сгреб чуть не все конфеты и зажал их в кулаке. В коробке остались всего две штучки.

— Возьми, милый, это тебе, — обратилась Баболия к Гураму.

— Ты бы хоть с Гурама пример взял, — укоризненно сказал Иве Алексею, когда они вышли на улицу. — Не твоя ведь была коробка.

— А она же меня угостила, — слабо оправдывался Алексей.

В конце горбатой улицы стоял большой дом. Они вошли в подъезд.

— К кому идете? — спросил строго сторож.

Иве назвал фамилию, и они беспрепятственно стали подниматься по лестнице.

— Кто там? — раздался голос из-за двери, в которую они постучали.

Это был голос Датико. Иве толкнул дверь. Датико стоял над тазом, стирал сорочку. Увидев Иве, он бросил стирку и, как был с мыльными руками, кинулся его обнимать.

— Как твои дела? — осведомился после объятий Иве.

— Челт побели, кажется устлавваюсь! — просияв, сказал Датико.

— Поздравляю!

— Нока погоди, я боюсь математику, письменный! Постой, это никак твои блатишки?

— Да.

— Сейчас мы их уложим отдыхать! — он оглядел мальчиков. — Это бывшая комната Иве, выбилайте, какая кловать вам по душе.

Все четыре кровати были аккуратно застланы.

— Да, но они ведь все заняты! — возразил Иве.

— Ничего, устроимся!

— Как поживает Шота, где он?

— О, Шота настоящий каменотес, деньгу зашибает! На столонельстве Дволца сполта лаботает.

— А остальные как?

— У Акакия Жгенти лаботают, стлоят психиатлическую больницу.

— Опять в десятом управлении?

— Да, в десятом.

— Там такой же бедлам?

— Почти. Немного лучше.

Акакий Жгенти был производитель работ десятого стройуправления. Высокий, но нескладный, уже в годах, он любил похвастать. Особенно упивался он рассказом о том, как, учительствуя в молодости в Хевсуретии, он похитил

девушку, невесту кого-то из местных ребят, бежал с ней и храбро отбивался от преследователей. Среди рабочих Акакий авторитетом не пользовался и доверия не имел. Он это знал, но не унывал и не упускал случая похвалиться, особенно перед новичками. Поговаривали, что он обсчитывает новичков — в свои вечно, пользу, что вообще у него числятся мертвые души в журнале, и эти мертвые души — его родственники и знакомые, сроду не появлялись ни на одном строительстве. Словом, его недолюбливали, и, вероятно, были к тому причины. Иве и его друзья сначала не верили всему, что слышали о нем. Однажды в разговоре Акакий ляпнул, что у него пятикомнатная квартира и в гараже две машины... И тут же прикусил язык, замолчал и вовсе отошел от ребят. Ясно было, что он не собирался этого оглашать, просто проговорился. После того ребята поверили, что не зря о нем плохая слава.

Случай, который вскоре произошел, подтвердил слухи.

Осенью, в октябре, новичок Мурман Шабуришвили получил за двадцать шесть рабочих дней всего пятьдесят рублей, тогда как другие за те же двадцать шесть дней получили по восемьдесят и по сто рублей. В бухгалтерии ему сказали, что да, действительно, он проработал двадцать шесть дней, но у него много часов простоя.

Узнав об этом, рабочие сперва посмеялись над Мурманом, дескать, работать надо, а не ворон считать, но, поразмыслив, возмутились: Мурман, хоть телосложения далеко не богатырского, зато старательный, работающий, усердный донельзя. Пошли к Акакию наводить порядок. Но порядка не навели, Акакий выставил их с бранью, особенно досталось «деревенщине мтиулу», то есть самому Мурману (он был из Душети, центра горного района Мтиулети), и с того дня Мурману от производителя работ житья не стало. Наконец, недели две спустя, Акакий обвинил Мурмана в том, что он якобы продал ведро клея со стройки. И на доске объявлений Десятого стройуправления появилось объявление: «За присвоение государственного имущества подсобного рабочего Десятого стройуправления Мурмана Шабуришвили уволить с работы. Основание...» и так далее.

В управлении как бомба разорвалась. Никто не мог поверить в то, что Шабуришвили вор. За время работы Мурман заслужил всеобщую любовь. Это был на редкость застенчивый, скромный и честный парень. Иве вместе с Мурманом учился в вечерней школе, и в классе Мурман считался одним из лучших учеников, преподаватели нахвалиться на него не могли.

Как раз в эти дни на стройку явился корреспондент из газеты. Записал фамилии ребят, расспрашивал их о работе, об их жизни вообще, чтобы написать о них статью. Иве работал тогда десятником. Он сказал корреспонденту, что писать надо не о том, а о возмутительном происшествии, которое случилось на днях, о товарище, которого оклеветали и с позором уволили с работы. Корреспондент отказался: тема статьи была совершенно другая. Но он все-таки записал кое-что из того, что рассказали ему о Мурмане, и ушел.

Ребята, разочарованные и расстроенные, вяло и неохотно продолжили работу.

— Что это с вами? Может, хотите, чтобы я всем вам по полдня записал? — обрушился на них разъяренный Акакий. Он слышал все, но при корреспонденте молчал, не вмешивался.

На следующий день в газете появился довольно обширный очерк — «Улыбка горцев». Бодрый тон ее и перевранные, несуществующие факты возмутили ребят.

Иве в ключья разорвал газету. А где то, о чем они просили написать?!

На второй день он отправился в редакцию той газеты, прямо к главному редактору. Войдя в огромный кабинет, он слегка оробел, но редактор вежливо предложил ему присесть и осведомился, по какому делу он пришел.

Иве развернул газету, принесенную с собой, и проговорил:

— Я пришел по поводу этого очерка. Тут все совсем не так. Мы просили написать правду, а он написал совсем о другом...

— О чем же вы просили написать?

— У нас произошла скверная история. Нашего товарища оклеветали и выгнали с работы.

— Да-а? — редактор постучал по столу кончиком карандаша. — А ну, рассказывай все по порядку, как и что было.

Иве рассказал все подробно. И попросил редактора помочь им.

— Хорошо, что вы пришли. — выслушав, сказал редактор. — История, конечно, пренеприятная. Но вы тоже в свою очередь должны помочь редакции.

— Как? Чем? — изумился Иве.

— Вы учитесь?

— Да, в вечерней школе, в десятом классе.

— Так вот, возьмите и сами напишите. Мы проверим факты и напечатает вашу статью. Договорились?

— Я, правда, никогда не пробовал, но... хорошо, я напишу. Извините за беспокойство. — Иве поднялся.

— Даю вам неделю срока. В следующий четверг статья должна быть у меня на столе.

— Я постараюсь, батон...

— Ну, давай, давай! Будь здоров.

Недели через две в газете был напечатан целый подвал. Статья, подписанная Иве Береджани, называлась «Справедливость». Но Иве не нашел в ней почти ни одного своего слова. И сокращена она была сильно, и все было смягчено, виновных в том, что человека оклеветали и опозорили, найти было невозможно. Акакий вообще не был назван, Мурмана, оказалось, уволили просто по ошибке, но вмешались товарищи и все прояснилось. Его на днях восстаноят и выдадут зарплату за все дни... Но все равно ребята были очень довольны.

...На следующий день братья сидели в поезде. У Иве в кармане лежало награвление, подписанное заведующим отделом детских домов и интернатов Министерства просвещения республики, в котором говорилось следующее: «Директору Каспского детского дома Ахалакальского района тов. П. Арутиншвили. Просим принять в вверенный вам детдом на воспитание Гурама Мушниевича и Алексия Мушниевича Береджани...».

— Иве, мы далеко едем? Ночевать в поезде будем? — спросил Алексей.

— Нет, через час приедем, наверно.

Они должны были сойти в Метехи.

Иве спросил проходившего мимо них проводника, долго ли еще до Метехи.

— Часа полтора, — ответил тот. — А билеты есть у вас?

Билеты взять они не успели.

— Да это такой поезд, всегда не успевают. Большинство из окрестных едет, кто за покупками в город ездил, кто родственников проведать или еще по каким делам, и все торопятся вернуться. Ну-ну, в следующий раз покупай билеты вовремя, а теперь давай плати три рубля.

— Почему три?

— А по рублю с человека, ясно?

Деньги проводник сунул в свой нагрудный карман и никаких билетов Иве не дал. Да тот и не подумал о билетах.

В Метехи сошло много народу. Причем, сойдя с поезда, люди как угорелые мчались в сторону протекавшей неподалеку реки, к набережной. Навьюченные корзинами, узлами, баулами, они чуть не бегом бежали вдоль берега и скрывались за поворотом дороги, огибающей холм. «Куда это они?» — недоумевал Иве. Он обратился с вопросом, как добраться до Ахалкалаки, к одному пожилому человеку, но тот, даже не взглянув на Иве, видно, и не слыша его вопроса, тоже побежал вслед за всеми. Вдруг послышался звук бьющегося стекла и следом женский крик. Какая-то пожилая женщина била себя по голове и отчаянно причитала, стоя над большой картонкой. На ее крик никто не обратил внимания, только один пожилой крестьянин подошел к ней и стал успокаивать. Поезд в это время тронулся, перрон опустел. Остались Иве с братьями, та женщина и пожилой крестьянин.

— Из самой Москвы везла, а у самого дома разбила! — причитала женщина. — Ах, какая люстра была, какая люстра!.. Тысячу рублей платила, охо-хо!..

— Ничего не поделаешь, еще не такое случается! Разбила уже, теперь хочешь плачь, хочешь нет, — утешал ее крестьянин. — Да стоило ли такие деньги за стекляшки платить-то? Ведь у нас и электричество-то редко бывает?

— Извините, не скажете, как до Ахалкалаки добраться? — спросил Иве старика.

— Чего, чего? — не расслышал тот.

Иве повторил вопрос.

Крестьянин взмахнул рукой к югу и сказал, что Ахалкалаки вон за той горой с лысой верхушкой.

— Только как же вы добираться будете, автобус поди ушел уже.

— А сколько километров-то?

— Да не меньше десяти.

— А такси здесь нет?

— Нет. Частные машины есть, а такси нет. Перейдете мост, там и машину можно поймать.

Братья двинулись в путь. Мост оказался всякий, узенький, он раскачивался в разные стороны. Судя по полуразвалившимся быкам на обоих бере-

гах и посреди реки, здесь когда-то стоял другой мост, куда основательнее этого.

Они осторожно перешли мост и оказались на асфальтированной дороге, ведущей в гору. Здесь, на этом берегу, находилась площадь с автобусной стоянкой. Когда существовал тот, старый, мост, автобусы, видимо, доезжали до самой станции, но теперь они разворачивались перед стоянкой. Автобусов не было и в помине, когда Иве с братьями подошли к стоянке. Две черные и одна голубая «Волги» только что отошли от стоянки. Мальчики пошли пешком по знойной, без клочка тени, дороге. Вскоре они нагнали группу крестьянок в черных платьях. С тяжелыми корзинами и чемоданами в руках, они медленно брели размеренным зноем. Одна из них, пожилая, худощавая, с загорелым до черноты лицом, в черном платье и с черным покрывалом на голове, обратилась к Иве:

— Мальчик, Христа ради, понеси немного этот проклятый чемодан, сил моих нет!

Она несла и чемодан, и большую корзину. Иве взял у нее чемодан.

— Вы, видать, нездешние?

— Да, калбатано.

— Сразу заметно! Откуда у здешних столько воспитания и соображения: сами вскачь к автобусу понеслись, уехали, а женщин бросили. Тебе не очень тяжело, сыночек?

— Нет, нет.

— Это что, братишки твои, что ли? Небось к родственникам направляешься?

— Нет. В Ахалкалаки идем, в детдом.

— В... детдом?.. — женщина изумленно и жалостливо оглядела ребят. — В таком случае, — продолжила она, — вам надо торопиться, сотрудники уходят рано, а вам надо их застать.

— Но ведь кто-нибудь-то остается?

— Да что, сторож остается, он вам ни к чему. Давай, давай, сыночек, я сама понесу, а вы ступайте своей дорогой.

Она взялась за ручку чемодана, но Иве запротестовал:

— Ничего, я понесу.

— Нет, нет, спасибо и на этом, я хоть дух перевела. До моей деревни отсюда рукой подать, а вам идти и идти.

— Ну что ж, калбатано, извините...

— Ступай, ступай, детка, счастливо вам.

Уже вечерело, но жара не спадала. Детям тяжело было дышать, пот лил с них градом. Иве и сам страшно устал. А вокруг стояли сады, ветви деревьев клонились книзу под тяжестью яблок и груш. Вишня и черешня уже отошли. Зрели гранаты, виноград. Мальчики с любопытством глядели на невиданные плоды — там, в Сванетии, нет ни граната, ни виноградников.

Они добрались до детдома поздним вечером. Это было трехэтажное здание на краю деревни. Заасфальтированный двор со всех сторон окружали флигельки, сарайчики, пристройки. Иве вспомнился двор тети Баболии. На столбе посреди двора горела лампочка, при свете которой Иве читал: «I группа», «II группа», «Комната воспитателей», «Медсестра» и т. д. Кругом царил глубокая тишина. Они подошли к крыльцу.

— Кха-кха, — раздалось изнутри, и на крыльце показался высокий сутулый человек с ружьем в руках.

— Кто там ходит? — окликнул он пришедших.

— Мы...

Это оказался сторож. Он опустил ружье, направился к ребятам.

Иве поздоровался и протянул сторожу направление. Сторож со всех сторон осмотрел бумажку, повертел ее.

— Что здесь написано?

— Гостей, мол, принимайте.

— Разве ж так поздно в гости ходят?

— Пешком пришлось идти, ни одной машины не было.

— Машин тут хоть пруд пруди!

— Директора нет?

— Что ж ему здесь делать в такую пору? Конечно, нету.

— А дежурной воспитательницы? Или врача, или няни?..

— Завтра, завтра утречком, с десяти часов директор будет и врач тоже.

— А сейчас никого нет?

— Ты меня не видишь, что ли?

— Мы же переночевать должны где-то...

— Что ж, ночуйте! — сторож еще покашлял, потом повернулся и вошел в коридор. — Идите за мной! — крикнул он из темноты.

Все трое устроились в углу коридора на полу и уснули, как убитые.

- Братья?
- Да.
- Что же с вами стряслось такое?
- Что?... Вы о чем?..
- Что привело вас в наш детдом?

Этот высокий представительный мужчина говорил с Иве неприветливым высокомерным тоном. Иве же представлял директора детдома добрым, отзывчивым, простым. Он знал двух директоров школы: одного там, в их деревне, директора районной средней школы, и второго в Тбилиси, в школе рабочей молодежи, где ему довелось учиться всего три месяца. Оба запомнились Иве своей добротой, обходительностью.

— Папочка, папочка! — подбежал к директору толстый краснощекий мальчик.

— Тебя кто-нибудь обидел? — директор обвел грозным взглядом столпившихся вокруг детей. — Ну, чего глазеез, пошли вон!

Дети разбежались.

— Это такой народ, их ничто не исправит, — обратился директор к Иве. — Представь себе, вчера они на моих глазах до слез его довели! — он ласково потрепал сына по головке.

— Папочка, папочка, а я с Мамедом боролся, и я его уложил на обе лопатки, вот!

— Молодчина ты у меня! На тебе за это, — директор вытащил из бумажника десятирублевку и дал ребенку. — Пойди теперь к тете Сирано и купи себе конфет.

Мальчик, счастливый донельзя, убежал, размахивая десятирублевкой.

— Хочу, чтобы из него получился хороший борец, — мечтательно проговорил отец, глядя ему вслед. — Я ведь тоже одно время занимался борьбой, да бросил — учеба, то, се... Вообще-то, если сказать правду, человек и то и другое может совместить, вот я и думаю сделать раз, может, мой сын сумеет сделать то, чего не смог я.

— А в каком весе вы выступали?

— В полулегком. Скажу тебе не хвастаясь, я был неплохим борцом. И сюда-то меня назначили, потому что здесь нужен крепкий человек, знаешь... чтобы дисциплина, порядок... и все такое. Да, словом, я тебе говорил, что здесь у нас очень хорошо, ты же видишь, дети у нас здоровые, крепкие. Если немного и расшальтятся, я за это не сержусь, я не люблю очень уж смирных детей.

— Да, вы правы, ребенок должен быть живой... Скажите, а на экскурсии детей водят?

— Как же, как же, водят, мы и музыке их обучаем, — с улыбкой ответил директор.

— А когда моим малышам кровати отведут? Они, знаете, эту ночь на полу спали в вашем коридоре...

— Дадут, все дадут, полный порядок будет! — обнадежил его директор и, окончив беседу, пошел в свой кабинет.

Иве простился с братьями, пообещав, что приедет, как только сдаст первый экзамен, и отправился в обратный путь.

Он шел, погруженный в невеселые мысли о том, как приживутся его братья среди чужих людей, оторванные от родного дома, оба такие застенчивые, робкие... У него сжималось сердце, но ничего изменить он не мог.

Позади стукнула калитка. Иве оглянулся. За ним бежала девочка с ведром в руке.

— Идите по тропинке, она вас накоротке к реке выведет, — сказала она, поравнявшись с Иве.

— А где эта тропинка?

— Вон, сейчас в кусты надо свернуть. Пойдемте, я вас проведу.

За кустарником вправо от дороги виднелась неширокая тропка.

— Если хотите, я пройду с вами до реки, — предложила девочка.

— А ты не устанешь?

— Нет, что вы!

Они пошли по тропке.

— Ты давно в детдоме?

— Два года.

— А до этого где ты была?

— Тоже в детдоме, в Бетании. Оттуда меня сюда перевели.

— Где же лучше, здесь или там?

— Там, конечно. Там хорошие воспитатели у нас были, хорошо с нами общались.

— А здесь?

— Да что здесь, вот, видите... — она указала на свою голову.

Волосы у девочки были удивительно редкие, сквозь волосы просвечивала болезненная белесая кожа.

— Что это значит? — не мог понять Иве.

— Это все Вардо мне повыдергивала. Русский у меня не получается, она и дергала меня за волосы. А что я могу сделать, не получается и все!

— А где теперь эта Вардо? Ты не могла пожаловаться на нее?

— Да ну! Она сама на меня жаловалась, что я бездельница, лодырничая и не хочу учиться. Я учу, но все равно не запоминаю... А Вардо все верят.

— Она опять у вас работает?

— Нет, вышла на пенсию.

— Летом вы босиком ходите?

— Гм... — девочка как-то криво усмехнулась и ничего не ответила.

— Как зовут-то тебя?

— Клавдия. Клавдия Имедашвили. Только это не настоящая моя фамилия и имя... Настоящую фамилию я не знаю...

Они уже спускались к реке.

— А ваших братьев как звать?

— Алексей и Гурам...

— Алексей и Гурам, — повторила Клавдия. — Я присмотрю за ними.

— Спасибо, — улыбнулся Иве. — До свиданья, Клавдия, держись молчком.

Университетский сад был похож на растревоженный муравейник. Здесь толпились абитуриенты, их мамы, папы, дядюшки и бог весть кто — ожидали результатов экзамена, решения судьбы драгоценного дитяти. Наставления, увещевания, советы... У подъезда стояли двое дежурных, которые никого, кроме экзаменующихся в здание не впускали, да и то лишь после того, как стоявший на верхней ступеньке широченной внешней лестницы полковник возглашал в рупор, какая группа и какого факультета приглашается на экзамен.

Иве был в тринадцатой группе отделения кавказских языков филологического факультета.

— Здравствуйте, — поздоровалась с Иве девушка с бантом в волосах, которая вдруг очутилась рядом с ним.

— Здравствуйте, — ответил Иве с недоумением: он не знал этой девушки, даже подумал, что она поздоровалась с кем-нибудь другим, оглянулся на всякий случай, но нет — она смотрела на него в упор и улыбалась.

— Я стояла за вами, когда мы сдавали документы, — пояснила девушка. — Вы ведь тоже на отделение кавказских языков?

— Да.

Она улыбнулась.

— Мне, правда, говорили, что лучше бы на журналистику, но я решил сюда, — сказал Иве, чтобы что-нибудь сказать.

— Когда же нас вызовут, вот уже четыре часа мы здесь ждем! Хорошо что папа не пошел со мной, измучился бы зря...

— Да, очень долго... Вы боитесь?

— Не особенно. Я думаю, что меня не срежут. А вы?

— От ожидания я, кажется, все позабыл.

— Тринадцатая группа! Тринадцатая группа филологического факультета, отделение кавказских языков! — загремел в рупор полковник.

Иве, сразу забыв и девушку с бантом, и все на свете, бросился к входу. Широкие светлые коридоры поразили Иве.

— Ваша фамилия, юноша? — остановил Иве идущий ему навстречу худощавый лысый мужчина в очках. Близину его сорочки подчеркивал темный галстук.

— Береджани, уважаемый, — растерявшись, не сразу ответил Иве. «Что ему нужно?» — подумал он.

— Вы сван?

— Да, сван.

— Куда вы поступаете?

— На отделение кавказских языков филологического факультета, уважаемый.

— Что ж, отлично! Скажите-ка, как пишется «солнце», с мягким знаком или без?

— Без мягкого, уважаемый...

— Отлично, отлично... — мужчина в очках приветливо улыбнулся Иве и продолжил путь.

— Откуда он тебя знает?! — подскочили к Иве остальные абитуриенты его группы.

— Почему я знаю!.. Первый раз его вижу!

— Скрывает, небось! — раздался недоверчивый голос.

— Ты вправду не знаешь, кто это был? — спросила та девушка с бантом.

— Нет, говорю ведь!

— Гм... ректор, ректор это университета!

— Да ну!.. Правда?!

Они уже стояли перед аудиторией. Дверь открылась, и вызвали Нану Апакидзе — это оказалась та самая девушка — и Береджани.

Строгие лица экзаменаторов нагнали страх на Иве. У него вдруг совершенно вылетело из головы все, что, казалось, он так хорошо знал. Но, взяв билет и вникнув в смысл написанных там вопросов, он воспрянул духом: все знакомо! Иве спокойно уселся обдумывать и ответил первым. Выходя из аудитории, он взглядом спросил Нану: «как?» Она взглядом же ответила: «все хорошо».

Выйдя из здания, он вдруг заметил в толпе знакомое лицо. «Арчил Арчилович!» — чуть не вскрикнул Иве. Это был единственный знакомый среди всех, кто его окружал здесь.

Он шел по проспекту, и у него от счастья и гордости рвалось из груди сердце. Это была первая пятерка — первая победа. «А интересно, сдала ли сегодня экзамен ваша дочка, Арчил Арчилович?» — вдруг подумал он с сочувствием.

— Мзиани Элеонора! — вызывал с порога аудитории председатель комиссии.

Иве встрепнулся: Мзиани жили в соседнем селе — Сакири. Тоненькая, невысокая девушка направилась к дверям. Иве проводил ее взглядом. Нет, Элеонора Мзиани была ему незнакома.

Из-за полуотворенных дверей вдруг раздался рыдания. Какая-то абитуриентка, видимо, получив двойку, громко и безутешно рыдала. «Покончу с собой!.. Выброшусь в окно! — твердила она сквозь слезы. — В пятый раз... в пятый раз сдаю!..» В коридоре все затаили дыхание. Да, это не шутка! В пятый раз... Рыдания стихли. В щель видели, как бедняжка направилась к дверям.

— Эркомайшили Нуну! Подождите... — прозвучал голос председателя.

В аудитории стояло пять столов. За каждым сидели по два экзаменатора.

— Что вы скажете, можно ей поставить тройку?

— С тем условием, что в первом семестре она исправит ее на четверку, — сказал один из экзаменаторов, и все дружно закивали головами.

Председатель комиссии взял экзаменационный листок Эркомайшили, вписал отметку и протянул его девушке.

— Ну, ступай и готовься к следующему экзамену.

— Смотрите-ка, оказывается, какой он добрый, — зашептали у дверей.

Через два-три человека после нее отвечал высокий здоровый парень. Отвечал плохо, явно не знал билета. И под конец взбунтовался — мне, мол, полагается лучшая отметка, вы меня нарочно хотите срезать. Разговаривал он трубо и требовательно. И вдруг председатель комиссии ко всеобщему удивлению накричал на него и выгнал с экзамена.

Нана тем временем сообщила Иве, что женщина, по фамилии Гофман, которая сидит с самого края, самый страшный экзаменатор, что она многих срезала и к ней ни в коем случае не надо садиться.

Однако, когда Иве вызвали на экзамен, случилось так, что ему пришлось сесть к этой самой Гофман: все остальные экзаменующиеся медлили, делая вид, что обдумывают билет, на самом же деле ожидали, пока освободится кто-нибудь другой из экзаменаторов. И Иве решил: будь что будет, сяду к ней! Мысленно он уже представлял жирную двойку в графе «немецкий язык».

— Ваша фамилия? — обратилась к нему Гофман по-русски.

— Береджани.

— Что за фамилия? — с интересом проговорила она. — Впервые слышу.

— Это сванская фамилия.

— А-а! Что-нибудь она означает?

— Да, от слова «бередж» — железо. Если перевести на русский язык — Железнов, что ли... — несмело улыбнулся Иве.

— Хорошая у вас фамилия. Надо ее оправдывать, — Гофман устало улыбнулась и обеими руками потерла виски.

— Марта Рихардовна, я его отпущу, — обратился тут к ней председатель комиссии и потом обернулся к сидевшей перед ним Элеоноре Мзиани. Она бойко ответила на все три вопроса и, получив четверку, довольная, ушла. Вторая девушка, которая отвечала после нее, уныло лепетала что-то, и председа-

тель недовольно морщился. Не поставив ей отметки, он обратился к Иве и начал слушать его. Иве ответил на все три вопроса и сам остался доволен своим ответом. Однако председатель почему-то сказал: «Тройки обоим», — то есть той девушке и Иве... Но Иве он не успел написать тройку в экзаменационный листок — вмешалась Гофман.

— Почему? — металлическим голосом заговорила она, подняв голову. — Мне понравилось его произношение.

— Ну-ну... — растерялся вдруг председатель.

— Ну-ка, молодой человек, расскажите по-немецки о своей Сванетии все, что можете, — обратилась Гофман к Иве.

Иве, не понимая, что же происходит, почему эта страшная для всех Гофман вдруг проявила к нему благосклонность, а, казалось бы, мягкий председатель комиссии стал столь суровым, не сразу собрался с мыслями. Но вдруг перед взором его возникли горы Фоддэли и Валдачи, стремящиеся в небо крутые тропы, и он, как мог, стал рассказывать о родном крае. Он так увлекся, что Гофман дважды пришлось повторить «достаточно».

— Ну вот, видите, он заслуживает гораздо большего, чем тройка, — проговорила Гофман, обернувшись к председателю.

— Да, Марта Рихардовна, вы правы...

Иве вышел из аудитории, не веря своим глазам: в его листке красовалась пятерка за подписью самой Гофман!

Остался позади университетский сад, полный томящихся в ожидании родителей и абитуриентов. Количество их поубавилось по сравнению с первыми днями экзаменов. Иве брел безо всякой цели по вечерним улицам. Остановившись на мосту, он увидел телевизионную мачту на горе Мтацминда. На мачте ярко светились красные огни. «Пожалуй, люди похожи на эти мачты, — подумалось ему. — У каждого есть в сердце красный огонек, только он иногда погашен, а иногда горит. И питают его совершенно иные электростанции — электростанции каждодневных печалей и радостей...».

Иве пересек главную улицу и пошел по перпендикулярной ей узкой и кривой улочке, которая вдруг уткнулась в огромные железные ворота. Рядом с воротами по одну сторону была железная же калитка, по другую — дверь в проходную. На стенке возле двери красовалась вывеска: «Сабурталинский кирпичный завод».

Иве отворил было калитку, как вдруг из двери проходной выглянула пожилая женщина и окликнула его:

— Куда ты, парень?

— Я иду работу.

— У нас отсюда входить полагается.

Иве переступил порог и остановился в нерешительности.

— Работу ищешь, говоришь? В таком разе ступай прямо к директору, — сказала женщина. — Во-он в том здании, видишь? — она подвела Иве к противоположной двери, выходящей во двор, и указала рукой на двухэтажное кирпичное здание в глубине двора.

— Спасибо.

— Ступай, ступай напрямик к нему, он тебе сразу скажет, есть она, работа, или нет, не станет за нос водить, как другие умеют.

Директор оказался высоким еще не старым человеком с седыми висками и строгим лицом. Когда вошел Иве, он сидел за своим письменным столом, изучая лежавшие перед ним бумаги.

— Временной работы у нас нет, молодой человек. Ищите в другом месте, — сказал он холодно, узнав, что нужно Иве.

Иве повернулся, собираясь уходить.

— Подождите! — остановил его директор. — А на сколько месяцев вам нужна работа?

— На десять дней.

— На десять дней?! Да кто вас примет на десять дней!

— Я думал, может, где-нибудь...

— А что вы намерены делать через десять дней?

— Учиться. У меня начинаются занятия.

— Родители-то есть?

— Мать...

Этот казавшийся с виду холодный и не очень-то приветливый человек долго беседовал с Иве, потом снял трубку внутреннего телефона, вызвал какого-то Мхеидзе и сказал ему: к тебе придет парень, пристрой его куда-нибудь.

— Пойдешь прямо в плиточный цех, — обратился директор к Иве, положив трубку. — У печи ты не сможешь работать, поработай в плиточном. Вообще ты должен знать, что у нас работа тяжелая.

От Мхеидзе Иве направился в плиточный цех. Это было строение барачного типа в дальнем конце заводского двора. Двери цеха были распахнуты настежь. Иве сперва заглянул в широкий дверной проем, но ничего внутри не увидел, такая там стояла пыль. Вернее, это была не пыль, а зола, густо рассеянная в воздухе. Изнутри раздался голос:

— Эй, Максиме Тхилайшвили, не передохнуть нам часом?

Голос этот шел откуда-то сверху, из-под самого потолка.

— Передохнем, а как же! — отозвался Максиме Тхилайшвили.

Вскоре пыль немного улеглась. Возникла фигура человека с лопатой в руке. Подле него на рельсах стояла тачка с золой.

— Здравствуйте, — сказал Иве этому человеку, как выяснилось, Максиме Тхилайшвили. Глаза у него были с лукавинкой, живые, быстрые. — Меня направил к вам Мхеидзе.

— Добре, браток.

— Трудная здесь у вас работа, да?

— Да не так, чтобы очень... и не очень, чтобы так, — усмехнулся Максиме.

Иве-то думал, Максиме сейчас скажет, дескать, больно тяжелая у нас работа, не по тебе.

— Эгей, Гогочури, слазь-ка со своей хевсурской башни! — крикнул Максиме навверх.

Гогочури спустился. Это был дюжий молодец, с мощным торсом, похожий на борца.

— А остальные где?

— Погнали тачки в печь, а то ведь пар зря пропадал. Вчера и сегодня красиво печет, печурка-то!

— Вот, принимай, с нами будет работать.

— Правда? — почему-то удивился Гогочури. — Ну что ж, хорошо. Меня Сандриком зовут, а тебя?

— Иве Береджани, — ответил Иве, дивясь, что этакого богатыря Сандриком зовут, как ребенка.

— Ты тоже приезжий? Из Сванетии, что ли?

— Ага. А бы?

— А я из Хевсуретии. Учишься?

— Поступил только. В университет, на филологический.

— А наш Максиме в политехническом учится!

— Ты про себя скажи, — усмехнулся опять Максиме. — Он уже физкультурный институт кончил, теперь вот квартиру ждет, потому в золе ковыряется.

Собрались и остальные рабочие цеха. Умылись, перекусили, перебрасывались шутками, и снова принялись за работу. Иве отправили навверх, где было полегче. Он ссыпал золу, которую направлял к нему в тачке Максиме, в электромешалку, добавлял туда же цемент и потом разливал готовую смесь в формы. Формы тоже складывались на тачки, тачки увозили их в паровую печь, а из печи выходили готовые плитки.

Плиточный цех был сравнительно молодой на кирпичном заводе. Прежде в печах обжига кирпича скоплялось большое количество золы, грузовики вывозили эту золу далеко в поле и ссыпали там. Постепенно вокруг завода выросли целые горы золы, и «вопрос золы» стал первоочередным на предприятии. Дирекция учредила специальную премию за лучшее рацпредложение. В конце концов был предложен способ использования золы — производство плиток из золы, которые оказались дешевым и неплохим стройматериалом. Спрос на плитки оказался большим, но производство их было нелегким, в основном из-за пыли, которая постоянно стояла в цехе.

К концу рабочего дня Иве был весь запорошен пылью, и она была и в носу, и в глотке, и во рту.

— Что за черт, — невольно вырвалось у него.

— Э-э, брат, таков наш цех, — сказали, посмеиваясь, ребята. — Но ты не бойнуйся, зола хорошо пропечена, сам видел, какие хлебцы наши печи пекут.

Почти все они вышли с завода одновременно. Иве заметил, что Максиме возле ворот поджидала девушка. При виде Максиме она с улыбкой направилась ему навстречу, он тоже улыбнулся, взяв ее под руку, и они вместе продолжили путь. «Какое это счастье, когда после работы тебя встречает любимая девушка...» — подумал Иве. Вспомнилась старая история, и сейчас вызвавшая у него легкую грусть.

Как-то раз он поднялся на самую крышу башни учить уроки. Он часто поднимался сюда, здесь ему никто не мешал, братья играли внизу и шумели, а здесь было тихо, густая трава, которой поросла крыша, служила ему ков-

ром, он часами лежал на ней, читал, заучивал наизусть стихи, решал задачи. Все последнее время он страстно увлекался Галактионом Табидзе, в его «Мери», подобно многим и многим своим сверстникам, он был просто влюблен: это стихотворение являлось для него олицетворением прекрасной и недостижимой мечты. Его мучал вопрос — почему Мери не ответила поэту взаимностью, почему пренебрегла его необыкновенным чувством? И какие взаимоотношения существовали у них в действительности, реальна ли женщина Мери или она вымысел поэта? Он сочинял целые истории о них, об их судьбе, и все истории обычно кончались тем, что Мери отвергала любовь Галактиона, обрекая его на страдание и одиночество. И — будем откровенны до конца! — тут он неминуемо думал о Лили, своей однокласснице, которая владела его сердцем и во сне, и наяву. Да, она часто снилась Иве... Лили была очень гордой, самой гордой и самой красивой девочкой во всем восьмом классе. Она всегда завязывала волосы пышным белоснежным бантом, который был ей очень к лицу. Из школы Иве с Лили вместе возвращались домой. Иве замечал, какими завистливыми взглядами провожали его старшеклассники — Лили нравилась многим из них. На переменах каждый раз кто-то из них, заглядывая к ним в класс, вызывал Лили в коридор и подолгу, до самого звонка, беседовал с ней о чем-то — к великому неудовольствию Иве.

В один прекрасный день, читая книжку Галактиона на верхушке башни, Иве решил написать стихотворение. Сперва он вывел название — «Моей Лили» — крупными красивыми буквами. После чего, уставившись в небо, на медленно плывущие облака, он долго думал, мучительно думал, подыскивая слова и рифмы. В конце концов стихотворение сложилось! Оно оказалось довольно-таки длинным, и его первая строка звучала так: «Я устал бродить по переулкам, я устал искать везде тебя...» Словом, перечитав свое творение несколько раз кряду, Иве остался весьма доволен. Напоследок он расставил знаки препинания и отдался радужным грезам, которые незаметно перешли в сон.

На следующий день, сидя рядом с Лили — они много лет подряд сидели за одной партой, — Иве почувствовал нечто странное: он не мог смотреть в глаза Лили! Что-то произошло с ним, и это «что-то» заставляло его смущаться и избегать глаз Лили. И кроме того, что было еще хуже, украдкой заглядывая на Лили, он заливался краской.

Домой они возвращались как всегда вместе. Иве собрал все свое мужество, извлек из кармана сложенные вчетверо тетрадные листки и протянул их Лили.

— Что это? — с любопытством спросила Лили.

Иве ничего не ответил и убежал. Лили остановилась, пожала плечами, развернула листки и начала читать. Дочитав до конца пылкую исповедь, она сложила листки и спрятала их в сумку.

До сих пор Иве помнит тот вечер и ночь, которую он почти не спал в ожидании встречи с Лили. И что же? Лили сказала ему всего несколько слов, вложив в них море презрения:

— Дурак, — сказала она ему, — кто твоя Лили?!

И швырнула ему в лицо зажатые в кулаке клочки его послания. Это произошло на первой же перемене, когда все уже выбежали в коридор, а они с Лили еще оставались в классе. Иве покраснел, как маков цвет, молча побрал клочки несчастного стихотворения и молча выбежал из класса. Он ушел в лес, к Кислому источнику. Там, на лавочке, кем-то когда-то поставленной, он просидел до того времени, когда, по его расчету, должны были кончиться все уроки, и побрел домой. Это были самые тягостные часы, о которых и по сей день ему неприятно вспоминать. «Что меня угораздило писать это глупое название, — думал он в отчаянии. — Ах, если бы я не написал это «моей Лили!» Иве наивно полагал, что все дело в названии, что именно оно вызвало гнев Лили.

Перевод Камиллы КОРИНТЭЛИ

Продолжение следует

Трогучка на „ЛОШАКЕ“

● Невыдуманный рассказ

ПРИМЕРНО в четыре часа пополудни в Тбилиси, из глубины двора, зажатого высотными зданиями так, что он скорее походил на некое подобие шахты, донесся мерный рокот, перебудивший всех или почти всех местных жильцов. Работал трактор «Беларусь» — машина всем известная с ее непомерно большими передними колесами, отличающаяся от всех прочих типов работяг-тракторов, не говоря уж о грузовиках и аристократах транспорта — легковых автомашинах, и, очевидно, в силу странного своего внешнего вида прозванная «лошаком» (по имени обделенного богом животного). Однако ездить на этом самом лошаке любили поголовно все крестьяне, лично мне даже довелось видеть новобрачных в соответствующих случаях нарядях, красующихся на ней. Лошаком же некие острословы назвали ее, говоря, что это не трактор и не машина, а некая помесь того и другого и, следовательно, лошак или мул, называйте, как вам будет угодно. По мне лично в этом прозвище нет ничего обидного.

Так вот... Примерно в четыре часа пополудни с глубинного дна двора, со всех сторон зажатого высотными домами, донесся рокот трактора, бесспорно укрыншегося от зорких глаз автоинспекции в этом труднодоступном уголке города. Рокот этот перебудил почти всех обитателей высотного комплекса, но первым открылось окно на пятом этаже, и из него высунулся чернявый, лет двадцати парень.

— Так я и знал, — проворчал он и исчез.

Комната погружена была во тьму. Осторожно, на цыпочках, стараясь не разбудить мать, он подошел к вешалке, снял куртку, накинул на плечи, прикусив язык отпер двери и вынырнул в подъезд, тщательно и с двойной осторожностью заперев за собой дверь.

— Так я и знал, — шепотом сказал он трактористу, — так я и знал. Своим шумом весь двор перебудуешь.

— Не свсим, а трактора, — невозмутимо ответил тракторист, — хлебнул горючего, вот и шумит, — он окинул машину взглядом и прибавил: — Что же до тебя, Андро, едем, если не передумал, не одни девушки от своих матерей сбегают.

— Потому я и пришел, — ответил Андро вполголоса, — только в судный час, знай, Батлome, ответ тебе придется держать.

— Хотя бы я видел твою мать, когда она проснется, — усмехнулся Батлome. — Впрочем, ничего особенного, покричит немного. Сосед, который на фисгармонии играет, скажет ей с многозначительным видом, что в этом деле рука Батлome замешана, твой сынок, мел, его друг. Ну и что дальше? Меня-то не убедит от этого. Тридцать лет твоя мать соседством моим недовольна, а почему? Батлome-де невеста какая важная птица.

— Разве вы не в ссоре? — с неподдельным удивлением спросил Андро. — А почему, по какой причине?

Хозяин «Беларуси» пропустил вопрос мимо ушей, с деланным усердием принялся разглядывать машину.

Андро жил с матерью Сифорией Кометиани. Она души не чаяла в своем единственном ребенке, недоверчиво и, можно сказать, неприязненно относилась к своим соседям и тщателью оберегала сына от общения, тем более дружбы с кем-либо из них. Неизвестно, что определило такое ее отношение к людям, скорее всего беззаветная любовь к сыну, которого мнила воспитать человеком великой учености. Однако, как это часто бывает, сын держался в данном вопросе несколько иного взгляда, и от соседей не укрылась его тайная дружба с трактористом Батломе Чигиташвили.

Раньше других заметил это старик-музыкант, играющий на панихидах на фисгармонии и в силу этой своей профессии человек многоопытный, несколько бесцеремонный и язвительный. Он без лишних слов заявил Сифории, что ее «золотая рыбка» (сын) попалась на крючок удочки сбившегося с пути шофера Батломе, что она, Сифория, бессильна помешать этой дружбе. Сифория никак не прореагировала на болтовню «похоронного музыканта», она попросту не придавала его словам никакого значения, но тем не менее пожелала «выжившему из ума фисгармонисту», чтобы у него язык отсох. Она с уверенностью простака полагала, что сын, будущий «большой» человек и ученый, не может иметь ничего общего со сбившимся с пути шофером. Но — довольно об этом, тем более что даже соседи не могли понять дружбы возвращенного на московских конференциях, печенье и молоке Андро Кометиани, сына Сифории, и Батломе Чигиташвили, прозванного «лошачьим шофером».

Надо сказать, что Андро встречался с ним не часто; только когда тракторист на день-два приезжал из деревни домой и ставил совхозный трактор в центре двора, у фонтана, к неописуемой радости детворы.

Остается прибавить, как читатель, должно быть, уже догадался, что Андро и в самом деле жил, словно золотая рыбка в аквариуме, ничего не зная о взаимоотношениях его семьи и соседей и вообще мало что понимая в этом.

Обратимся теперь к Батломе, «лошачьему», или сбившемуся с пути, шоферу, некогда большому охотнику поволочиться за девушками, ловеласу квартала, ныне с сединой утратившему все свои прежние доблести. Ранним утром того дня, когда рокот мотора вспоилил обитателей высотного дома, «похоронный музыкант» сказал:

— Этот Чигиташвили, несомненно, свихнулся. Оставил «Жигули» и сел на трактор. Это все равно как если я брошу фисгармонию и начну дуть в вольнку... — После такого небольшого вступления «похоронный музыкант» сообщил невыспавшимся соседям о тайном уходе или бегстве (называйте как угодно) из дому единственной отрады «тощей Сифории» с соседом по цокольному этажу, отцом пятерых детей Батломе Чигиташвили.

Сообщение это было сделано позднее, утром, а пока во дворе рокотал и ездригал трактор. И его хозяин тайлся за противоположным от Андро задним колесом, занимаясь своими водительскими делами. Прямо перед трактором светились окна его трехкомнатной квартиры, можно было подумать, он предусмотрел, что станет трактористом и выбрал квартиру над самым фундаментом, в непосредственной близости от предполагаемого места стоянки машины у фонтана — из его квартиры она хорошо просматривалась.

— Ну что, едем, значит, если не передумал, — повторил тракторист.

— Конечно, едем. Насилу тебя поймал. Прямо тебе скажу: страсть как мне хочется узнать, чем ты живешь и дышишь. — Андро явно кривил душой — он пришел попросту затем, чтобы сбежать из дому, однако Батломе этого не понял.

— Гарень ты вроде неплохой, усердный, учишься хорошо, иначе я тебе за твое любопытство такую оплеуху закатил бы. С чего это ты вдруг моим житьем-бытьем заинтересовался?

— Значит, ни о чем не расскажешь? — обиделся Андро.

— Не умею разговаривать, — сдвинул брови Батломе, — а раз спустился, садись на «лошак» да побыстрее, не то проснется твоя мать и... Все же, чего вы пристали к «Беларуси», хотел бы я знать, отменную машину «лошак» называете!? Садись, садись и знай: сегодня вместо лошачьего запаха надыхнешься отработанным газом до тошноты. Но пустяки, выдержишь. Почти тонну химикатов везу в Сакапано, тоже не розой пахнет.

— А где это Сакапано? Не слышал и не читал. Ну ладно. Сяду я теперь на твоего лошак, а дальше?

— Дорогой на воздухе разговоримся. Кое-что я скажу, больше своими глазами увидишь. Согласен?

— Согласен, — кивнул головой Андро, — только надо бы завтракой прихватить.

— У меня всего вдвое, — Батломе откинул крышку ящика, как бы приглашая взглянуть и убедиться. Снеди и впрямь было предостаточно. — Питиевую воду в дороге раздобудем. Ну, поехали, — он включил зажигание, и трактор выехал на улицу.

С мерным рокотом катил трактор в предутренней сырой после недавнего дождя мгле.

— Куда мы едем? — спросил Андро, когда они, миновав Ортачала, свернули направо возле Поничала.

— В Нижнюю Картли. И груз везу в Сакапано. Погода, слава богу, отличная, прохладно, — Батломе взглянул на небо и после минутного молчания прибавил: — Отличные нынче выдались весенние месяцы восточнее Лихи. Через каждые три-четыре дня дождь. Большого добра крестьянину не пожелаешь.

— Точно, — тоном выдавшего вида хозяйственника вставил Андро, — несколько дождевых дней преобразуют Восточную Грузию. Трава вырастает по колено, урожай хлеба и ячменя будет хорошим. Нынешней весной на засушку жаловаться не пришлось. Влага, видно, и Нижней Картли предостаточно.

— Ты-то откуда знаешь? — удивился тракторист. — Тебя-то мать и за хлебом не посылает!

— Читаю, — коротко ответил парень.

— Если не ослышался, ты Квемо-Картли упомянул, не так ли?

— Да, упомянул. Иными словами, Южную Грузию, — невозмутимо продолжал Андро, — это все книги. Недаром моя мать говорила, что книга — одна большая жизнь, и заставляла читать, заставляла доверять книге. К сожалению, чувствую я, вроде бы и много знаю, и не знаю, а все потому, что дальше Тбилиси шагу не ступал.

— Вот и я так думаю! — явно гордясь собой, заявил Батломе. Ему вдруг очень захотелось представить себя человеком, знающим что к чему. — Не обращаясь к величайшим авторитетам, — продолжал он напыщенно, — скажем, к Ивану Джавахишвили, Эвтиме Такаишвили, Иасону Лордкипанидзе, который написал два больших тома о Нижней Картли, сообщу тебе мнение журнала «Друг памятников» за 1972 год, номер тридцать. Вот он, этот журнал, киоскер мне его всучила, пришлось купить, а теперь я ей благодарен даже, женщине той, продавщице киоска. Квемо-Картли, сообщает журнал, — Батломе поднял крышку ящика и вытащил небольшую книжку в блестящем черном переплете. — Квемо-Картли, сообщает журнал, относится, согласно этническо-географической традиции, к юго-восточной Грузии. Этот обширный край с севера ограничивался Триалетским меридиановым хребтом, с востока — горными отрогами внешней Кахети и сухими степями, расположенными ныне на территории современного Азербайджана, с юга — Вамбак-Ереванскими горами, с запада же — Джавахетским хребтом. — Батломе протянул журнал своему попутчику: — Прочитай сам.

Андро тотчас же раскрыл журнал, перелистал, заметил с нескрываемым сожалением, что видит его впервые.

— Такого рода журналов много теперь издается, — небрежно бросил Батломе, — невелика беда, если не видел. Случай все. Подвернулся случай — и журнал у тебя в руках. А мне-то вначале никак не хотелось его покупать.

Произнес он эти последние слова с гордостью, дав почувствовать Андро, что он, Батломе Чигаташвили, не просто водитель «Беларуси», машины, прозванной острословами «лошаком», но человек, сведущий во многих других вопросах, хотя он и сам чувствовал, что на самом деле это не так. Его молодой приятель тоже улавливал некоторую неуверенность в деланно-гордом тоне тракториста, однако виду не подавал, усердно перелистывал журнал. Батломе между тем продолжал рассказывать.

— Что там ни говори, а в этой Нижней Картли и по сей день продолжают поражать смертных вроде нас с тобой величавые строения храмов Питарети, Гударехи, Болниси, Сиони, Троицы.

— И Кианетский храм, оказывается, самый ранний из памятников, — вставил Андро, — самый маленький по размерам и самый древний. Вот взгляни, — он протянул водителю журнал и ткнул пальцем на снимок развалин не-большой церкви.

— Снимок—это ерунда, это тень одна. Ты бы своими глазами на Кванети посмотрел. Впрочем, увидишь сегодня же. Непременно увидишь, до захода солнца.

— Ты думаешь? — недоверчиво спросил Андро.

— Не думаю, а знаю наверняка, — поправил Батломе, — хочешь не хочешь—увидишь. Церковь у края дороги стоит. Нам ее не миновать. Да и не только ее...

— А где начало Нижней Картли? — неожиданно спросил Андро и подетски иронично посмотрел в глаза своему старшему приятелю.

— Это место мы уже проехали, хотя пока еще где-то около Тбилиси вертимся...

— А все же, все же? — не унимался Андро.

— Ну раз тебе по-школьному объяснять требуется, это место, где нынче окраина города, южная окраина, звалось прежде Ганджискари и, конечно же, было далеко-далеко от центра города. И, рассказывают, оно было любимым местом развлечения горожан до той, до крадической трагедии...

— Да, — задумчиво произнес Андро, — я и Тбилиси-то не знаю как следует, а все по вине матери, — упрекающие нотки звучали в его голосе.

Трактор медленно поднимался по склону Шавнабади. Где-то на полпути машина стала, и, пока Батломе копошился в моторе, Андро поднялся на холмик и принялся разглядывать окрестности.

Горы с их рыжеватой от солища растительностью походили на верблюжат. Пахло мятой, кориандром, хвоей и медом.

Батломе некоторое время возился с двигателем и сказал, что сходит в деревню. Ушел и вскоре вернулся, вероятно, с механиком, как решил про себя Андро. Они вдвоем завели машину.

— Если бы ты знала, мама, что я видел! — рассказывал Андро вечером следующего дня Сифории, — если бы ты видела, какие красивые и высокие горы от Ганджискари вдоль всего юга, а какие поля, доли и впадины окружают Тбилиси! А Батломе? Если бы ты знала, какой он человек, Батломе! Дружить — так только с ним и ни с кем больше.

— Гм... Гм... Батломе! — проворчала Сифория. — И пусть себе будет, каким угодно... Какая важность, что за человек лошачий шофер. Пропадет он пропадом, и то сказать, в цокольном этаже живет, считай, наполовину поглотила его земля. Ты-то что можешь иметь с ним общего? Я тебя рашу, воспитаю из тебя ученого человека, а не шофера. К тому же Батломе и не шофер вовсе, а бывший шофер. Так-то!

Сын в полном недоумении: почему и зачем они так неприязненно относятся друг к другу, ее мать и сосед? Что произошло? Какую обиду затаила в своем сердце мать? Сын ничего не знает, ничего не знает и не поймет, пускай всю жизнь выискивает причину, потому как ровно ничего и не было. Так почему они все же сторонятся друг друга — женщина в летах и шофер с сединой...

Батломе вернулся с механиком и какой-то деталью мотора. Они залезли под трактор и довольно долго там возились.

— Ну как, доволен, красивое зрелище, а? — спросил Батломе, вылезая, и громко, чтобы слышал его помощник, прибавил: — Так-то, мой юный друг, смело могу сказать, кто не знаком с этим уголком, считай и не жил вовсе. Сам посуди: какая жизнь без этого воздуха, без этой воды. Я не перебарщиваю ничуть. Сам видишь своими глазами. Да еще не то увидишь, все впереди. Все впереди.

— Да, дядя Батломе, здесь и в самом деле красиво на редкость. Можно подумать — прозрел я сегодня, — подтвердил Андро.

— Молодец, верный глаз у тебя, хвалю, — похвалил Батломе и включил зажигание.

Подъем вскоре кончился, и они очутились на огромном плато, окруженном со всех сторон пастбищами, фруктовыми садами, виноградниками и пашнями: море зелени в островках всех цветов радуги. И тут трактор снова остановился.

— Что случилось? — спросил Андро, перегибаясь из кузова. — Покрышка лопнула?

— А ничего не случилось, — ответил Чигиташвили, — ты взгляни на эти поля, взгляни! Разве не должны мы воздать дань добру, которое сотворил человек, хотя бы своим восторгом, — он помолчал и прибавил погодя: — Послушай, послушай, что в воздухе-то творится. Прислушайся хорошенько к соловьиному голосу окрепшего в коленях урожая... Послушай, и у тебя покрышки полопаются и ты вроде меня остановишься... Или ты ничего не слы-

шишь! Ну-ка нагни голову к земле и обратись в слух... Этот голос и заставляет его оцепенеть. Не знаю, что это за голос и как называть его..

— Июнь приблизился, взошла молодая пшеничная поросль, что же еще — заметил Андро.

— И это ты верно подметил. Молодая пшеничная поросль волнуется. Колыхает ее впридачу ветер, но неужто голос этот не захватывает дух?

— Да, конечно, я слышу его. Это поет хлебное поле.

— Ух, ты, слышали, поет хлебное поле! Как это здорово ты сказал! Молодец, Андро. Только из-за одной этой фразы стоило брать тебя с собой в дорогу.

Андро принял слова Батломе за насмешку.

— Что ж, может, я и не очень складно выразился.

— Нескладно, говоришь? Да что ты! Лучше не скажешь. Красиво. Красиво и разумно. Ты мне лучше ответь, приятна она, песнь хлебного поля?

— Все равно что «Таво чемо»*.

— У-ух, «Таво чемо»... и сравнение-то какое... Гм... Гм... увидела бы сейчас нас с тобой твоя мать и прислушалась к нашему разговору! Не стала бы мешать нашей дружбе. Впрочем, у нас с тобой свои дела... Мать матерью. Теперь знай, когда такие, как я, люди по весне поднимаются на эти поля, — я шоферов имею в виду, — сбавляем скорость или вовсе останавливаемся, хотя бы как я сегодня. Причина? Ну что я могу поделать, если поют хлебные поля, если жаворонки присели под листьями папоротника. Эти веселители полей, волынщики эти подымутся внезапно, из-под самых колес выпорхнут, соберутся в стаю и, опьяненные зеленым шумом, со звонкой песней несутся к солнцу. Не зря любит сеятель жаворонка. Он ведь ему и подпевала, и вестник рассвета. Пичужка невзрачная, а ты погляди, какие у нее обязанности! В поле нет ей равных, родня соловью всевременно. Только соловей возлюбил розы в садах, а жаворонки — поля. В этом ты легко убедишься. Ну-ка, приглядишься в долине. Только-только пробьется по весне зелень, тотчас же явятся жаворонки. Щебечут, хлопочут, устремляются ввысь, под самый купол небесный. Слышал я от крестьян-стариков, что, когда жаворонки корм птенцам своим распределяют, свистят и щебечут, развлекают своих птенцов, так они и первым восходам подпевают, чтобы радовать их. И пройтись по хлебному полю приятно в такую пору. Жаворонки своим веселым свистом и пением до тех пор веселят хлеб, ячмень, рожь, покосную траву, душу сеятеля, пахаря, пока пожелтеют поля, налиются колосья, округлятся токи, выйдут из гаражей комбайны..

Андро, захваченный рассказом, казалось, ничего вокруг себя не видел и не слышал.

Трактор между тем прошел изрядное расстояние, пересек явно вулканического происхождения впадину, некогда, как полагают ученые, бывшую кратером действующего вулкана, поднялся по крутосклону и вышел к Кода. На подступах к кодским полям снова появились жаворонки, пичужки всех родов и более крупные птички, прозванные в народе пастушками. Слово стремясь развеселить гостей и тем самым показать себя наиболее гостеприимными из пернатых всех других мастей. Они встретили их с веселым гомоном, в безудержном полете закрывая небо, и шелест хлебных полей вторил их звонко-голосому пенью. Едва ли человеческое ухо слышало такую песнь. Батломе остановил трактор, выключил зажигание и уставился, зачарованный, вдаль. Никому не по силам было бы пренебречь гостеприимством такого рода. Батломе, затаив дыхание, сидел на тракторе и думал про себя: «Или это свадьба! Шестые свадебное! Если вы так у каждого поля нас встречать будете, с таким веселым застольем, мы и за неделю до Сакаплано не доберемся».

Андро, исполненный ощущения радости, ни о чем и ни о ком не думал, на душе его было легко, казалось, он и сам может полететь, стоит лишь чуть подпрыгнуть, оторваться от земли, раскачиваясь по ветру с легкостью налитых колосьев, и взгляд его был прикован к окружающему великолепию Коды, широким и косым, как подол бурки, лесистым склонам Коджори и Кикети, опускающимся к округлой, скалистой местности Кумиси с большущим раскидистым ореховым деревом посередине.

Кумисская впадина, напоминающая сверху широкую и глубокую кастрюлю, изрешечена была арыками, и они серебряными, чистыми до блеска лентами окружали фруктовые сады, пшеничные и кукурузные поля в лоснящейся сетке миллиардов лучей солнца.

И все это величие, вся впадина, испещренная журчащими арыками, погружалась все ниже и ниже в зажженное, как огромный светильник, Кумис-

* Популярная грузинская народная песня.

ское озеро. Над озером, у южного берега под Коникидским хребтом, холодной сталью сверкали рельсы железной дороги, а за нею снова округлые бока и грудь Иаглуджи. Направляются они к городу металла — Рустави и гам реки Киди, обрываются у горных пастбищ Триалети.

На округлых, усеянных цветами плечах Иаглуджи, словно башлыки вокруг шеи, висит, покачиваясь, желтый дым руставских домен; дым сбивается в облако и плывет на юг в сторону Джавахети, приобретая постепенно прозрачный цвет чистого воздуха.

Еще более величественное зрелище являли собой полные поля Коды, излюбленная Григолом Орбелиани долина, где зачастую устраивались конские ристалища. Она раскинулась на плоскогорье, ровная и гладкая, как стол, ни с чем не сравнимая, обрамленная на западе лесными массивами Коджори — Кикети — Манглиси. В укромных ложбинах и просторных полянах тех лесов вписаны поселки и деревни: Тетри Цкаро, Манглиси, Асурети, Орбети, словно созданные рукой providения, — иначе не скажешь: такая вокруг красота, нерукотворная красота! Ее невозможно представить, не представлял ее, конечно же, и наш путешественник Андро Кометиани, и только теперь ему в голову пришла мысль, что он как бы отбывал в городе срок заключения невесты за какую провинность. Не представлял, хотя вроде бы и знаком был с этим краем по множеству художественных произведений.

Трактор миновал Кода, оставив справа Марабду, пересек городок Марнеули и по тополевой аллее вышел к равнине Идийского ущелья, и снова потянулись широкие поля, строения совхозов на обочине дороги, табачные плантации, картофельные грядки и снова сады, снова тополя и прохладные аллеи ореховых деревьев, аллеи-дороги, аллеи-шоссе. Вдали виднелись сахароголовые гряды горы.

В низине на правом берегу Киди уже приступили к распашке целины. Мощные тракторы вступили в схватку с выросшими глубоко в землю крепкими и цепкими, как арматура, корнями кустарников и многолетней травы. В селах механики проверяли готовность машин к уборке урожая.

Со стороны Большого Кавказиони время от времени появлялись самолеты, набирая высоту, они постепенно исчезали в вышине, и шум их моторов терялся вдали.

Щебет и пение птиц, которые сопровождали путешественников всю дорогу, внезапно смолкли, и в наступившей тишине слышался только шорох покрытых синими крапинками виноградных листьев, шорох тихий, едва слышимый, приглушенный гул лесов и та же нежная, исполненная таинственности песня хлебного поля.

У деревни Квешти поля постепенно отдалились от дороги — трактор вошел в ущелье, которое становилось тем уже, чем ближе было к Болнисси. На этом участке дороги стояли одинокие дома у подножий пригорков и холмов. На пригорках — маленькие, потемневшие от времени, бог весть когда выстроенные заброшенные церкви и молельни.

Вдоль по берегу Машаверы тянулись сады, виноградники и огороды крестьян. Они поднимались в гору, добегая до огромных стен Болнисского Сиона.

После Квешетской крепости и Желтой церкви Батломе прибавил скорость — они и без того слишком задержались. Но, не проехав и трех километров, тракторист снова сбавил ход, причиной тому был Андро Кометиани. Чуть ли не через каждые сто метров он бесцеремонно выхватывал руль из рук Батломе и кричал ему в самое ухо: «А это что? — и умоляющим тоном прибавлял: — Останови, пожалуйста, машину...».

У родника путешественники остановились и сошли на землю. При пороге стояла церковь, похожая на Болнисский Сион, разве что более разрушенная. Тот же контур, тот же тесаный граненый туф. Андро раскрыл деревянный ящик, в котором вместе с едой лежал уже нам знакомый журнал «Друг памятников», и раскрыл его. Какова же была его радость, когда он узнал в журнале местность, на которой они стояли. Заголовок гласил «Кианети — памятник X века».

Эта древнейшая церковь какого-нибудь надменного владетеля Кианети была основательно разрушена, но сейчас здесь находились реставраторы — инженер-архитектор и несколько старых, седых как лунь каменотесов. Они уже успели поднять и закрепить на прежнем месте упавшие карнизы, барельефы, аркесты, укрепить бетоном фундамент. Интерьер храма был расчищен, купол перекрыт новой черепицей.

Войдя в храм, Андро увидел стариков-каменотесов, которые кропотливо работали над восстановлением полустертых надписей. Женщина-реставратор обрадовалась приходу гостей, рассказала о проведенных работах так, что мо-

1933

лодой парень вконец растерялся от той радости, которая, возникнув однажды, на всю жизнь западает в душу. Ему казалось, что он слышит здесь ту же песнь хлебных полей, он чувствовал со всей остротой, как очищался, вышался и духовно и физически, с какой любовью относился к родной земле и ее людям.

— Послушай! — неожиданно обратился к Андро Батломе, разворачивая машину. — Ты вот вынуждаешь меня останавливаться повсюду, где только понравится зеленая лужайка, пенье птиц, полет жаворонков, галечник... всего этого здесь вдосталь, всего этого, и живого и мертвого, на каждом шагу, а у меня, друг мой, пропадает утро весеннего города, понял!

Упрек развесялил Андро. Вот оно, оказывается, что взволновало Батломе — утро весеннего города! А ведь Андро благодаря Батломе окупился в жизнь, которая прежде была далеко, вне досягаемости. Сказки, услышанные в детстве, легенды и мифы, прочитанные в юности, не шли ни в какое сравнение с сегодняшним путешествием. Представление о какой-либо местности или ландшафте уступило место непосредственному восприятию природы. Потому-то он не заметил, как трактор пересек мост через Машаверу, лыхтя, одолев подъем, очутился в белом поселке с выстроеными недавно десятиэтажными, словно висящими в воздухе домами, въехал во двор одного из них, и наши путешественники очутились в точно такой же шахте, которую покинули на рассвете.

Аккуратный, юный город возле устья Казретского ручья лежал у подножия гор и холмов, на самых месторождениях медной руды.

— Должен тебе сообщить, между прочим, — сказал Батломе, обращаясь к своему юному приятелю, — во дворе церкви Казретской троицы перед иконами этой церкви мать одного из Орбелиани прокляла всех тех сыновей грузинской земли, которые когда-то отказались от борьбы за ее свободу. — Батломе повысил голос: — Оказывается, Николоз Бараташвили частенько сюда наредывался, любовался фресками, орнаментами, и Акакий Церетели здесь, возле вот того орехового дерева, какое-то стихотворение свое написал...

Андро внимательно слушал удивительного тракториста.

Среди садов, виноградников, на площадках кизилового цвета красовались высотные жилые дома. В чижких этажах расположились производства, учреждения, мастерские, закусовые, чайные, столовые. По еще нечетко обозначенным улицам мчались грузовые и легковые автомашины. Строящийся молодой город окружали густые и высокие леса и строения меднообогатительного комбината, а дальше были все те же поющие хлебные поля.

По обе стороны Самебы и Казретулы над городом виднелись карьеры и завод по переработке медной руды, да какой завод! Одни только его корпуса составляли целый город с огромными башнями и бесперебойным шумом электроустановок. К главному корпусу подходила и железнодорожная ветвь.

Посреди двора одного из десятиэтажных домов пробивался холодный, прозрачный родник. Вода мощно и обильно лилась из чугунной трубы.

Трактор, как и в Тбилиси, долго стоял около этого природного фонтана. Судя по каплям на капоте и лоснящимся колесам, его недавно помыли.

Вскоре возле него появились Батломе с Андро.

— Я тебя здесь, в Саспилендзе, оставляю, — сказал Батломе, — отдохнешь у моего друга. Я за это время успею съездить в Сакапано и обратно, а под вечер отправимся в Тбилиси, иначе мы и в самом деле нелегко от твоей матери отделаемся... Эх-ма! Ты не знаешь, чего она из-за нашей с тобой дружбы меня не взлюбила? Видно, разозлившись однажды, не может злость из сердца выкинуть. Человек должен уметь кое-что позабыть; а она нет и нет, ничего не забыла. Бог ее простит. Я же ее, Сифорию, ничем не попрекну, ни одного обидного слова ни в жизнь не скажу, пусть хоть весь свет вверх ногами станет. Нет, женщина, которая хорошо сына растила и поставила своей целью сделать из него не то что шофера, а самого Сулхана-Сабу Орбелиани, не потерпит его дружбы со мной.

— Не понимаю я тебя. Вы с моей матерью в обиде друг на друга? Я даже разговаривающими ни разу вас не видел. Нет, не видел, — бормотал Андро, не решаясь посмотреть Батломе в глаза. Он помолчал и уже более решительным тоном прибавил: — Что же касается твоей поездки в Сакапано, думать не думай, что без меня поедешь. Знаешь ли ты, что мне показал сегодня? Я ни на миг от тебя не отстану, поскольку ты меня не оперившимся птенцом считаешь. Могу поклясться, что птичка лучшая мать, чем человек. Взять хотя бы воробья: заметит в один прекрасный день, что птенцы оперились, и тотчас же, немедленно начнет освобождать их от плена в гнезде.

Мать-птичка посадит одного птенца на крыло свое и устремится вверх. Там вдруг сожмет свои распрямленные птичьи крылья, и знаешь, что про-

изойдет, дядя Батломе? Птенец неожиданно окажется в небе. Ну-ка пусть попробует не взмахнуть в тот же миг крыльями, чтобы опуститься на ветвь своего дерева. А мол-то там, в Тбилиси, волосы на себе рвет, лицо где, мол, мой Андро затерялся.

— Когда ты на трактор забрался, я на нее посмотрел: а она украдкой за нами наблюдала, — солгал Батломе Чигиташвили, сам того не ведая, что на самом деле так оно и было.

— Молодец, — воскликнул Андро, — неужели и в самом деле так? Ты мне, дядя Батломе, всегда нравился, и любил я тебя, как любил бы своего отца.

Батломе отвернулся, украдкой отирая слезы тыльной стороной ладони.

— Так вот, дядя Батломе, — продолжал Андро, — чувствовал я, что тебе хотелось, чтобы у меня были сильные руки и широкие плечи. Замечал и, когда замечал, радовался, когда видел тебя у фонтана, радовался, когда чем мог помогал тебе готовить машину в дорогу, хотя бы инструменты подать.

— Перестань, ради бога, — Батломе повернул голову к Андро и, как бы между прочим, спросил: — Ну раз здесь не останешься, какие у тебя намерения?

— Я же сказал, ни на миг тебя не оставлю. Поеду с тобой в Сакапано. Постараюсь, какую бы красоту дорогой ни встретил, тебе не мешать. Нет, нет. Как же не остановлю, мои глаза, мой старший друг, с твоим временем не считаются, почему только ты мне сказал, что там, в Сакапано, из земли алмазные родники бессмертия пробиваются?!

— Это я тебе очень давно сказал, в прошлом году. Много воды унесла с тех пор Машавера. Родников в Сакапано сейчас уже не видно. Вот эти фонтаны Саспилензде там берут свое начало. Пей на здоровье.

— Пять вошь в твою пользу, дядя Батломе, — восторженно воскликнул Андро и неожиданно прибавил:

— Батломе! Может, здесь у тебя еще и девушка найдется, которая тебе по нраву, повел бы меня к ней, что ли.

— А дальше?

— А дальше! — передразнил Андро. — Брошу здесь свой якорь навеки у погосных лугов этих, полей, лесов, рек, гор, чистых родников, медных залежей в океане поющего хлебного поля.

Перевод Нодара ТАРХНИШВИЛИ

ДЕТИ ЕКАТЕРИНЫ

● Роман-хроника

Илья улыбнулся и вспомнил одну из пьес Рафиэла Эристави: «Женщина, если упрется, девять упряжек быков перетянет».

«...Как же так? Получается, что поэты всех времен и народов, древние и современные, гордость и слава нации, ошибались, когда на волшебной лире пели хвалу женщине? Разве небесный глас великого Руставели, исторгнутый любовью к женщине, был только бесполезной мечтой, а не живой водой для жизни всего народа? Разве не воспевание этого высокого чувства сделало нашего великого Руставели гением? Разве Александр Чавчавадзе — не наше бесценное сокровище? Неужели мы будем упрекать Рафиэла Эристави за то, что он подобно соловью склонился к розе и, закрыв глаза, весь отдавался песне в честь «высочайшей гармонии» — любви? Нет и нет! Я как женщина, почитающая любовь превыше всяких чувств, — ибо только любовь делает человека бессмертным, — выражаю свое несогласие с нашими уважаемыми ораторами и восторженно повторяю, дорогой юбиляр, твои прекрасные стихи о любви».

После пылкой речи Екатерины Габашвили Илья прочел выступление Карло Чхендзе:

«Самым примечательным в творчестве Р. Эристави является то, что он обратил свой поэтический взор на ту часть нации, которую называют простым людом, трудовым народом. Если с этой точки зрения сравнить Р. Эристави с другими нашими деятелями, принадлежащими к более молодому поколению, то нетрудно убедиться, что ни один из них не подошел так близко к простому народу, как наш дорогой юбиляр».

Илья недовольно покачал головой. Ему не понравилось столь явное противопоставление. Тенденции «Третьей группы» были налицо. Но Илья подавил раздражение и вернулся к чтению: «Конечно, нелегко ответить на эти вопросы, но одно вне всякого сомнения: любовь к простым людям — сильнейшее свойство музы нашего старейшего поэта и вместе с тем — показатель величия и благородства его природы».

Чем больше приближаются грузины к той желанной поре, чем тверже становятся на ноги трудящиеся, чем лучше познает себя пролетариат, чем глубже проникается чувством собственного достоинства, чем больше он уподобляется своим западным собратьям (здесь Илья поставил знак вопроса), тем больше будет почитать народ того, кто впервые поставил свою лиру ему на служение. Любовь и благодарность в сердцах грузин будут расти и крепнуть день ото дня. Как представитель организации, пославшей меня на этот

славный юбилей. я обещаю Вам, дорогой Рафиэл Давидович, что мы приложим все силы, чтобы поскорее наступило светлое будущее для грузинского рабочего, чтобы свободный народ мог славить имя своего певца.

На древе национального движения возникла новая ветвь. На арену вышли пропагандисты классовой консолидации. Новые идеи организаторов «Третьей группы» особенно ярко выявились на юбилее Рафиэла Эристави. С предельной ясностью свою мысль высказал в стихотворении, посвященном юбилею. Иродион Евдзовили, бывший горячим поклонником Ильи Чавчавадзе. И. Евдзовили провозглашал следующее:

Струны чанги о крестьянстве
он заставил петь впервые,
и про долю землепашца,
и печали вековые.

И не сытому вельможе,
не бездельнику пустому —
первым в Грузии запел он
славу люду трудовому¹.

Такое резкое противопоставление классовых интересов национальным, да еще в связи с творчеством поэта, который взывал к национальным чувствам грузинского народа, показалось Илье несколько односторонним и не вполне оправданным. Хотя разве не самому Илье принадлежат эти строки:

Говорят, ты голову загубишь,
А неправды не перенесешь,
И простого человека любишь,
И защита бедняка — твой нож.

Диво ли считать счастливым братом?
Нет, не этим славен подвиг твой!
То ли дело — братство с небогатым,
Угнетенным горькою судьбой!²

Ведь именно эти строки взял эпиграфом к своему первому стихотворению сам Иродион Евдзовили! Нет, Илья и Акакий пока еще не сдали позицию, и авторитет их непоколебим.

После перенесения в Тбилиси праха Николза Бараташвили и после юбилея Рафиэла Эристави всем стало ясно, что история поручила роли вождей новой Грузии Илье и Акакию. Акакия Церетели можно было встретить в самых различных уголках Грузии, и повсюду — в Гори и в Тбилиси, в Кутаиси и в Зугдиди — его встречали с почетом и уважением.

Осенью 1896 года Акакий посетил Саломе Дадияни. Вдова отмечала годовщину со дня смерти своего супруга — Ашиля Мюрата, пригласив в дом местное изысканное общество. И конечно же, самым дорогим гостем здесь был Акакий Церетели. Он выступил с пространной речью, которая вскоре была опубликована в одном из ближайших номеров «Акакис кребули» («Сборник Акакия»).

— Дамы и господа! — начал негромко поэт. — Мне часто доводилось присутствовать на грустной церемонии поминовения усопших, и вот сегодня мы собрались здесь, чтобы почтить память безвременно ушедшего от нас Ашиля Мюрата.

Мюрат был по происхождению французом, принадлежавшим к роду Бонапартов, к роду Наполеона, в уста которого, как вы помните, наш Н. Бараташвили вложил следующие слова:

«Время принадлежит мне, и я — надежда эпохи!».

Да, Ашиль Мюрат был потомком французского императора, но с тех пор, как по совету княгини Екатерины он поселился в Мингрелии, своею родиной он считал Грузию. Но разве разлука с родиной — не самая большая беда? — справедливо спросите вы меня. Я совершенно с вами согласен: навсегда покинуть отчизну — значит умереть наполовину. Это всеобщий закон, но особенно он жесток к нам, к детям малочисленных наций. Но ведь Ашиль Мюрат принадлежал к великому народу, и что еще важнее — его супруга — грузинка по плоти и крови оказалась сильнее в своей любви к родине и привезла Мюрата в Грузию.

С этими словами Акакий подошел к прослезившейся Саломе и почтительно приложился к ее ручке. Потом вернулся на свое место и продолжал говорить:

— Что сделали Мюраты для Грузии, вам известно лучше моего, и я не буду вас утомлять перечислением их заслуг. Я хочу заострить ваше внимание на другой стороне вопроса: история сохранила имена многих чужеземцев, нашедших в Грузии свою вторую отчизну. Достаточно вспомнить Або Тбилели, юного араба, замученного за его любовь и преданность грузинскому народу и

¹ Перевод Д. Чкония.

² Перевод А. Тарковского.

христианской вере. Но напомним вам, что далеко не все пришельцы так пылко любили Грузию. Знали мы и таких, которые селились на нашей земле, возводили дворцы и крепости, а к нам относились враждебно и пренебрежительно, но, готовы были сжить нас со света при первом удобном случае...

Здесь Акакий прервал свою речь и спросил у сидящего напротив Ионы Меунаргия:

— Верно я говорю, мой Иона?

— Совершенно верно.

— Начиная с незапамятных времен, кажется, не было такой державы, которая не зарилась бы на нашу землю. Египет, Вавилон, Ассирия, арабы, монголы, греки и прочие то и дело нападали на Грузию, и удивительно, как мы до сих пор уцелели, и не только уцелели, но донесли до сего дня свое «я», свою богатую духовную культуру. Не могу утверждать, что столь многочисленные вражеские нашествия не принесли нам урона. Вот и наш дорогой друг Иона Меунаргия подтвердит, что в той же Франции понятия не имеют о Грузии. За границей часто пожимают плечами, когда слышат о Грузии, Георгии или даже о Кавказе. И это тогда, когда одного Руставели достаточно, чтобы Грузия была известна во всех уголках мира. Но беда в том, что и Руставели мы не смогли сделать достоянием мировой культуры. Здесь не могу не отметить великой заслуги господина Меунаргия, который перевел бессмертного Руставели на французский язык — таким образом Руставели был вторично рожден для иностранцев, и многие благодарные литераторы, пользуясь переводом Ионы Меунаргия, подарили поэму Руставели своим народам. Но мы даже не смогли издать столь важного французского перевода... — Здесь Акакий остановился и спросил, не утомил ли он слушателей.

— Нет-нет, продолжайте! — в один голос закричали собравшиеся.

— Я расскажу вам короткую притчу:

— Доброе дерево, краса и гордость сада! Отчего ты не цветешь, как прежде, и не покрываешься плодами? А если и плодоносишь, то никуда не годными плодами? — спросил у дерева садовник.

— Это потому, что я зачервивело, — отвечало увядшее дерево. — Откуда мне взять силы, если земля изменила мне, небо обрушилось градом, ветер едва не вырвал с корнем...

— Это так, но разве мало я опрыскивал тебя?

— Опрыскивал? Да, ты опрыскиваешь снаружи, а недуг внутри сидит. А-ну, приглядишь к моим ветвям, одни высохли, другие вянут, сами не плодоносят и другим мешают. А ты разинул рот и ждешь чего-то. Отчего не возьмешь да не отсецешь эти бесполезные ветви, чтоб на их месте выросли новые, здоровые. Тогда увидишь, как я буду плодоносить!

— Да разве не поздно?

— Еще не поздно, пока крепки мои корни, ты только пособи мне, а я уж постараюсь не подвести!

Послушался садовник, выполнил совет, и расцвело дерево!.. Дерево-то расцвело, но расцветешь ли ты, моя маленькая отчизна, подобная райскому саду! Невежество — твой неизлечимый недуг, и оно губит тебя. Где они, твои садовники, которые вернули бы тебя к жизни?.. У кого в руках тот целебный топор, тот меч, который отсекает больные ветви? Этот топор, этот меч называется сознательной любовью и преданностью, самоотвержением и отточенной правдой, он разит неподкупно, бесстрашно... Кого нам винить? Кого попрекать? Народ или его предводителей? Разумеется, предводителей!..

Блестящее темпераментное выступление Акакия взволновало присутствующих. Когда публика успокоилась, всегда сдержанный и немногословный Иона Меунаргия на сей раз не утерпел и обратился к Акакию с речью:

— Я не раз слышал ваши выступления, но никогда не испытывал такого волнения, как сегодня.

Сегодня я еще раз убедился, что Акакий Церетели послан нашему народу самим провидением. Он — отец всей Грузии и несравненный поэт.

Господа, еще в те времена, когда наши писатели и общественные деятели были учителями или чиновниками или служили в армии, то есть имели какой-то постоянный доход, Акакий Церетели был свободным художником, жил с народом, был рядом с народом и в радости, и в горе. И сегодня он не случайно оказался среди нас.

Если в стихотворстве у него могут оказаться соперники, то в остроумии нет ему равных и не может быть во всей грузинской литературе! Каждое меткое слово в Грузии приписывается Акакию, так же, как все храмы и крепости — царице Тамар!

Однажды Акакий сказал мне в разговоре: Я, говорит, хочу служить твоему делу, которое бы обуздывало буйных и ободряло угнетенных. Хорошо

сказано. Вот уже полвека Акакий Церетели не дает пасть духом нашему народу, которому не очень сладко приходится. Он ободряет нас, отрезвляет, подстрекает, призывает и растет в духе самоотверженного служения. Впряженные в ярмо Грузии эти два мужа, Илья и Акакий, являются надеждой, нашей верой, нашим будущим! Пусть же долго здравствуют на благо отчизны эти славные патриоты!

Иона Меунаргия не мог сдерживать слез волнения и признательности...

НЕНАПИСАННЫЕ ПИСЬМА

Нико Дадияни медленно угасал в Петербурге. Мысленным взором он окидывал пройденный путь, думал о родине, о близких, беседовал с ними, поверял свои сокровенные боли и обиды, оплакивая потерянное княжество, бывшее величие, забытую любовь...

Настигнутый безжалостной смертью, князь не успел доверить заветные думы свой перу и бумаге...

«...О, как тягостно одиночество на чужбине! Я теперь совсем один, одинок как перст. После кончины моей супруги это чувство стало еще острее и болезненней.

Я не могу сказать, что очень любил жену. У нас с ней не было ни общих мыслей, ни общей цели, поэтому мы оказались чужими друг другу, и отчуждение это год от года росло. Мне было 16 лет, когда я впервые увидел Мери в Петербурге и полюбил ее. Но мы совсем мало виделись, ибо меня увезли в Париж. Оттуда я писал ей нежные письма, совершенно не представляя себе истинных достоинств и недостатков своей будущей супруги. Но едва я женился на ней, как многое мне стало ясно. Однако было уже поздно — и я покорился судьбе. Теперь неприлично говорить дурное о покойнице и выяснять, что же разъединяло нас. Я и не собираюсь этим заниматься, тем более что эта женщина — мать моих детей. Я только хотел бы завещать своим детям и всем близким, чтобы они никогда не спешили с выбором спутников жизни. Ибо это самый трудный и ответственный выбор. В молодости мы часто вслепую решаем эту сложнейшую задачу...

Здесь, в Петербурге, искал я семейного счастья — и не нашел! Здесь сулили мне власть и престол, но все посулы оказались ложью. Что же теперь я собой представляю? Большой, одинокий неудачник, чужой для всех и никому не нужный.

Меня приютила семья моей жены, но сколько сил и хлопот стоили бесконечные тяжбы по поводу злополучного наследства!

Ныне я с надеждой взираю на своего сына, может, его минует горькая участь отца. Нет, человеку нечего делать на чужбине, как бы благополучен он ни был. Я убедился в этом на собственном опыте. Это зряшная надежда. Ты хоть в лепешку расшибись, все равно будут глядеть на тебя искоса, считать врагом, чужаком, нахлебником, и непростительную глупость совершает тот, кто добровольно ставит себя в подобное положение. И не только себя, но все свое потомство и, между прочим, наносит непоправимый урон родному народу. Да-да, непоправимый урон. Я хочу предостеречь своего сына от горькой судьбы отщепенца, но не знаю, как это сделать. Боюсь, что я и тут опоздал... Мой несчастный сын даже языка родного не знает, какую же пользу он может принести отечеству! Вот что терзает меня пуще всего. И вина лежит на мне одном, и это сознание отравляет мне последние дни моей нескладной жизни...

...И все-таки как странно устроен этот мир! Отец, мать, дети, родительская любовь. С особой нежностью произносим мы эти слова, есть в них божественное чувство, божественное, извечное, неизменное и бессмертное. Но в последнее время некий расчет вкрался и в эти святые чувства, и не поймешь, кто в этом повинен: время, эпоха или сам человек?

Родители трудятся, не жалея сил, растят детей. Сколько мук, волнений, бессонных ночей, страхов, забот! Но вот дети вырастают, становятся взрослыми, и у родителей появляется новая забота. Но часто они и задуматься над этим не успеют, как научившиеся летать птенцы покидают родное гнездо. Мы и глазом не успели моргнуть, а они уже улетели и не оглядываются назад, на покинутое гнездо. Нет, это, конечно, не совсем так. Гнездо — дом и все прочее — молодым нужно, но помнят ли они о тех, кто создал для них все это? Нет, они проявляют черную неблагодарность по отношению к родителям. Ну и что же? — возразят мне. — Разве родители не обязаны заботиться о детях? На то они и родители, чтобы кормить и обеспечивать детей! Разумеется, это так, но почему никто не ценит твоих трудов? Однажды мой сын заявил мне: «Но, дорогой отец, не ты один вырастил детей. Другие делают то же самое, однако не попрекают

русском хлеба!» Возможно, он прав. Кто может рассудить отца с сыном! Я знаю одно: я умел ценить заботу и любовь родителей моих и не был по отношению к ним так холоден и неблагодарен, как мои дети. Но может, мне это только кажется? Увы, это так на самом деле! «Эх, папенька, — сказал как-то мне сын, — теперь иные времена и тебе этого не понять!»

Иные времена, иные времена, — твердит молодежь. При чем тут времена! Неужели время может повлиять на такое вечное явление, как материнская любовь? Нет, я в это не верю. Время тут ни при чем. Это люди рождаются бессердечными и неблагодарными. А потом винят во всем время. Людей с каменным сердцем развелось нынче много — они, как сорняк, повсюду, и в семье, и в обществе, и они делают погоду. Добрых и отзывчивых мало, так же как и талантливых. Талантливый и бездарный, добрый и бессердечный — вот что должно быть мерилом. В отношениях же между родителями и детьми такой вопрос вообще стоять не должен. Откуда у сына чужое сердце, чужие привычки? Ведь он должен быть повторением отца? Почему же дети не соглашаются с этим? И распадается семья.

Бессердечные люди губят мир. А в наше время эти злодеи так расплодились, что готовы камнями закидать собственных родителей, оплевать кумиров, которым поклонялись их предки. Их души не ведают ни веры, ни благодарности. Недаром зовут их эгоистами да нигилистами. Это они — они несут гибель миру.

Начавшийся в семье конфликт заразил все общество, и если так будет продолжаться, не останется, пожалуй, ни семьи, ни государства.

...Сегодня у меня в голове полнейший сумбур, оттого что не смог перенести на бумагу мои мучительные сомнения, впору вслух разговаривать с самим собой, чтобы не помешаться! Так о чем же я говорил? Да, матушка не поскупилась на мое образование, учила меня языкам. Я объездил множество стран и изучил столько же языков. И повсюду, где я бывал, на разных языках величали меня царевичем... Я и поверил, что я в самом деле наследник престола, и надеялся занять то место, к которому готовили меня родители. Когда же я убедился, что никогда не получу желаемого, я сломился и раскис. Попытался что-нибудь сделать для любезного отечества своего, но и тут оказался беспомощным. Если бы не Илья Чавчавадзе, я бы вовсе осрамился перед своим народом. Это он заставил меня сделать тот решительный шаг. Слава богу, иначе я и отцовскую библиотеку разорил бы так же, как промотал наследство, полученное от родителей. Теперь я являю собой фигуру столь жалкую, что не только царского венца, но и крестьянской сумы не смог бы удержать. Я сломлен морально, духовно, все мне безразлично...

...Пожертвовав для любви слишком многим, я продолжал искать утешение в женщинах, ибо ни в чем другом не знал удачи. Безумное любопытство толкало меня в объятия новой возлюбленной, я стремился пылом кратковременной страсти согреть охладевшую, опустошенную душу. В каждой новой возлюбленной меня пьянила и влекла нераскрытая тайна. Этим я заполнял бесцветные дни своего бытия. На этом пути судьба послала мне порой людей ярких и интересных, некоторыми я бывал очарован глубоко и длительно. Часто думал, что обрел идеал и наконец нашел ту, которую искал всю жизнь. Но эта гармония вскоре нарушалась, волшебство теряло свою власть надо мной, и я, потрясенный, спешил покинуть лукавую оболстительницу, чтобы вновь пуститься на поиски той возвышенной любви, которую воспевают поэты. Я и сейчас мечтаю встретить женщину, которая навсегда подчинит меня своему очарованию, заворочит, пленит и заколдует. Как я завидую тем, кто способен полюбить один раз и на всю жизнь. Тайна любви — загадка вовек неразрешимая! Я умираю, так и не постигнув ее, хотя опыту моему можно позавидовать!

В эти последние дни тоска совсем одолела меня. Душа моя мечется в моем истерзанном теле и не находит покоя. Я уподобился выжатому гранату, и сердце мое пусто — как червивый орех. Конец мой близок, а я так и не узнал вкуса победы над врагом. Теперь уж мне ничего не надо, я и не жду ничего от жизни. Исчезли сладостные видения, и финал жалок и бесплоден. Казалось, и способностей хватало, и в знаниях недостатка не было, умел и любить и служить родине, готов был пожертвовать для нее жизнью. Но все это оказалось столь же прочным, как замки, построенные на песке. Может, оттого, что не врос я корнями в родную почву, а на чужбине искал славы и счастья?

Не улыбулась судьба и моему брату. Ему тоже не занимать ума и таланта, он бы много пользы мог принести. Шесть языков изучил и двенадцать стран объездил, но ни к чему, кроме шахмат, душа у него не лежит. Боюсь, как бы не стигнул он на чужбине без жены и без потомства. Ему уже 53 года, а он все не женат и бездетен. А человек без детей похож на дуплистое дерево, не нужное никому, кроме летучих мышей. Человек без семейного очага — самый несчастный на свете. Разоренное гнездо не лучше посрамленного имени. Нет, не повезло нашему семейству! У сестры моей судьба как будто сложилась удачнее, но и она не выглядит счастливой. И матушка наша хлебнула горя, а мы и вовсе пропадаем, гибнем — и неоткуда ждать спасения.

Эти две ночи не покидает меня тень матери. Вижу ее и во сне и наяву.

Увы! Я не оправдал материнских надежд!..

...«24 января 1903 г. в Петербурге скоропостижно скончался бывший правитель Мингрелии, светлейший князь Николай Давидович.

28 января в Кашветской церкви святого Георгия состоится заупокойная служба. Начало в 10 часов утра», — сообщала газета «Иверия», на второй странице был помещен некролог.

В той самой церкви, где когда-то венчались Давид и Екатерина, служили панихиду по их сыну, скончавшемуся в возрасте 56 лет...

30 января, «Иверия»:

«Светлейший князь Николай Николаевич Мингрельский извещает родных и близких, что прах его отца, светлейшего князя Николая Давидовича Мингрельского, скончавшегося в Петербурге 24 числа сего месяца, будет доставлен на станцию Новый Сенаки... Оттуда он будет перенесен в Мартвили, где будет захоронен в родовой усыпальнице Мингрельских владетелей. Похороны состоятся 5 февраля. Траурный кортеж по одному часу будет стоять наследующих станциях: Тифлис, Гори, Риони, Самтредиа; на станцию Риони поезд прибывает в 4 часа 42 мин.»

1, 2 и 3 февраля в «Иверии» опять были помещены траурные извещения от сына покойного, от предводителя тифлисского дворянства и от Общества по распространению грамотности среди грузин о том, что 4 февраля в 7 ч. 30 мин. панихида состоится на вокзале, куда прибывает траурный поезд.

С четырех часов на вокзале начал собираться народ, чтобы встретить прах бывшего правителя Мингрелии. Среди присутствующих находились предводитель картлийско-кахетинского дворянства Давид Меликишвили, близкий родственник покойного — Наполеон Мюрат, лица духовного сана во главе с архимандритом отцом Аладашвили, знаменитый сводный хор под управлением Монадирашвили... Как только поезд приблизился к станции, священнослужители в подобающем облачении вышли из «царского» зала с зажженными свечами в руках, раздавая свечи толпе. Поезд остановился, открыли вагон, и оказался гроб, обитый белой парчой. Из «царского» зала вынесли венки, и собравшиеся в молчании склонили головы. Затем Василий Мачабели представил публике сына усопшего князя Нико Дадiani и зятя — князя Оболенского. Панихида длилась 45 минут...

Из Тифлиса прах светлейшего князя был доставлен на станцию Новый Сенаки. По пути траурный поезд еще не раз останавливался. В Каспи на вокзал вышли местное дворянство и духовенство во главе с Дмитрием Амилахвари. В Гори, так же как и в Каспи, состоялась панихида. В Риони вокзал был запружен встречающими. Здесь был военный губернатор Кутанса г-н Смагин с супругой, епископ Леонид со свитой и певчими, предводитель губернского дворянства Лордкипанидзе, окружные власти.

От Самтредиа до Нового Сенаки на каждой станции поезд встречали огромные толпы. И наконец, в Новом Сенаки к вагону подошли: Саломе Мюрат, княгиня Элисабад Багратион-Мухранская, маршалы и предводители дворянства Зугдиди, Сенаки, Лечхуми, уездные начальники, епископ Мингрелии и Гурии Александр. На вокзале гремел военный оркестр, прибывший по распоряжению принца из Кутанса. Гроб на руках донесли до Старого Сенаки, где была устроена встреча, превосходившая все ожидания.

Наконец, гроб с телом усопшего был установлен в Мартвильском храме.

Поздним вечером прах Нико Дадiani был предан земле по левую руку от Давида Дадiani и Екатерины...

9 февраля «Иверия» на первой странице извещала читателей о том, что наследник мингрельского правителя — князь Николай Николаевич Дадiani решил навсегда поселиться в Грузии. Зиму он будет проводить в зугдидском дворце, лето — в Горди.

Женившись, наш старый знакомый Гиви Гегечкори, с помощью двоюродных братьев вернулся в Тифлис и поселился в доме Демурия, в Нахаловке. Судьба новой семьи на первых порах как будто складывалась неплохо. Муж с женой работали, оба были членами революционной ячейки железнодорожных мастеров. У них родилась дочь, которую назвали Изой. Но в скором времени начались неприятности. Революционная организация была раскрыта, и супруги Гегечкори в ту же ночь арестовали.

Недаром сказано, пришла беда — отворяй ворота. Осиротевшая Иза захворала. Тревога и тоска по родителям усугубили и без того тяжелый недуг. Разметавшись в жару, Иза и сама не знала, наяву или в бреду посещают ее видения, связанные с недавним прошлым...

...В два часа пополудни в дверь тихонько постучали. Отец открыл дверь. Жандармы ворвались в дом. Один из них — высокий, рыжий, — оказался знакомым отца. Отец обратился к нему по имени и спросил, в чем дело. Тот стоял, опустив голову, и молчал. Двое других вывели отца в другую комнату. Тем временем мама оделась и последовала за отцом.

Я стояла за дверью и все слышала. Жандармы очень грубо разговаривали с родителями. Потом начался обыск, весь дом перевернули. Я заплакала. Отец приласкал меня.

— Одевайтесь побыстрее! — прикрикнул на отца рыжий.

Потом он обернулся к маме и приказал ей то же самое. Тут я заревела в голос, так что самому «главному» пришлось меня успокаивать. Должно быть, он не хотел, чтобы слышали соседи.

Потом мама разбудила соседку и попросила ее за мной присмотреть, поцеловала меня и сказал, что скоро вернется. Отец вышел из комнаты, даже не взглянув на меня. Он не мог сдерживать слез и, видимо, стыдился плакать при мне.

Назавтра мы узнали, что мои родители находятся в губернской тюрьме. Соседка повела меня к ним на свидание. Сначала я увидела отца; сердце у меня сжалось от боли — отец был не брит, бледен и выглядел совсем больным. Мама превратилась в старуху, но казалась более веселой, чем он. Она сказала, что написала в Мартвили тетушке и та на днях приедет. «Она будет ухаживать за тобой, а нас скоро выпустят, и мы опять будем вместе», — мама старалась меня утешить, но я заметила слезы у нее на глазах и совсем пала духом. Отец долго беседовал со мной, давал мне советы, из которых я поняла, что дела обстоят хуже, чем я думала.

На следующий день приехала тетушка и до сих пор живет у нас. Свою семью бросила в Мартвили, и все никак не заберет меня, потому что я все время болею. Потом пришли на помощь сестры отца. Одна из них каждое воскресенье приезжала из Мцхета, привозила продукты, деньги. В школе все жалели меня, а мне это не нравилось.

Медленно тянулись безрадостные дни.

Прошло два года, и я узнала, что мои отец и мать сосланы в далекую Сибирь.

Как сейчас помню, в пятом классе я заболела, и врачи сказали, что у меня воспаление легких. Но и на сей раз я выкрутилась.

Тетушка принесла письмо от мамы. Вернее, от мамы и от отца. Они всегда писали вместе: мама — подробно, обстоятельно, отец приписывал несколько слов. Мама писала, что они совсем скоро приедут. И мне сразу стало лучше...

Летом тетя Дареджан повезла меня в Цагвери. Но в декабре состояние мое ухудшилось.

И вот с тех пор прошел еще один год и два месяца. Я все лежу и ежедневно пишу письма родителям. Вчера получила от них ответ...

...Иза отложила родительское письмо и задумалась. Потом проговорила вслух:

— Нельзя им писать, что я больна. Никак нельзя! Отец и мать с ума сойдут от горя, а помочь — все равно не помогут.

И девочка принялась за письмо: «Дорогие родители! Получила ваше письмо и очень обрадовалась. Вот и сейчас прижимаю его к груди, и мне кажется, что я обнимаю и целую вас. Мои любимые маменька и папенька, когда же наступит этот счастливый день, чтобы вместо писем я могла бы вас прижать к груди? Я живу хорошо, здорова, хожу в школу. Обо мне не тревожьтесь. Ваша Иза».

Время шло, а здоровье Изы все ухудшалось.

Был воскресный день. Девочкой вдруг овладело странное предчувствие, и она попросила у тети бумагу и конверты.

Она писала весь день, под каждым письмом ставила разные числа, и успокоилась, лишь заклеив последнее письмо в конверт. Но теперь новая забота овладела Изой: кому доверить эту важную тайну? В конце концов она подошла к себе тетюшку и, собравшись с силами, заговорила:

— Тетюшка Дареджан, ты знаешь, что теперь ближе тебя у меня никого нет. После родителей ты для меня самый дорогой человек. Кому же, как не тебе, могу я открыть свое сердце. Чувствую я, что близок мой конец.

Тетюшка попыталась возразить, но Иза прервала ее:

— Нет, родная, послушай меня, ведь я уже не дитя. В марте мне исполнится 15 лет. Но чуется мое сердце, что я скоро умру. Только я не хочу, чтоб родители узнали об этом. Ты ведь выполнишь мою последнюю просьбу.

Бедная женщина, обливаясь слезами, то и дело прерывала племянницу, но Иза твердо продолжала:

— Здесь всего десять писем. После моей смерти каждый месяц посылай родителям по одному письму. Пусть они думают, что я жива. А когда вернутся — узнают. Мне не хочется отравлять их и без того горькую жизнь. — Девочка без сил откинулась на подушки.

Тетюшка закричала. Сбежались соседи, стали приводить больную в себя, но тщетно. 13 марта утром бедняжка скончалась...

В надежде на то, что осужденным позволят приехать хотя бы на похороны дочери, отчаявшаяся тетюшка уведомила их о случившемся телеграммой.

Но несчастным родителям удалось попасть в Тифлис только много времени спустя, приезд их совпал с похоронами Нико Дадяни...

После возвращения из ссылки супругам Гегечкори было запрещено жить в Тифлисе, но весь месяц они оставались в городе, все дни проводя на кладбище. Через месяц полицмейстер предложил им в течение двух дней покинуть город. Родители Изы отправились в Мартвили. Некоторое время они провели в доме священника Осидзе. Батюшка каждый божий день предавал анафеме революционеров, которые погубили его дочь, зятя и ни в чем не повинную внучку. Он упорно считал, что в смерти девочки виноваты бунтовщики, и молил бога наставить заплутавшегося зятя на путь истинный. Гегечкори в конце концов надеялся проповеди тестя, он раздобыл чужие документы и поехал в Тифлис. Поселился в семье у приятеля в районе Исани и стал искать работу.

Ровно через два года после перенесения в Тифлис из Гянджи праха Николоза Бараташвили произошло событие, положившее начало новой организации. Это было официальное выступление «Месаме даси» («Третьей группы»). 12 мая 1894 г. Силибистро Джибладзе на похоронах Эгнате Ниношвили в деревне Чочхати объявил о создании новой партии в Грузии. Первые два заседания состоялись у него на квартире в Чиатура и Тифлисе. Лидеры группы: Силибистро Джибладзе, Миха Цхакая, Филипе Махарадзе, Ражден Каладзе и другие сгруппировались вокруг газеты «Квали», и пламя новой идеи грозило пожаром прежним партиям и организациям. Борьба в скором времени приняла крайне острый характер и была в первую очередь направлена против тех, кто в XIX веке был подлинным властителем дум. Особенно резким нападкам со стороны социал-демократов подвергалась «Иверия». Когда в «Месаме даси» пришли новые, молодые силы, они весьма неодобрительно отнеслись к нападкам на авторитет Ильи Чавчавадзе, но трудно было остановить покотившийся с горы камень...

Юбилей Рафиэла Эристави показал всем, что Чавчавадзе и Церетели были подлинными властителями умов Грузии XIX в. Особенно велик был авторитет Ильи Чавчавадзе как общественного деятеля. И если, с одной стороны, народ принимал из рук Ильи знамя национально-освободительного движения, то с другой — именно Илья становился мишенью яростных нападок членов «Месаме даси», которые боролись именно против авторитета и популярности Ильи. Грузинская интеллигенция раскололась надвое, и начались бесконечные распри.

Особенно острой стала борьба между шестидесятниками и «Месаме даси» после того, как к последним перешла газета «Квали».

У них в руках теперь были газета «Квали» и журнал «Моамбе». Кроме того, социал-демократы пользовались как трибуной любым собранием — легальным и нелегальным. Собрания устраивались не только на фабриках и заводах, но и на квартирах у членов организации.

Чаще всего собирались у Георгия, занимавшего угловую комнату в Исани, в доме Погосова. Прямо из комнаты крутая узкая тропка вела к Куре. Георгий входил в ворота, когда возвращался с работы домой, а утром ускользал по тропке так, что никто из жильцов его не видел.

Потрясенный смертью дочери, Гиви Гегечкори в первое время после возвращения из ссылки не виделся с Георгием, но после Мартвили он сразу напра

вился к старому другу. Георгий очень обрадовался неожиданной встрече. Подробно расспросил обо всем, не касаясь смерти бедной Изы, о которой во время ссылки Гиви он не переставал заботиться, стараясь заменить девочку.

— Слышал я, что с большими почестями хоронили вашего Дадияни? — спросил Георгий у Гиви Гегечкори.

— Да, я сам был свидетелем, как раз тогда я находился в Мартвили.

— Как ты попал в Мартвили?

— Да, дорогой Георгий, я вернулся в Грузию два месяца назад. Первый месяц пробыл в Тифлисе, оплакивая мою девочку...

Некоторое время оба сидели молча. Потом снова вернулись к прерванному разговору.

— Так вот об этом я и говорю, брат, Дадияни три шкуры драл с крестьян, последнего куска лишал, сам в Париже да в Петербурге развлекался, а наше дворянство теперь героем его изображает, большим патриотом...

К друзьям вскоре присоединился заглянувший «на огонек» родственник и друг Георгия Арчил, сотрудник «Иверии» и большой поклонник Ильи Чавчавадзе. Он постоянно спорил с Георгием, который состоял в «Третьей группе» и поддерживал линию газеты «Квали».

Георгий полусхвату обратился к Арчилу:

— Спроси-ка у моего гостя, как хоронили в Мартвили светлейшего князя Дадияни!

— А что в этом плохого? Вы забываете, что Дадияни был не только дворянином, но гражданином и патриотом.

— Да, только с какой стороны смотреть, я не понимаю вашей позиции.

— Чьей «вашей»?

— Твоей и «Иверии». Когда «Иверия» хвалит Дадияни, это понятно, но когда ты хвалишь!..

— Нет, Георгий, ты не прав. Если человек борется за интересы отечества, уже не важно, дворянин он или простой мужик.

— С дворянской точки зрения, конечно, неважно, но с позиции трудящихся — другое дело. Дворянин остается дворянином. И добровольно он ничего никому не уступит.

— Так, значит, насилие и еще раз насилие? Но вы, Георгий, забываете, что здесь необходимы разум и чувство меры. Ведь Илья сам сказал: «Между рабом и господином моста не перекинуть».

— В том-то и дело, Арчил, что сам сказал, а теперь хочет одного с другим примирить. Я не могу понять, с кем он, Чавчавадзе, — с Дадияни и Багратиони или с Бгачиашвили?*

— Но почему ты бранишь «Иверию», когда и «Квали» поместила извещение о смерти Дадияни?

— Ну и что же, а кто сказал тебе, что «Квали» во всем права?

— При оценке отдельных личностей мы должны исходить из классовых интересов, — несмело вставил Гегечкори.

Арчил обернулся к нему и резко спросил:

— А почему классовых?

Гегечкори принял вызов и продолжал смелее:

— Потому что в конечном итоге классовая борьба определяет развитие общества. Только классовая борьба и классовое единство принесут освобождение грузинскому пролетариату. Правильная оценка деятельности князя Дадияни была дана с классовых позиций в газете «Шрома».

Гегечкори достал из кармана измятый обрывок газеты и громко прочел:

«Мы не верим, что можно назвать крупным политическим деятелем того, кто, управляя народом, не принес этому народу никакой пользы, хотя это было ему под силу. Мы не верим, что можно назвать доброжелателем и патриотом того, кто заботится лишь о личном благополучии и пренебрегает интересами народа. Все знают, что народ теперь почитает лишь тех, кто доказывает свою преданность общему делу и этому делу служит».

Георгий и Арчил были двоюродными братьями, и оба росли в дедовском доме, вместе учились в Кутаисе. Потом в разное время уехали в Тифлис. И здесь пути их разошлись: Георгий оказался среди сторонников «Третьей группы», а Арчил как сотрудник «Иверии» противостоял новым идеям и веяниям. Но, будучи политическими противниками, Арчил и Георгий продолжали встречаться, связанные узами родства и дружбы. Арчил часто приходил к Георгию и горячо спорил с его друзьями.

Так было и в тот вечер. Арчил выражал недовольство по поводу выступления газет «Квали» и «Моамбе» против Ильи Чавчавадзе.

* Бгачиашвили — персонаж поэмы Ильи Чавчавадзе, защитник угнетенных.

— На что это похоже! Да кто вы такие, в конце концов, чтобы замахиваться на народного вождя, героя! Кто вам позволил клеветать на него? — кипятился Арчил.

— Илья здесь ни при чем, — спокойно отвечал ему Георгий. — Ничто не отрицает его заслуг перед народом. Но между нашими партиями — более глубокие разногласия, чем личные распри между частными лицами.

— Конечно, — поддержал его Гегечкори, — это борьба двух идей, оттого и принял спор такой острый характер.

— При чем здесь идеи, дорогой Георгий! Прочтите повнимательней статью в «Моамбе». Да как у них язык повернулся! Я, правда, никогда этому автору не верил, но считал его образованным человеком. Заблуждающимся, но образованным. Но когда я прочел его выступление, я просто слов не нашел! Чего вам надо от Ильи, почему вы позорите его, обвиняете, корите! Ослепленные групповыми интересами, вы зашли слишком далеко. И я не понимаю, какую Грузию вы представляете?

Георгий неожиданно зычно отозвался на этот вопрос:

— Да здравствует рабочая социал-демократическая Грузия!

Гордо подбоченясь, он стоял перед ошеломленным Арчилом. Но Арчил быстро опомнился и на вызов ответил очередной атакой:

— Демократическая Грузия! Социалистическая Грузия! Вы, милый мой Георгий, спекулируете этими словами, прячетесь за них, болтаете от имени двух-трех пролетариев-грузин и только обманываете народ! Где она, рабочая Грузия? Грузия всегда опиралась на крестьянскую десницу, ее богатство — сельское хозяйство. Крестьянин — надежда и опора Грузии, а вы, неблагодарные, фантазируете, искусственно преувеличиваете роль и место рабочего в истории и судьбе нашей родины.

Но Георгий не дал Арчилу договорить, уверенно прервал его:

— А я повторяю тебе, что именно грузинский пролетариат в союзе с рабочим классом России завоюет свободу для угнетенных народов Российской империи. Русский пролетариат протягивает нам братскую руку. И другого пути не дано...

— Ты видишь, куда вы нас толкаете? Неужели не ясно, какие интересы преследует Российская империя по отношению к Грузии? Нет, нужно быть варваром, чтобы снова с надеждой взирать на его величество!

Эти слова окончательно вывели из терпения Георгия, и он распалился не на шутку.

— Если я назову тебя провокатором, ты обидишься, но это же чистая провокация! Кто сказал тебе, что мы уповаем на его величество?! Ты знаешь, не хуже моего, кто под пятой самодержавия стонет не только грузины, но и русские трудящиеся. Царизм — враг и России и Грузии. Мы ищем братства с новой Россией, с пролетарской, с нашими классовыми братьями. Неужели это требует разъяснений в нашем кругу?

В дверь постучали. Спорщики замолчали. Стук повторился, грубый голос велел открывать именем закона. Через порог шагнул тот самый рыжий жандарм, который десять лет назад арестовал Гегечкори, за ним следовали трое полицейских.

На следующий день по инициативе жены Гиви Гегечкори работницы той фабрики, где работали арестованные, разбросали прокламации по всему городу:

«Товарищи! наших мужей лишают свободы, бросают их в тюрьмы как преступников... Чего же ждать от тех, кто по-разбойничьи, под покровом темноты врывается в наши дома, вытаскивает из постелей наших кормильцев. Товарищи! Объединяйтесь, поддерживайте друг друга, помогайте хотя бы добрым словом! Подбодрим колеблющихся, но отщепенцам и предателям, если даже они наши братья и мужья, — позор! Будьте стойкими, мужественные борцы!».

В тот же год по инициативе «Третьей группы» за городом состоялась маевка. Прокламации, распространенные в те дни, гласили: «Этот день объединяет рабочих одной нации и рабочих разных национальностей. Он объединяет тех, кто разделен языками, привычками, расхождениями... Сегодня на поле битвы выходит пролетариат всего мира! Протянем же ему руки, присоединим и свой голос, встанем в его ряды и пойдем по дороге, которая приведет нас к счастью и к свободе».

В прокламациях 1904 г. читаем:

«Товарищи! Отказывайтесь идти на войну! Кто бы вы ни были — грузины, русские, татары или евреи, повторяйте дружно: долой войну! Да здравствует свобода, да здравствует братство и солидарность между народами!...».

Так силы революции наступали на старый прогнивший мир...

Но, с другой стороны, остатки старой Грузии не желали мириться с приговором истории. После смерти Ашиля Мюрата семья Мюратов не уступала своих позиции. Их имена часто встречались на страницах грузинской прессы.

В 1897 г. газета «Цнобис пурцели» («Листок ведомостей») сообщила: «Принц Мюрат прибыл в пятницу 26 декабря в половине восьмого утра по Закавказской железной дороге. С ним прибыла принцесса Саломе Мюрат — дочь мингрельского правителя Давида Дадзиани, и с нею супруга ее старшего сына Люсьена Мюрата. Сам принц Люсьен прибывает в воскресенье. Их высочества прибыли из Мингрелии навестить хворающего кн. И. Мухранского и остановились в гостинице «Кавказ».

В 1900 г. «Иверия» извещала: «В настоящее время в Тифлисе находится офицер французского 14-го гусарского полка принц Наполеон Мюрат, сын принца Ашиля Мюрата, женатого на светлейшей княгине Саломе Дадзиани».

В 1904 г. та же газета сообщала:

«Принц Наполеон Мюрат, получивший ранение в Маньчжурии, в настоящее время пребывает в селе Чкадуаши Зугдидского уезда в усадьбе своей матушки, принцессы Саломе. Тотчас после выздоровления принц намерен вернуться на поле битвы».

Прежде чем сдуть пыль с архивов и выяснить, какая участь постигла других героев нашей хроники, остановимся здесь, чтобы завтра с новыми силами приступить к дальнейшему повествованию.

СЕМЬЯ САЛОМЕ ДАДИАНИ

У Саломе Дадзиани и Ашиля Мюрата было трое детей: Наполеон (Напо), Люсьен (Лукиане) и Антуанетта (Бебе). Двое старших имели французское подданство и были офицерами французской армии. Но дочь Саломе сознательно выбрала российское подданство, чтобы никто не мог оспаривать у Антуанетты право на материнские владения. Однако и французские граждане — Напо и Лукиане не скрывали своей привязанности к Грузии и никогда не рублили своих грузинских корней. Они не только подолгу жили в Грузии, но и служили в русской армии.

Мюраты считали себя многим обязанными Грузии и не упускали случая продемонстрировать свою признательность прекрасной родине своей матушки. Саломе Дадзиани продолжала получать субсидию, назначенную ей императором Александром как дочери Екатерины Чачвавадзе.

Люсьен Мюрат женился во Франции. Газета «Квали» не преминула дать развернутое сообщение о свадьбе молодого принца и дочери герцога Роанского.

Дочь герцога Роанского Мари была необычайно хороша собой. Длинные золотые волосы и голубые глаза придавали нежную романтичность ее облику; в этих умных, чуточку затуманенных голубых глазах можно было прочесть затаенную грусть. Эта грусть поселилась в ее глазах чуть позже, когда Люсьен без всякой причины охладел к своей молодой жене.

Впрочем, такой же неожиданной и внезапной была и его влюбленность. Пылкий Люсьен так и загорелся при виде юной дочери герцога — одной из красивейших и богатейших невест Франции. Он немедленно открылся ей в своих чувствах, и романтичная француженка, наслышанная о красотах Кавказа, ответила молодому Мюрату взаимностью. Отношения влюбленных в скором времени завершились брачной церемонией. Весь год молодожены провели в Париже. Герцог всей душой полюбил прямого и мужественного зятя и предложил ему поселиться у него. Но самолюбивый и гордый Люсьен отверг предложение тестя и в тот же день решил отправиться с женой в Грузию. Мари и ее родители целую неделю умоляли Люсьена остаться, но он был непреклонен. Тогда Мари покорно последовала за мужем, и в ту осень Саломе с большими почестями приняла молодых в Чкадуаши. Через год Мари родила сына, которого назвали Ашилем. Рождение наследника безмерно обрадовало всю семью. Особенно радовалась Мари.

Шло время, Люсьену, привыкшему к войнам, пирушкам и охоте, надоела однообразная семейная жизнь, и он отправился в Петербург, где надеялся встретить своего брата Напо. Однако Люсьен задержался в столице дольше, чем предполагал. В разлуке с легкомысленным супругом Мари заскучала. Первое время она находила утешение в заботах о ребенке, но маленькому Ашилю исполнилось четыре года, и к нему были приставлены не одна, а две няньки. Мари чувствовала себя одинокой и неприкаянной. Она не знала другого языка, кроме французского, и это усугубляло ее одиночество. Саломе, Бебе и несколько горничных-француженок старались скрасить однообразные будни покинутой жены, но самолюбие бедной женщины было сильно уязвлено.

Три года верная супруга ждала Люсьена, но он не появлялся. Одни говорили, что видели его в Петербурге, другие уверяли, что он вступил в тифлисское Артистическое общество и выступает на сцене, третьи слышали, будто он занялся в Кутаисе торговлей. Все во дворце Дадияни жалели «соломенную вдову», но помочь ей никто не мог.

Бедной Мари ничего не оставалось, как поверять свои невзгоды темному лесу и маленькой речушке Цачхуре...

На какое-то время Мари солизилась со своей золовкой Бабе, но вскоре та, увлеченная хозяйством, вновь отошла от нее и предоставила бедную женщину самой себе. Мари все больше отдалялась от всех, стала совсем нелюдимой и одинокой. Беспредельная печаль овладела ее сердцем. А в последнее время ей вдруг повсюду стал мерещиться один из ее бывших поклонников, которого она, живя во Франции, в свое время безжалостно отвергла.

Выросшая в роскоши и богатстве, Мари не знала забот. У нее была уйма времени и никаких обязанностей. К несчастью, она не любила читать. Во дворце у Миоратов было много французских романов, они могли бы скрасить одиночество. Чтобы развеять печаль, Мари на целый день уходила в лес, пока год не гнал ее обратно к дому. В доме Миоратов ежедневно бывали гости, но Мари избегала их. Она отгородилась от всех, мучимая страхами и галлюцинациями.

Как-то раз к плачущей Мари вошла Саломе. Она обняла невестку, посадила ее рядом с собой и заговорила с ней по-французски:

— Не стоит отчаиваться, дитя мое. Люсьен — хороший муж и благородный человек. Я верю в своего сына — ведь я сама его воспитала. В конце концов он вернется к тебе, только наберись терпения, дорогая.

В глазах у молодой женщины стояли слезы. Саломе пожалела бедняжку, но, не подав виду, продолжала в том же тоне:

— Не забывай, милочка, что супружество — тяжкий крест. Раз уж впряглась в это ярмо, должна тащить свою ношу до конца, какой бы тяжелой она ни была. — Саломе опять взглянула на невестку, та уже плакала навзрыд и отвечала ей, всхлипывая:

— Но я честно выполняю свой долг!

— Я и не упрекаю тебя, душенька. Мне только не нравится твое настроение. Ты все время плачешь. Это ни на что не похоже! — Саломе нахмурилась.

Мари вытерла слезы и ответила с решимостью:

— А что же мне остается делать, мадам, за последний год Люсьен не появлялся и двух раз!...

— Так что с того? — отрезала Саломе. — Мужчина не может сидеть возле женой юбки... У него дела, служба... освободится и придет, никуда не денется!

Мари никак не ждала от свекрови такой резкости. Не смея возразить ей, она лишь еще горше разрыдалась. На сей раз Саломе и впрямь сжалась над несчастной. Она постаралась придать своему голосу побольше мягкости:

— Придет, придет наш ветреник, поверь мне. Я, по-моему, рассказывала тебе о своей жизни. И я ревновала, и я тревожилась. Ашил то в Алжире воевал, то еще где-то. А я оставалась одна, то во Франции, то в Мингрелии. И ничего — терпела, ждала. Такова семейная жизнь, дитя мое!

— Но как можно сравнивать мое положение с вашим! — не успокаивалась Мари. — Вы были уверены, что ваш супруг вернется. А я даже не знаю, придет ли вообще. А если придет, то когда? Не знаю, нужна ли я ему? Мне кажется, он разлюбил меня, и я опостылела ему!

— Не следует так думать, дорогая. — Саломе сделала паузу, подыскивая убедительные доводы, но невестка почувствовала, что ее словам недостает искренности, она говорила так скорее из чувства долга, чем по велению сердца.

— Вы, конечно, знаете, что ради вашего сына я покинула родителей и отечество. Можете спросить, почему я на это решилась?

Саломе молчала, и Мари горячо продолжала:

— Вы тоже женщина, мадам, и знаете, что такое настоящая любовь. Я, не внимая рассудку, отвергая расчет и выгоду, подчинилась своему сердцу. Вы можете спросить, отчего я так безумно влюбилась?

Саломе опять промолчала.

— Но разве это зависело от меня? Разве спрашивают человека, почему он умирает? Любовь настигла меня врасплох. Истинная любовь так же сильна и неодолима, как смерть. Остановить любовь так же невозможно, как удержатъ смерть. Тогда в этой любви заключалось все, что было у меня дорогого на свете — родители, родина, друзья. Любовь — стихия, которая не подчиняется законам логики. Отныне все мои мысли и чувства были слованы любовью. А сама любовь не терпит никаких оков. Мы с вашим сыном заключили союз по любви. Эта любовь горит в моем сердце, но давно погасла в сердце Люсьена. Я всег

душой полюбила и его и всю вашу семью, но взамен я не получила ни любви, ни тепла. Все вы, все виноваты в моем несчастье! Вы вырастили его бездушным, вы отняли Францию у француза, и теперь он ни грузин и ни француз. Таким же бессердечным оказался он и в любви.

Тут не стерпела Саломе. Гордость ее была уязвлена.

— Я не отнимала родины ни у мужа, ни у детей. Напротив, я готова была назвать Францию своим отечеством, и, пожалуй, в этом заключалась моя ошибка. Случилось так, что сами французы лишили моего мужа и детей Франции. Твоему батюшке должно быть хорошо известно, что ваши дорогие соотечественники решили уничтожить династию Наполеона. Если бы не моя мать, мы вообще были бы разорены. Я считала своим долгом внушить детям любовь к Грузии. Они же не теряли надежды обрести счастье во Франции. Но их там так холодно приняли, что они поспешили вернуться сюда и теперь даже глядеть в ту сторону не желают. Люсьен не был бы счастлив в доме тестя и поступил совершенно правильно, приехав в Грузию. У человека должна быть одна родина. У нас с вами одна родина — Грузия, и я советую тебе, дочь моя, любить эту родину, если ты хочешь быть счастливой.

— Нет, я никогда не буду счастливой. Вы внушаете мне, что я должна полюбить страну, где растоптаны мои лучшие чувства! Я была готова всей душой привязаться к земле, которую мой муж называл родной, но он ни разу не попытался внушить мне любовь к этой стране, он вообще никогда не разговаривал со мной об этом. Да вы вообще ничего не показали мне в Грузии, кроме Салхино, Зугдиди и Чкадуаши. Да как он мог заставить меня полюбить Грузию, когда он сам не знает, грузин он или француз! Поистине, тот кто цепляется за две родины, остается ни с чем. Это раздвоение распространилось и на супружеские отношения. Видимо, он не может молиться одному богу, иметь одно отечество, любить одну женщину. В душе вашего сына — два человека: добрый и злой, решительный и безвольный. Мне страшно подумать, что моего маленького Ашиля ждет та же участь! Вот почему я должна бежать отсюда вместе с сыном, чтобы хотя бы ему вернуть родину, научить его эту родину любить, ибо тот, кто не любит свою землю, — не может любить ничего!

Через несколько дней после этого бурного объяснения между невесткой и свекровью Люсьен и в самом деле появился. Он приехал с друзьями в экипаже, сильно навеселе, и, не заходя к жене, продолжал кутить во дворце. Мари к гостям не выходила.

Когда поздно вечером гости разошлись, Люсьен тихонько пробрался в спальню. Чуть свет Люсьен, не предупредив жену, уехал в Кутаис. Мари снова заскучала, а ветреный супруг появился лишь через три месяца... Таким образом, прошло семь лет, и наконец выведенная из терпения Мари решила объясниться с Люсьеном начистоту.

- Я не могу так жить, у меня больше нет сил терпеть эти муки!
- Тебя никто не держит. — грубо ответил Люсьен.
- В таком случае я уезжаю.
- Куда?
- Вернусь к родителям.
- Вся твоя!

Люсьен молча повернулся и вышел из комнаты. Окончательно убедившись, что муж не любит ее, Мари простилась с дворцом Мюратов и вместе с сыном отправилась в Париж...

Не лучше сложилась судьба другого сына Саломе — Напо. У Люсьена остался хотя бы сын. Напо жил бобылем. Свободу он ценил превыше всего. Убедившись, что хозяйственные заботы лишь тяготят его, Напо устремился в Петербург. Французский офицер, образованный и представительный, Напо стал желанным гостем в высшем свете. Придворные дамы так и льнули к завидному жениху. Но самовлюбленный красавец не очень-то баловал их вниманием и комплиментами. Он появлялся в обществе лишь для того, чтобы поиграть в карты.

Но даже такой гордец, как Напо, не устоял перед чарами знатной княжны Елены. Они впервые встретились на одном из балов. Напо сразу обратил внимание на элегантно одетую красавицу и попросил приятеля представить его. Елена тоже не осталась равнодушной к достоинствам носителя столь громкой фамилии. И в один прекрасный день влюбленные поклялись друг другу в верности и решили пожениться. Но тут началась русско-японская война. Безработная светская жизнь нарушилась. Напо, обратился к царю с просьбой позволить ему — французскому офицеру участвовать в войне против Японии. Николай II охотно принял его предложение и поставил Мюрата во главе Дагестанской сотни, состоявшей, в основном, из лезгин, черкесов и осетин... Счастье не

улыбалось в этой войне русской армии, но отряд под командованием Наполеона Мюрата не раз демонстрировал чудеса храбрости. Впоследствии Напо часто вспоминал один из эпизодов битвы:

— Японцы преследовали нас до какой-то небольшой речушки. Нам удалось остановить их наступление, а на рассвете мы сами двинулись в атаку и обратили противника в бегство. Под грохот артиллерии мы преследовали убежавшего врага, но японцы заманили нас в глубокий тыл, и мы внезапно очутились в окружении. Между моим отрядом и японцами завязалась отчаянная схватка. Рядом со мной бились мои неразлучные черкесы и лезгины. Среди них особенно выделялся лезгин Нухи, который виртуозно отражал нацеленные на меня удары и охранял меня как зеницу ока. Но тщетно... Просвистела вражеская пуля, и я упал с коня. Раненный в шею, я истекал кровью. Тут подскочил мой верный Нухи, поднял меня в седло и бережно, как ребенка, провез целых 40 верст. Мои молодцы прорвали осаду и доставили меня в полевой лазарет. Из моих слугников один был ранен в руку, у второго была раздроблена челюсть. Им тоже оказали необходимую помощь... На третий день меня перевели в городской госпиталь, а через месяц отправили в Петербург. Меня навестила Елена. Она была в трауре. Бледная и дрожащая, она вбежала в палату, упала на колени возле моей кровати и лихорадочно зашептала молитву. Потом она прижалась к моей груди и зарыдала. Не успел я опомниться, как она исчезла. Я терялся в догадках, пытаясь объяснить ее поведение. К счастью, пришел мой приятель, который мне обо всем рассказал. Отец Елены знал, что я влюблен в его дочь, но он решил выдать ее за богатого финляндского барона. Сторонники этого брака распустили в Петербурге слухи, будто я умер в госпитале от ран. Поэтому Елена и была в трауре, хотя отец и запрещал ей это. Не прошло и трех месяцев, как бедную девушку выдали замуж.

Напо в некотором отношении был старомоден и чудаковат. Много было у него романтических причуд. С рыцарской самоотверженностью и романтическим самозабвением полюбил он свою Елену и... потерял ее.

И теперь ему ничего не оставалось, как только вспоминать.

Решение пришло внезапно:

— Я должен ехать в Петербург. Должен вернуть ее, чего бы мне это ни стоило. Я поступил не так. Я гордость поставил выше любви — и был не прав. Нет, надо ехать в Петербург, чтобы вернуть былое.

Однако осуществить это решение оказалось не так-то просто. Вся Россия была охвачена пламенем революции, и во дворце Мюратов было далеко не спокойно. Это задерживало отъезд Напо, но он твердо решил при первой возможности ехать в Петербург...

УРАГАН ВЕКА

В то утро принцесса Саломе сидела на террасе дворца Салхино и смотрела на Квибийские вершины, окутанные облаками. Одно облако, совсем небольшое, по форме напоминающее кудрявого ягненка, стало сползать по склону, увеличиваясь в размере, и постепенно обволокло всю гору. Потом перекочевало в долину, за клубилось в ней туманом и уже подбиралось ко дворцу. Земля и небо сливались, скрытые туманом, туманом заволокло взор сидевшей на балконе госпожи. И как раз в это мгновение из тумана возник Чабуртели. Саломе протерла глаза: неужели это и в самом деле он? Чабуртели стоял, как изваяние, и не произносил ни слова. Саломе еще пристальнее вгляделась в обросшее бородой лицо. Чабуртели был в простой черной блузе, перехваченной шнурком, без всякого оружия, с непокрытой, но аккуратно причесанной головой. Саломе улыбнулась видению.

— Откуда ты появился? Я думала, ты в тюрьме. Или сбежал?

— Так точно, сударыня, сбежал, — негромко подтвердил Чабуртели.

— Правильно сделал. Я собиралась ехать в Кутаис, просить губернатора, чтобы тебя освободили. Теперь буду просить помилования, раз ты уже на свободе.

— Не стоит беспокоиться, госпожа, я никогда не просил помилования и теперь не прошу...

Саломе не понравился по-старому дерзкий тон гордеца, но она не подала виду и снова обратилась к нему с вопросом:

— Ты мне лучше скажи, справедливо ли обвиняют тебя в том, что ты поджег наш дворец?

— Нет, это клевета, сударыня. Мне своих грехов хватит, чужих не надобно. — Чабуртели помолчал, словно собираясь с силами, и решительно добавил: — Если говорить начистоту, то я не от наказания бежал, а от любви.

— Как это — от любви? — смешалась Саломе.

— От любви к вам, госпожа, от любви, из-за которой я чуть не стал предателем.

— Ты что-то не то говоришь, — смущенно проговорила Саломе, но ее был так тих, что Чабуртели не расслышал слов.

— По дороге я решил совершить что-нибудь такое, что навсегда отрезало бы мне путь к отступлению и восстановило бы сломанный мост между мной и моими собратьями. Погруженный в такие мысли, доехал я до Зугдиди и здесь услышал поразительное известие — будто вы приказали сжечь дворец.

— Кто тебе это сказал? — вскрикнула Саломе.

— Ваш конюх, сударыня.

— Ты лжешь.

— Я никогда не лгу, госпожа, — и было в тоне Чабуртели нечто такое, отчего Саломе сразу снякла.

— Это правда. Я во всем виновата. Но я горько поплатилась за все. Ты, наверное, знаешь, что последовало за пожаром. — Здесь Саломе загнулась, ее гордость страдала оттого, что она так откровенно беседовала с этим простым человеком.

— Для тебя не секрет, — продолжала она вновь, — что в последнее время мои отношения с мужем становились все хуже и хуже. Я все решала сама. И поджог дворца, и самоубийство мужа тяжким гнетом лежат на моей грешной душе. На том свете мне придется держать ответ за все. Только знай, что во всем этом есть доля и твоей вины...

Слезы гнева и досады душили Саломе, и, чтобы не расплакаться, она замолчала.

— При чем здесь я? — вскинул брови Чабуртели. — Я же сказал, что не поджигал дворца.

— Это я знаю, но та роковая встреча на Марсильской дороге перевернула мою душу, и я до сих пор не могу понять, что со мной произошло... — Здесь гордая принцесса опять взяла себя в руки и совсем другим тоном продолжала: — Ты был слишком дерзок и смел, любезный, — голос Саломе звучал резко и надменно, — и я решила проучить тебя за самонадеянность, но отомстить тебе не смогла, а что получилось, сама не знаю. — Саломе закончила неуверенным, упавшим голосом: — Может, ты и не виноват ни в чем, но не спрашивай меня об этом!

— Я не за тем пришел, госпожа, чтобы допрашивать вас!

— Что же тебе от меня надо? Что ты преследуешь меня, как злой дух! Ступай отсюда!

Чабуртели вскричал, не дав ей закончить:

— Вот этого я и хотел! Хотел услышать от вас эти слова. Когда я сбегал из тюрьмы, мне сказали, что вы хлопчете о моем освобождении. Я чуть было опять голову не потерял. Но теперь я ухожу спокойно. Пусть все знают, что Чабуртели никогда не примирится с князьями Дадиани... Сам дьявол любви не смог нас примирить. Отныне я свободен... Свободен! Ничто больше не встанет на избранном мною пути. И вместе нам не бывать! Никогда!

Последние слова Чабуртели произнес с такой силой и выразительностью, что подступавшие к самому дворцу горы ответили глухим эхом: «Никогда!»

Саломе взглянула на горы. Туман рассеялся, и вершины Кинчхи ослепительно сверкали, облитые солнцем. Саломе зажмурилась. Когда она вновь открыла глаза, Чабуртели уже не было. Все произошло так быстро, что Саломе усомнилась: не мираж ли это? Может быть, диалог с тенью просто обнажил тайну, похороненную в ее душе? Хорошо еще, что этого диалога никто не слышал...

По пути из Кутанса Гиви Гегечкори и Чабуртели на ночь остановились в Хони в доме Бахтадзе. Поднявшись на рассвете, они снова двинулись в дорогу, решив добраться до Мартвили коротким путем. Но Цхенисцкали сильно разлилась, и им пришлось перебраться на тот берег паромом. Миновав село Нахаребово, к полудню они постучались к священнику Осидзе, который радушно принял зятя и его друга. После обеда гости не мешкая принялись за дело. А дело было тайное и опасное...

Вся Грузия в 1905 г. была охвачена крестьянскими волнениями. Восставшие крестьяне создавали свои комитеты и выставляли следующие требования: свергнуть самодержавие, отнять у помещиков землю и без выкупа передать ее крестьянам; они требовали также учреждения органов управления путем всеобщих выборов, бесплатного образования и т. д.

Набиралась силы и смелости, поднимала голову армия голодных и угнетенных... Во главе вооруженного восстания стоял Кавказский комитет РСДРП. Комитет руководил местными организациями. Таким образом, в Имеретию

и Мингрелию, чтобы возглавить восстание, были посланы Гиви Гегечкори и Чико Чабуртели.

Гегечкори познакомился с Чабуртели в Метехской тюрьме и сдружился с земляком. Гиви был младше своего друга, но зато образованнее. Он был лучше подготовлен и прошел школу нелегальной работы. В первой же беседе выяснилось, что друзья по-разному понимают революционный долг и ответственность перед народом. В тюрьме Гегечкори продолжал активную пропаганду, используя бесстрашного и ловкого Чабуртели. Мечтатель-анархист Чабуртели очень скоро стал верным помощником Гегечкори. В феврале 1905 г. при содействии Тифлисского комитета Гегечкори, Чабуртели и их единомышленники бежали из тюрьмы, а в первых числах апреля их направили в распоряжение Имеретинско-Мингрельского комитета. Время было бурное — вся Западная Грузия готовилась к вооруженному восстанию.

После обеда Гегечкори подробно расспросил тестя о положении в Мартвили. Священник жаловался на бунтовщиков: никого не боится, ни бога, ни царя... Гиви успокоил тестя и спросил о своем побратиме, сыне трубача Михи. Оказалось, что он в Салхино. Тут же было решено, что Чабуртели немедленно отправится в Салхино и привезет побратима.

Тогда-то и произошла неожиданная встреча принцессы Саломе и Чико Чабуртели. Через два дня сын трубача Михи подробно ознакомил Гегечкори и Чабуртели с обстановкой в этих краях...

Революционеры, посоветовавшись, решили пасхальную ночь 20 апреля использовать для массового митинга... Составили план митинга и всеобщего выступления и отправили докладную в уездный комитет в Сенаки. Оттуда пришло распоряжение учредить в Мартвили местный комитет и поставить во главе Гиви Гегечкори. Комитет выполнял большую работу: создавал и формировал отряды «красносотенцев», снабжал их оружием, организовывал митинги...

Жена Гиви Гегечкори — Ита с подругами вышивали знамя. Накануне Ита купила в мануфактурной лавке белой и красной материи. Из красной женщины выкроили широкое и длинное полотнище для флага, и сейчас Марта обшивала его каймой, а Ита и Тео вышивали по белой ткани грузинскими буквами лозунг: «Да здравствует свобода!»...

Еще семь женщин пришивали к белым халатам сестер милосердия красные кресты. Во второй комнате собрались мужчины, они складывали там принесенное оружие. Одним словом, дом Гегечкори походил в эти дни на штаб. У всех было приподнятое настроение. Непрерывно входили и выходили люди, приносили и уносили оружие.

Тео и Марта — дочери Михи Габисония, были прославлены во всем краю своей красотой. Сестры были близнецами, ровесницами Иты Осидзе. Когда священник отдал десятилетнюю Иту в Кутаисскую гимназию, она жила вместе с дочерьми Михи Габисония в доме аптекаря Амаглобели. Возвратившись из ссылки, Гиви и Ита снова стали активными борцами за свободу. Рождение сына придало супругам Гегечкори новые силы для жизни и борьбы. Но Гегечкори сослали вторично, а Ита с ребенком вынуждена была вернуться к родителям в Мартвили. Здесь она вновь встретилась с Тео и Мартой, которые работали в местной аптеке. С их помощью Ита сколотила в Мартвили женскую организацию. На собранные средства была открыта первая в Мартвили библиотека. При библиотеке работала вечерняя школа для неграмотных женщин. Библиотека вскоре стала центром культурной жизни и любимым местом для собраний. В каждое мероприятие Ита вносила революционный дух. Ита и ее слушательницы во всеоружии встретили революционную бурю 1905 г.

В один из бурных дней женщины подняли бунт против ногалевских купцов. Они ворвались в лавки, где торговали мануфактурой, и потребовали установления твердых цен на товары. Торгаши, конечно, не согласились, закрыли лавки, распустили приказчиков.

Назавтра собравшиеся в библиотеке женщины решили сами встать за прилавки, чтобы продавать товар по установленным ценам. Таким образом, они вынудили богатеев удовлетворить требования трудящихся. Первая победа воодушевила активисток. Как раз в это время в Мартвили приехали Гегечкори и Чабуртели, и теперь Ита с подругами по их заданию шили красное знамя и халаты для сестер милосердия.

В то утро Гегечкори и Чабуртели вместе с Итой уточняли план восстания в соответствии с полученными из центра указаниями. Ита не находила себе места, заостряла внимание на мельчайших подробностях и деталях, была очень взволнована и часто повторяла то про себя, то достаточно громко:

— Иза, Иза, настал час расплаты, мы рассчитаемся со всеми, со всеми, кто повинен в твоей гибели!

Спокойный и рассудительный супруг старался ее успокоить, но тогда в разговор вмешался Чабуртели.

После его ухода Иту словно прорвало, она говорила сбивчиво, горячо; ей трудно было сдержать натиск скопившихся чувств:

— Иза, девочка моя. Я знаю, что опаздываю к тебе, но пойми — сначала я должна рассчитаться с твоими убийцами и нашими недругами... А после я сразу приду к тебе, принесу тебе букет алых цветов, ты ведь так любила цветы! Я принесу тебе много-много красных цветов — символ нашей победы. Приду, встану на колени, прижмусь губами к земле на твоей могиле и крикну тебе, не скрывая радости: нет больше на свете злодеев — убийц моей дочери. Мы отомстили им, мы победили!..

И опять сдержанный, немногословный Гегечкори утешал жену. Он прошел нелегкую школу — жизнь на нелегальном положении, арест, ссылка. Седина рано прокралась в его волосы. Несгибаемый борец — в семье он был мягким и нежным.

— Ита, родная, — негромко говорил он жене, — не забывай, что борьба будет долгой и трудной. Враг ничего нам не уступит легко и просто. Победа будет стоить крови и жертв. Но мы готовы сложить головы за свободу. Я верю, что мы победим. Не сегодня, так завтра неизбежно. И с этой верой мы должны жить...

Страх был преодолен, страх был побежден. Надежда расправила крылья в семье Гегечкори. Надежда горела в их сердцах. Но возбужденная Ита то и дело вспоминала:

— Ты помнишь, Гиви, когда нам сообщили о смерти Изы, я не хотела больше жить, жизнь потеряла в моих глазах всякий смысл. Но ты мне сказал тогда: если мы сейчас покончим самоубийством, это будет означать бегство с поля битвы, измену друзьям, измену нашей святой цели, идее, общему делу... Я ничего не ответила тебе тогда, потому что мы были не одни, нас ни на минуту не оставляли одних находившиеся в той же ссылке друзья и соратники по борьбе. Но сознание мое от твоих слов внезапно прояснилось, и я поверила тебе, поверила, что пассивная смерть или самоубийство не имеют никакого смысла, что сначала нужно отомстить тем, кто погубил нашу дочь, кто гноит в тюрьмах тысячи борцов за свободу, ссылает их, отправляет на виселицу. Ты разбудил во мне революционный дух, притупившийся за годы ссылки. И я по сей день благодарна судьбе, которая вывела меня из горестного оупения. Ты, отец нашей девочки, такой же безутешный, как и я, нашел в себе силы разжечь в моем сердце угасающую искру, и я всегда буду благодарна тебе за это, мой верный друг и неразлучный спутник! Завтра я снимаю траур и надеваю праздничное белое платье, потому что настает день нашего торжества. Завтра мы выходим на поле битвы за наше благородное и прекрасное дело, за свободу человека. Мы — отцы и матери, девушки и юноши, миллионы угнетенных и обиженных сравнимся с теми, кто ненавидит свободу и человека, с теми, кто бесстыдно присваивает чужой труд и ворует. Завтра мы возьмемся за оружие и громко возгласим: смерть всем, кто лишает нас жизни и счастья...

А Чабуртели, находившийся тем временем на пути к Нахунао, думал: «Нет, я впервые встречаю такую женщину! Ита — вот идеал! Как прекрасна в ней эта преданность идее, и это совсем не мешает ей быть так же преданной мужу и семье. Это особенная женщина, женщина нового времени. Мне кажется красивее всех прочих та женщина, чья душа свободна от эгоистических побуждений и которая готова встать на защиту всенародных интересов... Ибо жизнь, лишенная идеала, всего-навсего пустой звук. Мечты, свободные от мещанских интересов, обогащают духовный мир Иты. Такая женщина достойна восхищения, восхищения и почитания». Чабуртели невольно вспомнил Саломе, и странный озноб охватил его тело...

В ночь на 20 апреля в Мартвильском монастыре собралось множество народу. В толпе трудно было заметить вооруженных «красносотенцев». Встревожились монастырские лазутчики, послали человека с доносом в полицию, но тщетно. Церковный староста шепнул епископу, что полиция предумышленно скрылась.

В ограде монастыря не умещались толпы все прибывающего народа, у ворот стояли вооруженные «красносотенцы» и ждали сигнала...

На рассвете, когда вынесли образ Христа и началась литания, на полуразрушенную монастырскую ограду взобрался Чико Чабуртели и громко обратился к толпе:

— Товарищи! Прошу внимания... — Все обернулись к оратору, «красносотенцы» окружили выступавших плотной стеной. Толпа затихла в ожидании. Чабуртели дал слово Гиви Гегечкори. Тот неторопливо и спокойно заговорил:

— Друзья мои и братья! Настал долгожданный день. Во всей необятной России разгорается борьба трудящихся, беспощадная борьба за свержение ца-

ризма. Поднялась вся империя. Огнем охвачены Петербург, Москва, Варшава, Тбилиси, Баку, Ростов и Рига... По примеру городов восстают деревни и села. Так что же должны делать мы с вами в такой момент? — Не успел Гегечкори с возмущением в голосе произнести эти слова, как над его головой звонились красные флаги — боевое знамя Уту Микава, которое много лет хранил сын трубача Михи, и то самое полотнище, которое любовно вышивала жена Гиви Гегечкори Ита со своими подругами.

Гегечкори окинул гордым взглядом полыхающие над толпой знамена и воскликнул громко и призывно:

— Мы должны присоединить свой голос к голосу революции, к голосу борьбы с самодержавием! Да здравствует революция!

В своем выступлении на митинге опытный пропагандист Гегечкори убедительно доказывал, что народ победит, ибо дело его — правое.

Много лет проработавший в социал-демократических организациях, назубок знающий марксистскую теорию, пламенный революционер Гегечкори взвешивал каждую фразу своего выступления:

— Мы руководствуемся классовым принципом. Большинство населения составляет угнетенный класс. Создателей материальных ценностей — большинство, владельцев же этих богатств — меньшинство. Само собой разумеется, что большинство должно взять власть в свои руки, чтобы покончить со злом и беззаконием. Мы выдвигаем лозунг установления республики и безвозмездной передачи крестьянству всей земли. Наш классовый принцип несовместим с либерализмом по отношению к эксплуататорам. Эти господа — помещики и капиталисты ничего не уступят нам добровольно. Мы должны силой отнять у них власть! Мы разрушим общество, построенное на эксплуатации и насилии, и мы будем беспощадны к врагу. Мы умеем любить, но умеем и ненавидеть. Долой врагов трудящегося класса!

— Долой! Долой! — загудела толпа.

Оглушительные крики «ура!» перекрыли голос выступавшего.

— Клянитесь, что не измените общему делу! — загремел Чабуртели.

— Клянемся! — дружно откликнулся народ.

Саломе Дадяни, взирая на эту картину, с трудом сдерживалась, чтобы не выкрикнуть в адрес Чабуртели оскорбительных слов. Угрожающе гудевшая, готовая к бунту толпа внушала принцессе страх, и она молча покинула Мартвильский монастырь, куда приехала на пасхальную службу вместе с Бебе...

На трибуне теперь стоял Чабуртели:

— Товарищи! Сейчас мы пойдем в Ногалеви, там тоже нас ждут дела. Пусть знаменосцы идут впереди!

На рассвете толпа потянулась по узенькой извилистой тропке вниз по склону Мартвили. Впереди всех шел Иванэ Гегелия с красным знаменем, за ним — сын трубача Михи нес боевое знамя Уту Микава. Следом за знаменосцами шли Гегечкори, Чабуртели и Ита. За ними — вооруженные «красносотенцы» и сестры милосердия. А дальше длинной цепью тянулись жители окрестных деревень, прибывшие на молебен в Мартвили.

В Ногалеви восставшие заняли помещение канцелярии. Гегечкори и Чабуртели расположились в кабинете старосты, за столом, покрытом красным сукном, приказали вывесить красные флаги на здании почты и на балконе канцелярии. Отсюда исходили распоряжения штаба повстанцев Мартвильского округа. Восстание вскоре охватило все окрестные села.

Гегечкори, сидя в канцелярии, внимательно просматривал газеты, приеланные из Кутаиса. Газета «Могзаури» от 24 апреля 1905 года писала: «Село Горди (Мингрелия). Крестьянское движение охватило и этот край. Несколько тысяч человек, собравшись на площади у церкви, поклялись «бороться до последней капли крови за свободу». Таким же образом приносили клятву жители деревень Нохи, Гведи, Кинчхи и др.

На следующий день к ним присоединились крестьяне из других деревень, выгнали хапуг и взяточников — старосту, писаря, судью и пр. Вместо них были избраны десятские и сотские. Новое правление прежде всего принялось за постройку дороги, которую вот уже четыре года не могли закончить прежние власти. Четыреста добровольцев, принадлежавших к самым различным слоям населения, в короткий срок провели отличную дорогу от моста Бомбуа до Горди. Были приведены в порядок и другие дороги. Пять лет тянувшая реконструкция моста. Несколько раз крестьяне обращались с прошением к приставу, но он их выдворял, осыпая пинками и бранью. Сегодня же, когда и здесь засиял свет свободы, без всякого приставы возведен прекрасный мост. При бывшей власти здесь процветали воровство и грабеж, теперь повсюду наведен порядок».

«Село Цинандали (Телавского уезда). 30-го марта здесь собрались представители от крестьянских общин сс. Квемоходашени, Бумбати и Ваки. В руках у них были листы с требованиями, которые они предъявляли помещикам. В Цинандали была закрыта канцелярия. Прежде чем запечатать двери, повстанцы вытащили из помещения портрет царя и разорвали его на куски, приговаривая: вот наш погубитель, кровопийца, причина всех зол! Затем восставшие собрали всех работников и слуг поместья и предложили им вместе бороться с притеснениями и незаконием. Крестьяне потребовали, чтобы управляющий поставил свою подпись под их воззванием. Тот после долгих колебаний вынужден был согласиться. Воззвание гласило: «Мы присоединяемся к рабочему движению России и требуем:

- уничтожить все временные обязательства крестьян и аренду; земельные наделы передать без выкупа в полную собственность крестьян;
- всем крестьянам вернуть те земли, которые были у них отобраны после упразднения крепостного права (леса, пастбища и прочие угодья);
- монастырским и казенным крестьянам передать в полное владение те земли, которые они в настоящее время обрабатывают;
- земельный оброк не должен превышать одной десятой части урожая; помещик свою долю должен выкупать за свой счет;
- вернуть крестьянам те деньги, которые ими были выплачены при раскрепощении; эти деньги должны вернуть помещики, получившие выкуп; из этих денег основать отдельный фонд для удовлетворения всяких нужд
- увеличить этот фонд за счет возвращения крестьянам торговой пошлины;
- уничтожить барщину, равно как и всякие виды повинности в пользу помещика;
- упразднить всяческие поборы в пользу церкви и священника;
- уничтожить все налоги и пошлины, ввести лишь подоходный налог, т. е. тех, у кого доход менее 500 р., вообще освободить от налога;
- уничтожить сословные разграничения и ввести широкое самоуправление; сам народ должен выбирать своих старост и судий;
- учредить бесплатное обязательное начальное образование для детей обоого пола до 16 лет;
- соблюдать полную свободу совести, слова, печати, собраний, забастовок и союзов;
- объявить неприкосновенность личности и жилища;
- отделить церковь от государства и школу от церкви;
- созвать учредительное собрание путем всеобщих, прямых и равноправных выборов».

Гиви Гегечкори читал вслух своим соратникам эти корреспонденции, напечатанные в «Могзаури». Товарищи по борьбе поддерживали своего предводителя репликами: «Правильно поступили! Мы тоже пойдем тем же путем». Было принято решение предъявить аналогичные требования самым крупным помещикам в округе — Мюратам. На следующий же день Гегечкори и Чабуртели поставили во главе отряда «красносотенцев» Гегелия — жителя Салхино и отправили делегатов в поместье. 30 апреля Гегелия с отрядом подошли ко дворцу в Салхино. К ним присоединились бунтующие крестьяне. Около тысячи мятежников собралось перед дворцом. Армия голодных и бесправных, стихийно поднявшись, становилась под знамя борьбы. «Красносотенцы» были одеты как обычные сельчане — черные сатиновые блузы, холщовые шаровары, на рукаве — красные повязки. Крестьяне были одеты похуже, хотя по обыкновению, собираясь на сходку, каждый старался одеться понаряднее. Морщинистые старики в посконных штанах и каламанах, старухи и черных платках и в домотканых юбках, босые ребятишки в рваных рубашонках. Кто побогаче, щеголял в чохе и ахалухи. Крестьяне пришли с топорами, вилами и палками. Они восстали против тех, кто держал в своих руках все богатство этого благословенного края.

Саломе выглянула в окно — и обмерла. На площадь выволокли мужчину, сидящего задом наперед на осле. Длинные ноги пленника были связаны так же, как и руки, на спине болталась коровья голова — на глаза надвинута косматая папаха, так что лица не видно... Но в толпе сразу узнали его и громко закричали: «Это Георгий, Георгий Батонишвили». Отупевший от крика, брани и борьбы помещик безвольно поник и ехал молча, не отвечая на проклятья, которыми осыпала его толпа.

«Красносотенцы» неторопливо, как ни в чем не бывало привязали к столу лысы осли с седоком, известным своим жестоким обращением с крестьянами...

Революционная буря бушевала во всей России, и восстание, поднятое в Салхино, было лишь маленькой волной в море борьбы, и в нем, как в капле воды, отразились все достоинства и недостатки первой революции.

Иванэ Гегелия поднялся на балкон и передал управляющему написанные рукой Гегечкори требования повстанцев. Моурави, не смея возразить, понес бумагу принцессе. Люсьен прочел матери вслух пункты, которые обязывали Мюратов передать земли и лесные угодья в пользование крестьянской общины... Саломе вспыхнула. В жилах ее закипела гордая кровь предков, и она велела стражникам выгнать просителей.

Охрана принцессы состояла из отчаянных рубак под предводительством лезгина Нухи, которого Напо привез с собой после русско-японской войны. Однако «красносотенцы» в два счета разоружили стражников и, связав, заперли их в хлеву. И поскольку принцесса отказалась выполнить требования общины, Гегелия приказал арестовать ее вместе с семьей и прочими обитателями дворца. Гегелия хорошо помнил несправедливость их снятельств во время тяжбы по поводу квибийского леса. Поэтому крестьяне теперь горели жаждой расстаться с угнетателями.

«Красносотенцы» с винтовками наперевес спустили с лестницы Саломе, Бебе, Люсьена, управляющего и всех остальных, отвели их на мельницу и поставили над запруженной Цачхурой.

— Соглашайтесь на наши требования, — сказал Иванэ Гегелия, — иначе мы будем вынуждены принять более суровые меры.

Саломе отрицательно замахала руками.

— В таком случае разуйте высокочтимых господ и спустите их в реку. Тогда выступил вперед Люсьен и сказал:

— Хорошо, мы согласны.

Он подписал петицию вместо матери.

— Проводите назад господ, — распорядился Гегелия. — Им разрешается жить во дворце, но с одним условием — ни под каким видом не выходить за ограду. А канцелярией вместо моурави будут управлять наши выборные.

Гегелия вошел в комнату, служившую во дворце канцелярией, сорвал со стены портрет царя и выбросил его, потом вышел на балкон и объявил: отныне все работники и поденщики усадьбы Салхино подчиняются только нашим приказаниям!

Сам Гегелия расположился в бывшей канцелярии, а для охраны дворца выбрал десяток дружинников. Помощником своим он назначил некоего Тодуа и приступил к делам. Таким образом, Гегелия и его отряд стали хозяевами в Салхино. Они поддерживали непосредственную связь с Мартвильским комитетом, которым руководили Гиви Гегечкори и Чико Чабуртели.

Дремавшие в народе силы были разбужены революцией. Социал-демократия терпеливо разжигала огонь под котлом, в котором бурлила энергия сплотившихся трудящихся. Из искры возгорелось пламя, охватившее горы и долины Грузии, грозя уничтожением старому миру, врагам народа и революции, царизму и его местным приспешникам. Такого единодушия народ никогда прежде не проявлял, хотя и раньше нередко выражал протест и недовольство. Революция росла и набирала силу, как сорвавшаяся с гор лавина... В Грузии распространению революционных идей способствовал и вековой национальный гнет, поэтому к восстанию присоединились сторонники национального освобождения. Но вскоре начался раскол между предводителями национального движения и социал-демократами. Потом в самой социал-демократической партии начали действовать оппортунисты. Этим воспользовался царизм, и силы реакции вновь подняли голову... Трещина, возникшая в партии, росла и углублялась, из центра шли противоречивые указания, в массах началось брожение. Одни требовали борьбы до победного конца, другие призывали сложить оружие. Так случилось и в Мартвили. Усиливались разногласия между Чабуртели и Гегечкори. И они были глубже, чем могло показаться на первый взгляд. Сказывались различия в образовании, подготовке, во взглядах на революцию, в опыте революционной работы...

Распря началась с пустяка: дружинники Гегелия упустили мюратовских стражников, и те сбежали. Разгневанный Чабуртели потребовал ареста Люсьена, считая его главным виновником неудач. Гегечкори, напротив, утверждал, что не следует трогать Люсьена, ибо ходят слухи, будто он сочувствует революции. «Надо поговорить с ним, убедить его в нашей искренности, и, может, мы привлечем этого офицера на нашу сторону. Разве мало офицеров перешло на сторону революции?» — говорил Гегечкори. Но Чабуртели не успокаивался. «Ты не прав, — твердил он, — наш самый главный враг — именно этот француз!»

Убедившись, что Гегечкори твердо стоит на своем, Чабуртели сговорился с Гегелия, и ночью «красносотенцы» напали на дворец Мюратов, схватили

ли Люсьена и заперли его в тот самый хлев, где ранее сидели сбежавшие стражники. Чабуртели самолично пригрозил Мюрату, что не выпустит его, пока не вернутся беглецы. Остальные члены семьи тоже были взяты под стражу и предупреждены, что, если в течение недели сбежавшие стражники не появятся, их господам самим придется держать ответ. И без того потрясенная, Саломе едва не лишилась чувств от подобной «наглости и произвола». Но жаловаться было некому, Чабуртели олицетворял собою новую власть...

Однако прошло совсем немного времени, и все переменялось. Началось решительное наступление реакции. «Красносотенцы» Гегечкори сначала отступили в Кинчхиси, а когда и там появился карательный отряд, посланный из Сенаки, скрылись в лесах Табаконской горы. Реакция, укрепившись в Мартвили, двинулась к Салхино, где были освобождены Мюраты. Раздосадованный Чабуртели со своим отрядом бежал в Квибийские леса и там продолжал партизанскую войну. Вскоре он получил известие, что Мюраты обвинили сына трубача Михи в ограблении почты, стражники взяли его под арест, нещадно избивают и допытываются, где скрывается Чабуртели с отрядом.

В ту же ночь Чабуртели с тремя партизанами пробрался во дворец Салхино, где был расквартирован большой карательный отряд. В конюшне томился арестованный сын трубача Михи. Чабуртели пробрался в конюшню и снял с двери засов. Однако стражники заметили его и открыли стрельбу. Из своей засады Чабуртели хорошо видел в окне комнаты принцессы Саломе ее сына Напо, французского офицера, участника русско-японской войны. Чабуртели только собрался выстрелить, как перед глазами его возник образ Саломе. Чабуртели опустил дуло в мучительной борьбе с собой. Но в это самое мгновение из комнаты Саломе раздался выстрел, и Чабуртели упал как подкошенный. Он пытался встать, но безуспешно, из раны на груди хлестала кровь. Прикрыв рану рукой, Чабуртели пытался поднять ружье, но силы покидали его, и он успел только произнести: «Пощади я тебя, Мюрат, и вот что получил в награду».

Сын трубача Михи подбежал к своему спасителю, но тот уже не дышал. Стражники непрерывно стреляли вслед убегавшим партизанам. Наконец стрельба утихла. На рассвете стражники тайком зарыли в землю труп Чабуртели. Когда принцессе доложили о случившемся, на какое-то мгновение у нее сжалось сердце, но она и сама не знала отчего: от известия о гибели Чабуртели или от сознания, что в его смерти повинен ее сын.

Победившая реакция наступала все яростней. В Западной Грузии карательная экспедиция генерала Алиханова-Аварского никому не давала пощады.

Когда войско Алиханова-Аварского вторглось в Сенаки, Гегечкори с уцелевшими партизанами скрывался в горах Сванети.

Стражники Мюратов, словно ищейки, охотились за главарями восстания — Гегелия и Тодуа. Не находя главарей, они срывали зло на бедняках: у одних разоряли дом, у других угоняли корову или поросенка, резали кур. Одним словом, нещадно грабили население, за самое безобидное слово сажали в кутузку. Но положение стало еще хуже, когда прибыли карательные отряды. Распоясались черные силы реакции. На Дидичконской дороге был убит «красносотенец» Чачибая, в ту же ночь партизаны, мстя за погибшего, расстреляли дидичконского старосту. Разъяренные каратели схватили в селе Намиколаво несколько человек, связали их друг с другом и расстреляли на берегу Техури. Перепуганная деревня словно вымерла. Люди бежали в леса. Оставшиеся в деревне старики заперлись в своих домишках и наружу носа не высывали. Опустели виноградники и поля Мюратов — некому было работать. Тогда принцесса, ничего не добившись от местных властей, отправилась в Кутаис и просила губернатора позволить ей самой разобраться со своими крестьянами — кто из них прав, а кто виноват. Губернатор щедро рассыпал посулы и обещания. Саломе вернулась в Салхино удовлетворенная. Так или иначе со временем крестьяне постепенно принялись за привычную работу, стали восстанавливать разоренные дворы, дома, поднимать разрушенное хозяйство.

Гегечкори в последний раз собрал своих дружинников, сообщил им распоряжение центра прекратить сопротивление и от себя добавил:

— Реакция празднует свою победу, но помните, что это — явление временное, наш успех неизбежен. Не может быть, чтобы не рухнула в конце концов система, построенная на несправедливости. Пока еще существующий строй имеет поддержку в лице армии, церкви, суда, беззакония творящего. Но армия скоро осознает свои классовые интересы и перейдет на сторону революции. Пока это произойдет, мы не должны сидеть сложа руки, мы должны бороться другими методами. Обо всем этом партия своевременно поставит вас в известность.

Гегечкори обнял и расцеловал каждого из своих партизанских братьев и, сдерживая набегавшие слезы, с чувством проговорил на прощанье:

— Но какой ураган пронесся над нашей родиной! Ураган века, и мы были его гонцами. Придет время, и снова поднимется ураган революции, никакая сила не остановит его. Вот во что мы должны верить и на что надеяться!

Гегечкори вздохнул полной грудью. Он глубоко верил в то, что говорил, поэтому испытывал невольное облегчение.

В эту мрачную пору, последовавшую за революционным подъемом, правое крыло дворянства присоединилось к карателям и требовало суровых репрессий по отношению к восставшим крестьянам. Князья-реакционеры одобряли действия карательной экспедиции генерала Алиханова-Аварского. Но в той же дворянской среде нашлись люди, которые решительно боролись с реакцией и реакционерами, видя в них предателей и врагов Грузии. Левое крыло дворянства возглавлял Илья Чавчавадзе.

В эти смутные дни в Тифлис прибыла Саломе Даднани. Она обычно останавливалась в гостинице «Кавказ», но на сей раз воспользовалась гостеприимством своей двоюродной сестры Тамары Багратиони. В столице царил тревога. Город бурлил. Реакция грозила жестокой расправой всем, кто сочувствовал революции. Арестовывали всех без разбору, гибли лучшие люди Грузии. Илья Чавчавадзе не мог не поднять голоса против воинствующей злобы. Когда орды генерала Аварского саранчой прошли по Грузии, Илья забил тревогу. Он потребовал специального собрания, которое состоялось в доме Тамары Багратиони — члена недавно учрежденного Комитета помощи семьям пострадавших от реакции. Илья знал Тамару по работе в Обществе распространения грамотности. Он доверял ей, и потому решено было столь важное совещание устроить именно в ее доме.

Тамара Багратиони была дочерью брата Екатерины Чавчавадзе — Давида. У Давида было тринадцать детей, и самой младшей из дочерей была Тамара, ровесница Саломе Даднани. Впоследствии она вышла замуж за Ираклия Багратиони-Грузинского. Тамара вскоре овдовела, похоронив мужа в фамильной усыпальнице в Светицховели, и отдалась всецело воспитанию своих двух дочерей.

Саломе не могла сдержать негодования, рассказывая Тамаре о крестьянском бунте:

— Нет, ты только подумай, на что это похоже! Не понимаю, отчего вдруг обезумели всегда такие разумные и спокойные грузинские крестьяне? Мне кажется, во всем виноваты эти смутьяны — Гегелия и Чабуртели...

Здесь принцесса запнулась и невольно покраснела. Тамара воспользовалась паузой и принялась успокаивать гостью.

— То же самое было и у нас в Цинандали, — говорила она, — мы сами во многом повинны, мы слишком жестоко обращались со своими кормильцами.

В это время в гостиную вошел Илья. Дамы учтиво приветствовали гостя. Илья пришел в сопровождении каких-то знакомых людей, зала вскоре наполнилась народом. Здесь были писатели, журналисты, актеры, представители крестьянских общин Гурии и Мингрелии. Саломе с удивлением заметила одного сенакца по фамилии Кавтарадзе. Тот подошел и почтительно приложился к ее ручке, про себя рассудив, что, раз Саломе пожаловала на это собрание, значит, она простила своим крестьянам мятежную дерзость.

Однако Саломе с недовольной миной слушала выступления в защиту крестьянства. Она не понимала, как благородные дворяне могут заступаться за мятежных голодранцев. Она сердилась и на Тамару, и на Илью, и на всех, кто призывал протянуть крестьянам руку помощи, чтобы не дать разгуляться реакции...

Перевод. Анаиды БЕСТАВАШВИЛИ

Окончание следует

Двадцатый век, век прогресса цивилизации, век невиданного развития и расцвета техники, в то же время дает немалые основания тревожиться за первооснову жизни всего человечества — Природу. Все чаще, все настойчивее звучат во всем мире голоса людей в защиту природы. Воздух, вода, земля, животный мир, растительность нашей планеты — и человек — все взаимосвязано, нерасторжимо, неделимо.

Забота о природе в нашей стране с первых же дней су-

ществования Советского государства была в центре внимания нашего правительства. 27 мая 1918 г. В. И. Лениным был принят особый декрет «О лесах».

Сегодня, когда Грузия охвачена новым всеобщим подъемом в связи с постановлением ЦК КПСС «О ходе выполнения партийной организацией Грузии постановления ЦК КПСС об организаторской и политической работе Тбилидского горкома партии», все вопросы и проблемы жизни республики

должны быть не только четко и остро поставлены, но и своевременно и верно решены.

По охране и защите природы в Грузии предпринимается и осуществляется множество мер. Серьезное внимание уделяется сохранению и умножению лесных богатств республики, леса. Мы публикуем выступления двух грузинских ученых — академика АН ГССР Ф. Ф. ДАВИТАЯ, которого редакция попросила высказать свое отношение к данной проблеме, и доктора географических наук Л. В. КОГОШВИЛИ.

Феофан ДАВИТАЯ,
академик Академии наук ГССР

ПОМОЖЕМ «ЗЕЛЕНОМУ ДРУГУ!»

ТРЕЗВЫЙ расчет показывает, что наш «зеленый друг» — леса Грузии нуждаются в особой заботе. Промышленники требуют сырье, лесозаготовители обязаны его поставлять. И те и другие связаны с планом, который нельзя не выполнять. Поэтому при составлении самих планов следует учесть катастрофическое состояние наших лесов. Это означает, что нужно довести лесозаготовки в республике до размеров санитарных рубок и строго следить за самообновлением их превышением. Пока такого контроля у нас нет.

Одновременно надо развернуть широкую работу по восстановлению уничтоженных лесов. Говорят, «срубил одно дерево, посади два». Но это неверно: срубленное дерево росло 150—200 лет, а посаженные два могут не дожить и до 5-летнего возраста. Значит, вместо одного сваленного гиганта надо посадить двадцать и более саженцев и ухаживать за ними по крайней мере 10—15 лет. Тогда можно рассчитывать, что 1—2 из них дойдут до спелого состояния...

Нынешняя зима преподала нам жестокий урок. В горах Аджарии и особенно в Сванетии снежные лавины принесли огромный ущерб. Специальные исследования, выполненные учеными Тбилидского государственного университета и Закавказского научно-исследовательского гидрометеорологического института, показали, что многие из этих лавин созданы искусственно: они прошли по трассам, где были срублены леса и оголились склоны. Ученые это предвидели. Таких примеров печальных последствий, приносимых обезлесением территории, — великое множество. Мы ратуем за сохранение и охрану леса, а лес необходим для людей. Значит, охраняя лес, мы охраняем самих себя.

Лидия КОГОШВИЛИ,
доктор географических наук

В ЗАЩИТУ ГРУЗИНСКОГО ЛЕСА

ЛЕС — единственный открытый для всех источник благосостояния, «куда по доброте или коварству природа не повесила своего пудового замка». Этим словам Леонида Леонова, в которых звучит не только тревога за родные леса, но и вера в разумную заботу о них современников, недавно противопоставлен был иной тезис, пронизанный опасной успокоенностью за состояние грузинского леса: «Открыть его кладовую!..». Такова основная мысль пись-

ма в «Литературную газету» управляющего Грузлесбумснабом А. Марджанишвили (21.V.75), откликнувшегося на выступление в той же газете министра лесной и деревообрабатывающей промышленности СССР Н. В. Тимофеева. Положения, высказанные А. Марджанишвили, противоречат истинному положению лесного дела в Грузии.

По официальным сводкам, наши леса на 55,8 процента — молодые и среднего возраста, на 17 процентов — припевающие, на 24 процента — спелые, в числе которых лишь — 6,7 процента перестойных деревьев, вопреки уверениям А. Марджанишвили. В кладовой наших лесов вместо 430 млн. куб. м обязательного минимума запасов древесины имеется всего 340 млн. куб. м.

Перед нами — леса первой группы, лесные массивы высокогорной зоны Кавказа. Катастрофически изрежен лиственный древостой в верховьях Иори, Арагви, Лиахви, Риони, Ингури, Кодори и других рек. Редкостью стали здесь дуб и сосна. Редкие боры испещрены огромными лысынами, где зачастую вместо лесной молодежи — лишь ее изуродованные останки.

В лесах Сванети лет 20 назад вокруг еловых пней зеленела поросль осины и ольхи. Теперь и она исчезла, потравленная скотом.

Леса Абхазии только за последние годы сократились на 25 процентов.

Подавляет картина беспорядочных, порою бессмысленных порубок склоноохранных лесов курорта Абастумани и горы Канобили. Это — редчайший по ландшафту и обилию сосен, полный очарования оазис, возвышающийся над безлесой каменистой Ахалцихской впадиной... А в нем бесчинствует пила, он захламлен отходами лесорубок и утилем!

Почти всюду на лесосеках в Раче, Верхней и Нижней Сванети, Абхазии, (бассейн Кодори) неразрывный процесс «лесозаготовка — лесовосстановление» оказывается нарушенным. Размеры выращенных в Грузии рощ и обезлесенных пространств ее несопоставимы!

Беззащитны перед пилой и колхозные леса... На мой вопрос об их судьбе, в Комитете лесхоза развели руками. Мол, колхозы по своему усмотрению распоряжаются лесом, борясь за высокую урожайность земли...

Нельзя забывать, что лес — не только гигантский кондиционер озона и прохлады, не только регулятор микроклимата и режима рек в пользу плодородия полей; лес — не только хранильщик оптимального дебита целебных источников и родников питьевой воды. Оголенные склоны разрушаются обвалами и оползнями, разъедаются оврагами. С террас смывается почвенный слой, веками изготовлявшийся в мастерской экосистемы. Скромные ручейки всенами обрастаются в обломочно-грязевые чудовища, опустошая любовно возделанные виноградники и плантации цитрусов. Назревает угроза опасных преобразований обезлесенных склонов высочайшей части Кавказского хребта.

Вырубая леса вдоль трассы дорог, путейцы тратят немало сил и средств, чтобы остановить смещение пластов, не замечая комизма своего положения.

Строители ИнгуриГЭС, обнажив от растительности берег Ингури западнее села Понцо-Эцери, пытались закрепить скат внушительной бетонной стеной. Но под напором слоев, освобожденных от мощных корней буков, защитная шпора оказалась смятой как картонка...

Еще одно зло от истребления леса — истощение родников питьевой воды. Целый ряд их, описанный экспедицией Института геологии в 1950 — 1952 гг., в позднейших исследованиях обнаружить не удалось.

Все сказанное тяжким грузом ответственности ложится на наше поколение — и за то, что мы неосмысленно разрываем природные связи, и за то, что ошибки свои исправляем весьма непоследовательно и не до конца. Если леса уходят, они уходят навсегда — об этом нельзя забывать.

Передовая общественность республики крайне озабочена оскудением лесных сокровищ Грузии. Все чаще в печати намечаются пути преодоления трудностей в этом жизненно важном вопросе. Он был поднят и на недавней дискуссии по проблеме защиты природы (газета «Литератури Сакартвело», № 29, 1975 г.). Да и можно ли хранить спокойствие перед роковой цифрой — 500 тысяч куб. м изреженных, не восстановленных, погубленных лесов?!

С развитием народного хозяйства растет потребление древесины, однако потребность в ней уже не могут удовлетворить ни лесозаготовки (1,3 тыс. куб. м в год по плану), ни ввозимое из РСФСР сырье. В стране множится число мебельных, паркетных и других деревообрабатывающих предприятий, которые борются за перевыполнение плана, требующее сверхплановое сырье. Ну а лес? Способен он дать рекордное количество древесины, оставаясь лесом, а не полчищем пней?..

Не менее важным фактором, определившим горькую участь леса, является также невысокий уровень хозяйствования на промысловых делянках и низкая культура лесозаготовительных работ.

Сторонники интенсивных лесорубок доказывают также необходимость срезать дерево, когда оно достигнет технической спелости, набрав оптимальное количество древесины, ибо позже это качество, мол, теряется. Однако, по данным Советского атласа лесопользования, деревья зоны Кавказа, перешагнув предел технической зрелости, продолжают, хоть и с меньшим приростом, накапливать древесину.

Деятелей лесозаготовок не удовлетворяют нормы лесорубок в Грузии — 0,3 куб. м древесины на 1 гектар, значительно уменьшенные по сравнению с иными лесными странами. Но у нас на лесосеках Колхиды сводится лесов больше, чем в любой другой стране мира, — 4,3 куб. м с гектара!

В 1959 г. правительство приняло специальное постановление, требующее упразднения всех неполномочных в стране лесодобывающих промыслов. В 1965 г. в целях спасения леса был организован Комитет лесхоза. И тем не менее со дня постановления по 1969 год число оборудованных пилостановками предприятий выросло с 1 015 до 1 653!

А ведь не учтены еще частная инициатива и браконьерство! В Абхазии и Раче мы не раз наталкивались в глухих ущельях на лесопильные станки, тайно перерабатывающие лес в доски и кровельную дрань... Восточная часть Мта-Тушети, где в условиях бездорожья сравнительно лучше сохранились молодые боры, обезображена порубками. В Адигенском лесничестве рабочие лесхоза в абастуманских борах в конце 1974 года спиливали молодые сосны... на дрова! Рядом же оставались нетронутыми одряхлевший древостой и павшие сухие стволы... Штабеля сосновых дров вы могли увидеть перед домами и астрономов, и жителей Абастумани и соседних сел (давно спаливших свои леса в огне домашних очагов).

А вот факт иного порядка (рассказанный профессором А. Асланикашвили): в том же 1974 году из котельной санатория Агобили месяцами мирно струился поток мазута, угрожая в любой миг вскинуться пламенем и охватить лес. Сколько людей, которым абастуманские боры дарили здоровье и радость, безмятежно переступали струю горючего! Но как могли не забить тревогу лесники?

...На берегу реки Мульхры электрики тянули через лес провода, «на глазок» пробивая просеку и срубая деревья далеко за ее пределами. Я просила пощадить две обреченные ими богатые пихты, удаленные от просеки. Ответом был гомерический хохот порубщиков. «Почему жалеешь их, деревьев тут не перечесть!» — со снисходительностью зрячего к слепому сказал мне один из парней...

Да, положение грузинского леса внушает серьезную тревогу. Даже сниженный план лесорубок может оказаться бедственным для лесного хозяйства, если на лесосеках не будут реально восстанавливаться государственные и колхозные леса в соответствии с главным требованием лесоводства и лесодобычи.

Назрела необходимость осуществить принцип постоянства пользования лесом хотя бы на таких благоприятных, с точки зрения ландшафта и сети дорог, объектах, как бассейны рек Геги, Взыби и Кодори.

Леса высокогорной зоны с ее активными процессами эрозии необходимо объявить заповедными. Рубки ухода и санитарная, вместе с буреломом, по-видимому, смогут удовлетворить нужды в древесине сельского хозяйства. Проблема же обеспечения горцев топливом (жидким или газовым) требует срочных мер в государственном масштабе.

Это — основные аспекты нашего долга, который мы обязаны выплатить лесу за должную непростительную растрату его даров. Выплатить сегодня, ибо завтра можно опоздать!

Только неустанное сопротивление беспечности и потребительской расточительности к лесному благу способно сохранить его для грядущего, а вместе с лесом сберечь уникальную природу, подарившую Грузии славу всенародной здравницы.

Недавно в республике был создан специальный Комитет защиты природы. Хочется верить, что судьба грузинских лесов будет отныне в добрых и волевых руках. Но им требуется помощь всех нас, помощь и взрослых и детей, помощь и практическая и моральная. К счастью, у нас немало преданных друзей природы. Это и ученые, и педагоги, и агрономы, и молодые и пожилые представители различных профессий и возрастов. Руками советских крестьян выращены рощи на оголенных склонах Тирипонской долины, созданы аллея плодовых деревьев вдоль дороги Сигнахи — Тбилиси и сказочный парк на Меджврисхевском цуствыре...

Пусть же вечно на земле грузинской зеленеют добрые леса!

ПАРТИЯ.

ЖИЗНЬ.

СЛОВО.

КАК ИЗВЕСТНО, одним из самых действенных видов идеологического оружия Коммунистической партии, сила воздействия которого на умы и сердца людей поистине неизмерима, являются литература и искусство. Не случайно в великом наследии основоположников научного коммунизма К. Маркса и Ф. Энгельса вопросам литературы и искусства отводится столь значительное место. Считая литературу мощным рычагом общественного развития, классики марксизма указывали на методы, посредством которых она достигает своей цели. Особое внимание уделялось идейному содержанию произведения, реалистическому методу изображения, позиции писателя, отношению литературы к политике, философии, религии, праву и т. д.

Высказывания В. И. Ленина о литературе говорят о том, что он также отводил ей огромную роль в социальном и культурном развитии человечества, считал художественное слово мощным орудием общественной борьбы. Для того чтобы выполнить свою историческую миссию, говорил он, литература должна воспроизводить жизнь правдиво, на высоком профессиональном уровне, а главное — пропагандировать наиболее передовые, подлинно революционные идеи современности. Писатель обязан быть сознательным бойцом за интересы народа. В. И. Ленин первым выдвинул принцип партийности литературы в статье «Партийная организация и партийная литература»:

Литературно-критические оценки, которые давал В. И. Ленин, всегда неразрывно были связаны с текущими задачами борьбы рабочего класса, созвучны современности. Его высказывания литературного характера — выдающиеся образцы воинствующей большевистской критики и прогрессивной общественной мысли. Этими высказываниями наши писатели руководствуются в своей творческой практике. На них основана вся деятельность Коммунистической партии. Со-

ветского Союза в области руководства работой писательской и других творческих организаций.

Наша партия всегда уделяла самое пристальное внимание творчеству советских художников слова, намечая им перспективы в работе, указывая пути активного отображения социалистической действительности. Эти вопросы рассматривались на всех съездах КПСС, на специальных пленумах Центрального Комитета, собраниях художественной интеллигенции. В постановлении ЦК партии от 21 января 1972 года «О литературно-художественной критике» указывается, что состояние литературной критики пока еще не в полной мере отвечает требованиям, которые определяются возрастающей ролью художественной литературы в коммунистическом строительстве.

Постановление ЦК КПСС «О работе по подбору и воспитанию идеологических кадров в партийной организации Белоруссии» в известном смысле также является документом, определяющим пути по выполнению предначертаний партии организациями и учреждениями идеологического фронта. В нем четко сформулированы задачи в этой области: усилить требовательность к органам культуры и творческим союзам, к их партийным организациям в деле решения идейно-творческих проблем, роста профессионального мастерства; повысить ответственность художественной интеллигенции за идейную направленность творчества, активнее привлекать ее внимание к вопросам коммунистического воспитания трудящихся, экономического и социального развития страны.

В Отчетном докладе XXV съезду Коммунистической партии Советского Союза Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ Леонид Ильич Брежнев отметил, что «для истекших лет характерна дальнейшая активизация деятельности творческой интеллигенции, которая вносит все более весомый вклад в общепартийное, общенародное дело строительства коммунистического общества. Этот положительный, животворный процесс отразился, естественно, в новых произведениях социалистического реализма, которые были созданы у нас в стране за последние годы».

За этот период проведена большая работа по всестороннему изучению основных вопросов, связанных с развитием грузинской советской литературы и искусства, с деятельностью творческих союзов и учреждений культуры. В основу этой работы положены ленинские принципы партийного руководства художественным творчеством, последовательное проведение ленинских принципов партийности, классовости, народности литературы и искусства. По-ленински твердым и уверенным курсом ведет сейчас парторганизация Грузии творческий актив республики. Этот курс приобрел особую четкость и целенаправленность после принятия Центральным Комитетом КПСС исторического для Грузинской ССР постановления «Об организаторской и политической работе Тбилисского горкома Компартии Грузии по выполнению решений XXIV съезда КПСС», которое было обусловлено создавшейся в республике сложной обстановкой и необходимостью ее коренного изменения.

Негативные явления в жизни республики в целом вызвали аналогичные тенденции и в области духовной. Сложилось нездоровое положение в некоторых творческих союзах, в учреждениях культуры и искусства, руководство которыми не было обеспечено необходимым партийным влиянием. Возникли рецидивы попытки рассматривать художественное творчество в отрыве от политики, от сегодняшних, актуальных проблем, дали знать о себе чуждые нашему обществу развитого социализма настроения отдельных деятелей литературы и искусства. В первую очередь это было результатом отсутствия серьезной заботы партийных организаций об идейно-политическом воспитании художественной интеллигенции.

Следует отметить, что, несмотря на все препоны, честная, передовая творческая интеллигенция республики старалась реалистически отобразить борьбу трудящихся с извращениями того, недоброй памяти, времени. Так, писатель Гурам Паджикидзе в романе «Камень чистой воды» попытался было «идти против течения», однако тут же последовал окрик, что он якобы стремился очернить нашу действительность. Писателя «критиковали» не только в периодической печати, но даже на XXIV съезде Компартии Грузии.

Несмотря на трудную атмосферу, грузинская литература все же не проходила мимо вопиющих бесчинств, творившихся определенной категорией людей. Она верно отображала действительность, давала ей принципиальную писательскую характеристику. Можно привести достаточно солидный перечень произведений, в которых был поднят голос протеста против теневых явлений жизни и поставлен ряд злободневных проблем. В их числе «Золотая рыба» А. Сулакаури, «Шапки, сброшенные в небо» Э. Кипиани, «Жила-была женщина» О. Иоселиани, пьеса Т. Чиладзе «Странички из семейного альбома»,

«Преображение» В. Урджумелашвили, «Даль» Р. Чешвили, «Море, покорное воле человека» Р. Джапаридзе, «Кабахи» Л. Мрелашвили и другие.

Среди них по остроте проблематики, художественной выразительности и общественному резонансу резко выделяются «Белые флаги» Нодара Думбадзе и «Камень чистой воды» Гурама Панджикидзе.

Упомянутый роман Н. Думбадзе, как и предыдущие его произведения, вызвал живой интерес общественности, о чем свидетельствуют статьи, появившиеся в периодике, созданные по этому произведению спектакли. Успех книги был обусловлен, несомненно, не только ее высокими идейно-художественными достоинствами, но и своевременной постановкой, глубоким осмыслением острых общественных проблем. Роман появился в тот период, когда в республике развернулась решительная борьба с печальными последствиями недалекого прошлого, с явлениями, чуждыми нашему мировоззрению, нашей морали. В романе Н. Думбадзе, так же как и в названных выше произведениях современных грузинских авторов, бичуются такие антиподы коммунистической морали, как взяточничество, стяжательство, протекционизм, бюрократизм и т. п.

И все-таки надо подчеркнуть, что некоторые из этих произведений отмечены односторонним отношением к действительности. Если сильная их сторона заключается в здоровом критическом пафосе, то образам людей отрицательных, носителям пережитков прошлого не противопоставлены передовые люди сегодняшнего дня, герои нашего времени, выразители главенствующих — позитивных — начал и тенденций развития нашего общества. В результате — наличие своего рода бесконфликтность, отсутствие сложных жизненных противоречий, а следовательно, и остроты фабулы.

По-иную подошел к решению стоявшей перед ним задачи Н. Думбадзе. И хотя представлял преступного мира (если иметь в виду количественную сторону дела), их грязным, подчас страшным деяниям в романе уделяется, на первый взгляд, слишком много места, этому миру убийств, грабежей и наживы противопоставлен мир добра, мир девственно чистой, ослепительной белизны, мир честного труда и солнца. В первую очередь здесь следует назвать образ главного героя романа Зазы Накашидзе.

Своеобразие идейно-художественного замысла романа определяется тем, что в сюжетной структуре повествования на первый план выдвинута пестрая галерея уродливых человеческих образов, наделенных чертами порока. Редко можно встретить в нашей литературе произведение, в котором так многолико и обстоятельно были бы отображены и не менее безжалостно разоблачены мрачные, темные стороны нашей жизни, как это сделано в «Белых флагах».

В камере, на этом «островке грехов», заключенным предстоит не только разбираться в собственной и чужой вине, но и в известной мере искать пути, как избежать справедливого возмездия. Опираясь на эту достаточно сложную по самой сути своей коллизию, Н. Думбадзе сумел столкнуть полярные жизненные позиции по отношению к злу и добру, художественно достоверно, психологически убедительно показать всепобеждающую силу справедливости и гуманизма.

Думбадзевская концепция добра предполагает сложные, глубинные поиски. Обличая зло, он не рубит с плеча. Во всем и везде он ищет объяснения, ищет причины, толкнувшие человека на антиобщественный поступок, на шаг, противоречащий нашему, советскому образу мышления, нашим представлениям о прекрасном и нужном, об уродливом и отжившем. Не следует, однако, думать, что такое широкое отношение к природе человека подразумевает в творчестве Думбадзе хотя бы малейшую возможность компромисса. С чувством гнева и непримиримости рассказывает писатель о преступном прошлом героев романа, и читатель видит: сошедшие в тюремной камере, они превратились в единый отталкивающий символ всего, что досталось нам в наследство от прошлого — как далекого, так и не столь уж отдаленного.

Беспощадная атака на все, препятствующее развитию советского общества, изболтающая направленность пафоса романа «Белые флаги» отнюдь не лишают повествование подлинной художественности и глубины исследовательской мысли. Нигде нет и намека на односторонность, склонность к преувеличению, тенденциозности. Уже говорилось о том, что мир преступников и их темных дел в количественном отношении занимает в книге сравнительно большое место. Однако ему противостоят любовно и убедительно обрисованные ведущие факторы и тенденции нашей действительности, герои, чьи добрые, благородные дела рождают симпатии читателя и, значит, одерживают не подлежащую сомнению победу в борьбе противостоящих друг другу идейных фронтов.

Центральное место в многогранной галерее персонажей, олицетворяющих красоту и духовное богатство нашей действительности, занимает, несомненно, Заза Накашидзе. И ничто иное как именно его рассказ-монолог, в котором злоключениях составляет основу произведения. Всегда и во всем он остается самим собой — живым воплощением благородства и силы, честности и высокой сознательности, твердости духа и мужества.

Подлинная удача автора «Белых флагов», его большое творческое достижение заключается в создании образа министра внутренних дел. Как и во многих других сюжетных узлах произведения, эпизодическая роль этого героя ни в коей мере не мешает ему олицетворять собой светлую идейно-моральную позицию, с высоты которой писатель исследует многообразие действительности, ее сложнейшие конфликты и противоречия. Всего на пяти страницах воссоздается писателем образ министра, но он запечатлевается в памяти глубоко и прочно, ибо это — цельный, правдивый, живой, завершённый человеческий характер.

Художественный образ министра внутренних дел — характерный пример положительного героя нашего времени. Не только в грузинской, но и во всей многонациональной советской литературе не так уж часто можно встретить столь живо написанный, теплый, правдивый, по-настоящему жизненный образ государственного и партийного деятеля; причем в романе «Белые флаги» это сделано с большим художественным тактом и чувством меры. Здесь нет и следа какой бы то ни было плакатности и схематизма, отсутствует малейший намек на преувеличение и хрестоматийную слащавость.

В романе Н. Думбадзе живут и действуют совершенно несхожие люди, наделенные специфическими, неповторимо своеобразными чертами характера, различные, а порой прямо противоположные по своим моральным и социальным позициям. Многогранный комплекс их взаимоотношений, удачно направленный в задуманное сюжетно-композиционное русло, с неоспоримой художественной убедительностью отражает тенденции, характерные для современной социальной действительности республики, различные ее пласты и — главное — те острые противоречия, те отрицательные факторы, которые в течение целого ряда лет препятствовали социально-экономическому развитию Советской Грузии.

Конечно, вполне естественно, что сразу же по выходе в свет (он печатался в журнале «Мнатоби», № 12, 1972 г. и № 1, 1973 г.) роман «Белые флаги» завоевал огромную популярность среди читателей; о нем много говорили, спорили, сравнивали с другими, более ранними произведениями Н. Думбадзе. Но все эти дебаты носили по существу непрофессиональный характер и сводились лишь к обмену мнениями «по поводу».

Между тем с официальной критикой дело обстояло иначе. Конечно, она отозвалась на роман, но не на таком уровне, на котором следовало бы говорить о столь оригинальном, своеобразном произведении не только грузинской, но и, смело можно сказать, всей советской литературы в целом.

В 1973 году орган Союза писателей Грузии альманах «Критика», с целью поднять дискуссию вокруг «Белых флагов», опубликовал два диаметрально противоположных, взаимоисключающих отзыва на роман Н. Думбадзе критиков Коба Имедашвили и Элизбара Джавелидзе. Практически авторы этих критических статей не спорят между собой, а просто излагают собственные положения независимо друг от друга. Элизбар Джавелидзе весьма категорично и недвусмысленно назвал свою статью «Неосуществленный замысел» и уже одним этим прямо заявил о том, что в «Белых флагах» заслуживает внимания и важен лишь замысел произведения, что в его осуществлении писатель не достиг успеха, к которому стремился.

Коба Имедашвили более справедлив в оценке произведения Н. Думбадзе. Он признает его идейные и художественные достоинства, значение в литературной жизни республики. Но в целом критику представляется, что в романе со всей очевидностью проявилось вообще наметившееся в творчестве писателя некоторое художественное однообразие, однородность выразительных средств и что именно в данной связи возникла необходимость пересмотра и обновления оценок творческого видения мира этим прозаиком. В «Белых флагах» К. Имедашвили усматривает признаки кризиса в творческой эволюции беллетриста и пытается отыскать пути их преодоления.

Свою статью критик назвал следующим образом: «Трудная дорога к добру». Он считает роман Н. Думбадзе сложным, остро-проблемным произведением — самым сложным в творчестве автора. Нам представляется совершенно правильным вывод К. Имедашвили о том, что Н. Думбадзе в каждом человеке, будь то даже отпетый негодяй, ищет нечто изначально-светлое,

непорочное. И находит. «Человек — не фреска, которая смотрится лишь в одной плоскости. Человек — это скульптура, которую следует обозреть с той точки, с которой она воспринимается всего лучше, всего красивее», — говорит автор романа устами матери Зазы Накашидзе. В этих словах Нодар Думбадзе, всегда старающийся «обойти» вокруг человека, причем не раз и не два, чтобы отыскать скрытую под тяжестью дурного хотя бы кроху хорошего, которую можно поднять на поверхность как надежду на то, что герой может стать и станет лучше. Однако такое душевно широкое и доброжелательное отношение к природе человека ни в малейшей степени не подрывает его уверенность в справедливости, примиренчества, возможности какого бы то ни было компромисса. Думбадзе — обличитель выступает с высоких гражданских позиций, понимая, что непримиримая борьба со злом, борьба, не знающая ложной, никчемной, вредной жалости и всепрощения, является главнейшим свойством истинного гуманизма. Поэтому нам кажется вполне справедливым следующее заключение критика Бесо Жгенти: «Белые флаги» — выраженная художественным языком бескомпромиссная, беспощадная атака против всего того, что мешает развитию советского общества, тех негативных явлений, скорейшее и окончательное искоренение которых есть долг всех честных людей. Борьба с живучими пережитками прошлого является ведущей тенденцией нашей действительности, и хочется отметить еще раз — она нашла в романе свое художественное воплощение¹. Трудно не согласиться со столь глубокой, правдивой, аргументированной оценкой социальной направленности романа.

Нельзя не согласиться также с утверждением К. Имедашвили о том, что Н. Думбадзе поднял на качественно новую ступень художественный метод характеристики отрицательных героев, усилил обличительный акцент в повествовании. Но что бы он ни описывал — будь то высшее проявление богатств и красот человеческой души или, напротив, демонстрация темных, отталкивающих жизненных явлений, выступает ли писатель обличителем этих явлений или пламенным поборником и защитником здоровых, позитивных начал — везде и всегда он бескомпромиссно стоит на морально-эстетических позициях добра, борьбы за торжество светлых идеалов. Вот этот аспект творческой манеры Н. Думбадзе, к сожалению, не оценен критиком должным образом.

Из весьма небогатого критического материала о романе «Белые флаги», привлекают внимание напечатанные в «Литературном обозрении» (№ 7, 1975) статьи А. Иванченко «Заблудшие сыновья Ноя» и Светланы Алиевой «Доказательство невиновности».

Первый из авторов, отдавая должное таланту Н. Думбадзе, считает, однако, его роман досадным заблуждением и творческой неудачей.

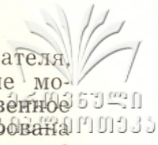
Обстоятельным, деловым и интересным видится нам выступление С. Алиевой «Доказательство невиновности». Она абсолютно точно выразила мысль, что «в романе получили отражение — не в прямом, сюжетном смысле, а как тема отношения к ним различных людей, такие чуждые нашему обществу явления, как хищения государственной собственности, взяточничество, тунеядство. Писатель типизирует существующие пороки, обостряя до известных пределов фигуры их носителей и тех, кто не имеет к ним отношения, но с ними сталкивается». (Выделено нами. — Н. К.).

Критик усматривает в романе процесс раскрытия нравственных понятий на примерах личных судеб заключенных, точно прослеживает гражданскую позицию автора, огромную социальную опасность равнодушия и цинизма, порожденных различного рода искажениями и извращениями времен волюнтаризма, отклонений от ленинских норм партийной, общественной жизни. С. Алиева осторожно касается и самого спорного вопроса «Белых флагов» — вопроса символики, и хотя не раскрывает его до конца, тем не менее все же, в отличие от других критиков, видимо, соглашается с автором романа в том, что белые флаги являются знаменем добра, милосердия и любви.

Редакция «Литературного обозрения», оценив выступления критиков, делает весьма осторожные выводы относительно качеств романа и, явно оставляя разговор незаконченным, как бы предлагает его продолжить.

В журнале «Дружба народов» (№ 9, 1975) помещена статья Л. Аннинского «Миф и мир». Это — попытка критического анализа творчества Н. Думбадзе в целом. Исходя из цели данной статьи, остановимся лишь на той ее части, где речь идет о «Белых флагах». Критик приводит выдержки из романа лишь для того, чтобы аргументировать положения, вытекающие из

¹ Б. Жгенти. «Да будет свет!», «Заря Востока» от 9 августа 1975 г.

анализа других произведений. Очевидно, он не разделяет мнения писателя, высказанного им в «Комсомольской правде» от 3.IV-1975 г.: «Мы не можем легкомысленно относиться к проблемам, затрагивающим «нравственное здоровье» целого общества, особенно в ситуации, которая диагностирована как «ситуация с повышенной температурой», а если говорить прямо, то это ситуация, «когда «борьба с протекционизмом» становится проблемой в масштабе целой республики». Это пишет Н. Думбадзе. А Л. Аннинский комментирует: «Думбадзе об этом и говорит. В статье. В романе же другое. Там Чичико Гоголь и взрывы хохота». Статья не содержит сколько-нибудь обстоятельного суждения о социальной значимости и художественных достоинствах романа. В ней лишь выражено пожелание, чтобы он «наконец стал объектом программных дискуссий». Увы, в грузинской литературной критике этого пока еще не произошло. Но мы надеемся, что роман Н. Думбадзе, содержащий острую социальную проблематику, непременно станет объектом серьезного, квалифицированного и компетентного критического анализа, а может, даже специального исследования, ибо именно «Белые флаги» являются собой тот образец литературного творчества, о котором на XXV съезде Коммунистической партии Советского Союза Генеральный секретарь ЦК КПСС тов. Л. И. Брежнев говорил: «Стоит отметить еще одну тему, которой наши литература и искусство отдали немало усилий. Это — тема морали, нравственных исканий. Были здесь и свои издержки, но все-таки больше достижений. Заслуга наших писателей, художников в том, что они стремятся поддерживать лучшие качества человека — его принципиальность, честность, глубину чувства, исходя при этом из незыблемых принципов нашей коммунистической нравственности».

Своеобразная судьба постигла роман Гурама Панджикидзе «Камень чистой воды». Он был опубликован в журнале «Цискари» (№ 12, 1970, № 1 1971). Роман внес большое оживление в литературную жизнь, взбудоражил общественную мысль. Номера журнала были нарасхват. Создание этой книги в первую очередь рассматривается как акт гражданской смелости, ибо она явилась гневным протестом против всего косного, уродливого, негативного, укоренившегося в жизни нашего общества в годы волонтаризма и субъективизма.

В романе поставлена чрезвычайно важная проблема сохранения, спасения духовных ценностей человека. Он заставил читателей критически оценить создавшуюся в республике ситуацию, и вещи в нем названы своими именами. Произведение привлекло внимание широкого читателя в первую очередь тем, что картина, созданная писателем, с предельной правдивостью отображала действительность. Во-вторых, сюжет романа построен исключительно динамично, исполнен драматизма и гневного публицистического пафоса. Г. Панджикидзе отлично знает среду, которую описывает, он не ошибается в характеристике персонажей. Конечно, роман не лишен определенных недостатков, но они несколько не умаляют достоинств романа по сравнению с его социальной, даже политической значимостью.

Особая заслуга автора заключается в том, что он гротескно заострил внимание на конкретных отрицательных явлениях в жизни республики 60-х годов. Герой романа Отар Нижарадзе случайно оказывается свидетелем того, как молодой человек становится жертвой пьяных автолихачей и честная, скромная семья рабочего лишается отца и кормильца. Цинизм этих преступников, их подлая самоуверенность и беспредельная наглость основываются на глубоком убеждении, что за деньги можно купить все. Гневен и беспощаден Г. Панджикидзе при описании их удушающего мещанского мира; портреты персонажей написаны в натуралистической манере, чтобы еще контрастнее оттенить их духовное уродство. Мы видим холодные, пустые, алчные глаза, в которых нет ни проблеска мысли и чувства, лица, искаженные животными страстями. Это мир дельцов и комбинаторов. Ну а мир науки, творчества? Увы, он не так уж разительно отличается от описанной выше среды.

Обо всем этом Г. Панджикидзе сказал обществу прямо, без обиняков, с подлинным публицистическим пафосом. Это была нелицеприятная, горькая правда, это был красочный социальный портрет¹. Казалось бы, роман, обладающий такими высокими достоинствами, как правдивость, публицистичность, злободневность, заслуживал самого пристального внимания критики. Получилось же так, что ее оценки далеко не всегда соответствовали требованиям объективности.

¹ Об огромном ущербе, нанесенном обществу негативными явлениями, говорил первый секретарь ЦК КП Грузии тов. Э. А. Шеварднадзе на Всесоюзном совещании деятелей литературы и искусства в Тбилиси 23 апреля 1974 года.

Начнем с того, что на протяжении ряда лет Г. Панджикидзе и его «Камень чистой воды» упорно не замечались нашими критиками. Правда, в опубликованной в «Литературной газете» от 14/IV-1971 года солидной по объему статье Г. Гвердцители о тенденциях развития современной грузинской литературы наряду с другими «инакомыслящими» Г. Панджикидзе отводится все же один маленький абзац: «Приходится признать, что в некоторых других произведениях как раз позиция автора и не отличается четкостью. Бывает так, что летописец одолевает историка, а правдивый в деталях рассказ оборачивается бескрылым натурализмом. Узость авторского взгляда на жизнь, особенно тогда речь идет об отрицательных явлениях, приводит к созданию картин одной тональности, а то и вовсе бесцветных, искажающих многокрасочную действительность. Не случайно литературная общественность Грузии предъявила обоснованные претензии к роману «Драгоценный камень» (имеется в виду «Камень чистой воды»). — Н. К.) Г. Панджикидзе, создавшего до этого удачное произведение о людях Руставского металлургического завода, а также к романам «Преображение» И. Урджумелашвили и «Даль» Р. Ченшвили».

Далее об этой книге никто ничего не писал, и вряд ли написал бы, не будь принято историческое постановление ЦК КПСС «Об организаторской и политической работе Тбилисского горкома Компартии Грузии по выполнению решений XXIV съезда КПСС», которое явилось поворотным пунктом в жизни всей республики. В нем, как известно, говорилось, что уровень организаторской и политической работы в Грузии не отвечает задачам и духу решений XXIV съезда КПСС, что имеется много недостатков во всех областях народного хозяйства, науки, культуры, низка дисциплина, неправильно осуществляется кадровая политика, что негативные явления проникли во все сферы жизни. Партийная организация республики под руководством ЦК КПСС решительно взялась за осуществление постановления Центрального Комитета. Были приняты этапные по своему значению решения ЦК КП Грузии о борьбе с протекционизмом, о вредных обычаях и традициях и т. д., в которых вскрывались истинные причины отставания республики в экономическом, социальном и культурном развитии, указывались конкретные пути их преодоления.

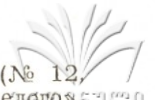
Настал момент обращения к «Камню чистой воды» и его автору с подлинно принципиальных позиций, с позиций истинной гражданственности. Один за другим появляются критические обзоры, посвященные творчеству Г. Панджикидзе. Их авторы выносят на суд читателя различные стороны художественного мастерства писателя, в оценке которых они не притеряиваются единого мнения (как и должно быть); что же касается проблематики романа, то здесь, как правило, двух мнений нет. Критики несколько запоздали, зато теперь уже громогласно заявили: для произведения Г. Панджикидзе характерно прежде всего высокое социальное звучание, ибо оно бичует все отталкивающее, порочное в жизни общества и в человеческих взаимоотношениях.

Критик А. Топурия назвал свою статью так: «Критический пафос и позиция писателя». Как видно уже из самого названия статьи, ее автор считает, что сила эмоционального воздействия романа заключается, в первую очередь, в гневном критическом пафосе, которым проникнуто все произведение.

В рецензии молодого критика Р. Мишвеладзе дается детальный литературный анализ «Камня чистой воды», однако несколько умалено его социальное звучание.

В журнале «Цискари» (№ 6, 1973) был помещен очерк критика Г. Гвердцители о рассказах и романах Г. Панджикидзе. В нем ведется обстоятельный разговор об истории появления этого имени в нашей литературе, анализируются все без исключения напечатанные произведения писателя. Приведем отзыв автора о «Камне чистой воды»: «Новому роману Г. Панджикидзе «Камень чистой воды» выпала иная доля; хотя он взбудоражил читательские массы, но официальное отношение к нему, чтобы не сказать более, было не совсем благонамеренно. Критический пафос романа был встречен отрицательно, автор строго раскритикован.

Возмущение было настолько сильным и оперативным, что грузинская литературная критика не успела, да и не посмела сказать свое слово. Для меня (наверное, и для многих других) в то время, а сейчас — подавно ясно, что по отношению к роману Панджикидзе создалась нездоровая обстановка. В то время в Грузии царил атмосфера благодушия, породившая много уродливых явлений. В подобной ситуации обличительный роман по-другому, конечно, не встретили бы. Та часть общества, которая закрывала глаза (если не сказать большего) на стяжательство, наглость, своеволие, коррупцию, не приняла бы художественного произведения, где все это было бы вынесено на всеобщее обозрение».

На роман отозвалась и союзная пресса. В журнале «Звезда» (№ 12, 1974) помещена обзорного характера статья Г. Ермаковой «Частица целого» в которой прослеживается путь героя современной советской литературы в примерах произведений различных авторов.

Герой романа «Камень чистой воды» Отар Нижарадзе интересуется автором в следующем плане: человек должен уметь сохранить все заложенное в нем доброе и гуманное даже в условиях жестокой борьбы с окружающим злом и косностью. Критик пишет так: «Роман Панджикидзе — это суровая и гневная книга. Писатель даже не смеется, а издевается над теми, кого ненавидит. Гиперболы, сатирический гротеск, сарказм являются оружием писателя, которым он казнит карьеристов, приспособленцев, нечистоплотных дельцов, умеющих «зашибать деньги», потенциальных преступников».

Мы вернулись к социальной картине действительности нашей республики 60-х годов и некоторым аспектам литературного отображения борьбы с негативными явлениями в ее общественной жизни на примере двух наиболее характерных в этом отношении произведений грузинских писателей — романов «Белые флаги» Н. Думбадзе и «Камень чистой воды» Г. Панджикидзе в связи с опубликованием постановления Центрального Комитета КПСС «О ходе выполнения партийной организацией Грузии постановления ЦК КПСС об организаторской и политической работе Тбилисского горкома партии», в котором отмечены позитивные перемены, происходящие в хозяйственной и культурной жизни нашей республики. В этом новом постановлении говорится и о наших писателях, наряду с работниками искусств Грузии вносящих свой вклад в дальнейшее развитие социалистических по содержанию, интернациональных по духу и национальных по форме произведений, в которых с партийных позиций дается глубокий анализ общественных явлений современности, воспевается героика и пафос трудовых свершений, активная гражданская позиция и высокие моральные качества людей труда.

НОВЫЙ роман Григола Абашидзе «Цотнэ или падение и возвышение грузин» относится к циклу его же ранее опубликованных исторических романов и находится в том же тематическом кругу.

Глубокое восприятие историзма никогда не было чуждо писателю, и в новом жанре этот опыт сразу же дал знать о себе. С уверенностью можно сказать, что «Лашарела», «Долгая ночь» и «Цотнэ» — логический итог ранних художественных исканий их автора.

Григол Абашидзе вполне владеет всеми теми приемами, которые на уровне современных требований необходимы писателю на пути художественного освоения исторического материала.

Он знает, что в историческом романе писатель и ученый-историк как бы соревнуются друг с другом. Что вдохновение и писательское мастерство должны быть подкреплены глубоким знанием истории, способностью к всестороннему анализу фактов и событий. Что отсутствие хотя бы одного из этих качеств неминуемо ведет к неудаче. В таком случае (и мы не раз бывали свидетелями этого) художественная действительность подменяется демонстрацией голых фактов или пустой моралистикой, прикрытой высокопарным стилем.

Известно также, что использование художественных приемов в повествовании о событиях прошлого в той или иной мере характеризовало и старые сочинения исторического характера, классические образцы которых представляют исторические хроники античной эпохи (в этом случае не составляет исключения и грузинская историческая проза средневековья).

Однако качественное отличие нового исторического романа, по всеобщему признанию, все же проявляется в другом. Исторический материал фактически уже не имеет самостоятельного значения. Тут и прошлое дышит проблематикой современности. Для иллюстрации этого положения богатейший материал можно извлечь из истории. Вспомним хотя бы такие колоссы, как Шекспир и Толстой. Советский исторический роман тоже с самого начала опирается на богатый опыт наследия прошлого. На таком пути освоения исторической тематики, как известно, больших успехов добилась и грузинская литература.

Григол Абашидзе — один из тех, кто завидно плодотворно работает в этой сложной и крайне важной области нашей литературы. Его роман о Цотнэ Дадияни, отмеченный глубоко национальными характерами и интересным художественным поиском, несомненно, обогащает грузинскую современную историческую прозу.

Исторический роман прежде всего ценится наличием в нем национальных характеров; без этого он даже на шаг не сможет уйти дальше простой хроники. Вовсе не лишена точности, казалось бы, парадоксальная мысль Лабрюера о том, что даже в разные эпохи характеры остаются неизменными.

На этом пути творческих поисков, когда историческое прошлое приобретает в сознании художника новое звучание (и это я хочу отметить особо), Григол Абашидзе темой своих романов выбирает эпоху, в которую судьба народа висела на волоске. Этим и обусловлен тот факт, что целую серию своих исто-

Великий

урок

прошлого

рических романов писатель посвятил одной из наиболее тяжелых исторических эпох в жизни нашего народа.

Как известно, главный признак этой эпохи (вторая половина XIII века) — падение и уничтожение сильного грузинского государства. С первого взгляда действительно удивительный. Вместо того, чтобы столь мощное государство, окрепшее в период царствования Давида Строителя и Тамар, преодолело новый исторический рубеж, оно совершенно неожиданно оказалось перед лицом страшной катастрофы. Выбор автора романа в этом случае тоже вполне понятен. Отрезок времени, когда грузинский народ стоял перед большим духовным испытанием, как нельзя лучше соответствовал решению стоявшей перед писателем художественной задачи. Тут же следует заметить, что, как и следовало ожидать, автор далек от распространенного одно время наивного представления, согласно которому причина поражения грузинского государства объяснялась почти на уровне рока. В данном же романе обращает на себя внимание правильный исторический приговор, вынесенный писателем.

Не только толчок извне, каким явилась страшная волна монгольского нашествия, но и внешне незаметный, глубоко зашедший недуг повергли ниц страну, казалось бы, находившуюся в зените расцвета. Фактически перелом был начат, но не оказалось активно действующих сил, способных довести его до конца. В такое время не то что грозного войска монголов, но и нескольких нападений убежавшего от них Джалалэддина оказалось достаточно, чтобы стало очевидным подлинное состояние обесиленной социальными недугами страны.

Это действительно была эпоха небывалого падения, по известной метафоре автора «долгая ночь», которая оставила неизгладимый след и в последующей истории грузинского народа. С точки зрения историзма примечательно также одно свойство, которое проявилось еще на страницах «Лашарелы». Автор оценивает исторических героев по строгим критериям, в противовес бытовавшему ранее традиционному мнению всячески старается отмежеваться от ложной идеализации исторического процесса.

В связи с этим в одном из своих историко-литературных эссе Григол Абашидзе ссылается на несколько скептическую, но в известном смысле не лишённую истины мысль Вольтера об историческом прошлом Франции. По его признанию, история есть цепь преступлений, помешательства и несчастья, среди которых, подобно разбросанным кое-где в пустыне оазисам, очень редко встретите творящих добро людей или счастливую эпоху. Другие народы — говорит он — тоже не были более разумными, но ни одна нация не опозорила себя убийствами и преступлениями так, как Франция.

История никогда не представляла собой усыпанную розами арену, тем более в эпохи, когда историческая жизнь нации оказывалась в фазе исторического или социального кризиса.

В своих романах Григол Абашидзе рисует страшные картины падения нации и ее духовного колебания. Суровая действительность порою навязывает свою волю не только рядовым людям, но даже и избранным личностям, на которых истории возложена обязанность быть руководителями народа. Тем тяжелее обстановка, обусловленная грубым насилием извне. Будто что-то треснуло, сломилось в прочном национальном здании. Создается впечатление, что блиставший в предшествующие периоды истории свободолобивый грузинский народ встретил новую эпоху — эру монгольского произвола неподготовленным. И это тем горше (таков почти универсальный закон), что угнетающая сила представляла народ более низкой культуры и традиции, чем завоеванные им страны. Иначе чем можно объяснить то беспримерное падение, которое наблюдалось в Грузии в пору господства монголов. Почти ни одного значительного культурного факта того времени нам неизвестно. С болью писавший о царившей тогда обстановке Иванэ Джавахишвили замечал, что для духовного творчества, как видно, в то время ни у кого времени не оставалось. «Из тогдашних письменных памятников ясно видно, — заключает историк, — что культурный уровень нации снизился. Умолкла в это время и прекрасная грузинская художественная литература, и в очаге творчества огонь тоже сильно притух». Это суждение в одинаковой мере касается почти всех областей духовной культуры.

Духовное оскудение — первый признак нравственного упадка. Григол Абашидзе глазами непредвзятого историка восстанавливает характерные для той эпохи признаки, потрясающие факты унижения и морального падения, когда личное полностью поглощало общественные, государственные интересы. Страшный недуг вырождения поначалу коснулся тех, кто стоял во главе нации, затем, как неизлечимая чума, охватил всю страну. Ради должности или клочка земли люди шли на все. В «Долгой ночи» и «Цётнэ» описаны гнетущие картины лицемерия и унижения. Лакеями неграмотных и невежественных монгольских воинов стали те, кто вчера еще считал себя предводителем нации. Важно

было перещегоолять другого в лицемерии, опередить его, одолеть. Страна со
страшной скоростью опускалась в болото произвола.

Бесстрашный человек и в свое время активный государственный деятель, надменный феодал Эгарслан Бакурцихели прибегает ко всяческому ухищрению, лишь бы понравиться новым хозяевам, задобрить их хлебом-солью и тем заслужить их милость, конечно же, в интересах собственного благополучия. Подобранный путь не только соблазнителен, но и опасен. Одного угодника сменяет другой (богатый выбор узурпаторам предлагали в этом смысле плененные собственным благополучием грузинские феодалы), и Эгарслан Бакурцихели, как и многие другие, трагически заканчивает столь нравственно опороченную жизнь.

Однако та же эпоха дает нам и другие исторические примеры. Иначе и быть не могло. В конце концов грузинский народ обнаружил в себе и те нестигаемые силы, которые спасли его от физического и духовного истребления. Большое испытание родило также людей огромной воли и высокой нравственности, самоотверженные действия которых, как свет надежды, вели вперед соотечественников. История бережно сохранила их имена. Среди них особым светом овеян легендарный поступок Цотнэ Дадiani.

Основной пафос нового исторического романа Григола Абашидзе «Цотнэ или падение и возвышение грузин» направлен именно на поиск в той тяжелой эпохе примеров, достойных подражания, отмеченных вечностью черт, которые возвышают и облагораживают людей, независимо от различия исторических эпох. Этим же объясняется особый интерес автора романа к личности Цотнэ Дадiani.

В разработке этой темы у писателя есть предшественники, опыт которых он творчески использует. Достаточно вспомнить «Нателу» Акакия Церетели и исторический рассказ Якова Гогешвили. Подвигом Цотнэ вдохновлялись авторы не одного сочинения нашего времени.

Но все же, если можно так сказать, «первоисточником», по признанию самого автора, надо считать великолепную летопись «Жамтаагмцерели», которая в основном описывает дни господства монголов и отличается глубоким патриотическим духом.

Тут же коснусь еще одного вопроса, относящегося к названному выше первоисточнику. Сегодня трудно утверждать, что, не будь сочинения «Жамтаагмцерели», в памяти грузинского народа подвиг Цотнэ Дадiani не приобрел бы столь широкой известности. Возможно, следует допустить также, что в пору, когда писались строки летописи, подвиг Цотнэ уже стал легендой. На такую мысль наталкивает подчеркнуто лапидарный стиль памятника при передаче этих событий. Летописец только в основных штрихах восстанавливает драгоценнейший исторический факт, поскольку, видимо, знает, что поступок Цотнэ общеизвестен и превратился в сознании грузинского народа в синоним патриотического самопожертвования. Возможно, на это указывает и то обстоятельство, что о первом герое Кохтского заговора создано, не говоря уж о литературе, не одно фольклорное произведение.

Но именно это и представляло для писателя определенную трудность. Как, скажем, художнику или скульптору трудно создать мемориал известной исторической личности, так и автор романа стоял перед сложной задачей, когда задался целью описать жизнь героя, навечно оставшегося в памяти народа. Как, не исказив каким-либо неверным штрихом образ личности, которой поклоняется народ, вдохнуть в него тот животворный дух, без которого тусклым и нежизнеспособным выглядит любой художественный образ?

Эта главная задача, на мой взгляд, в историческом романе Григола Абашидзе решена успешно. Основную художественную нагрузку автор перенес на эволюцию внутреннего мира героя и тем самым отмежевался от ранних образцов разработки той же темы, где Цотнэ с самого начала был отмечен общими признаками народного героя. На передний план в романе выдвинута духовная закалка героя, благодаря чему художественный образ Цотнэ приобрел желаемый динамизм. Из обыкновенного, мечтательного мальчика на глазах читателя вырастает и формируется личность героя, жертвующего жизнью в интересах общественного дела, проявляющего в решительный момент почти сверхчеловеческую твердость. В основе авторской концепции лежит мысль о том, что жизнь — это арена, на которой человек хоть раз окажется перед большим духовным испытанием. Ощущение момента и умение возвыситься над собой — первейшее условие на этом пути. Не будь хоть одного из этих компонентов, все превратится в прах. Разумеется, достижение подобных вершин — удел единиц, и в лице Цотнэ автор сумел художественно обосновать прекрасные свойства грузинского национального характера.

Героика, рыцарский дух, которыми пропитана наша древняя литература и прежде всего страницы «Картлис цховреба» («Жизнь Картли» или «История

Грузин», благодаря проведенной в летописи исторической концепции, безусловно, взяла на себя задачи национального эпоса, сыграв неизмеримо важную роль в формировании исторического самосознания грузинского народа), находясь естественное продолжение и в «Цотнэ», где автор лишь усиливает другие штрихи в обрисовке представленного идеалом героя. Цотнэ больше воплощает личность с духовным, нравственным началом, что особо подчеркнуто в романе (хотя в нескольких эпизодах показаны и другие его рыцарские качества). Именно поэтому на пути духовной эволюции Цотнэ так часто упоминаются вечные образы Амирани и Христа, что обогащает интересными символическими послылками тот интеллектуальный мир, в котором закалялся и умственно формировался герой романа. В нем выявлена также глубокая связь с национальной психологией, в недрах которой истоки бесстрашия Цотнэ (интересен, но, на наш взгляд, несколько схематичен образ духовного наставника Цотнэ, который фактически наделен той же художественной функцией). Аналогичной цели служат в романе жизненные эпизоды (например, упрямый характер отца Гугуты, параллели из мужнической жизни видных личностей и т. д.), что в целом убедительно рисует путь духовного становления героя. Читатель безоговорочно верит в то, что, не будь Кохтского заговора, Цотнэ все равно не закончил бы своей жизни бесславно. Такие личности всегда стоят на страже национального достоинства. Успех автора романа тоже надо искать в укреплении этой веры.

Цотнэ Даднани — центральная фигура романа, но писатель последовательно не пестует о приключениях героя. Такой путь чреват опасностью однообразия, и тут не спасет даже самая богатая фантазия. Поэтому он передает только те эпизоды, которые, благодаря его же изобретательности, значительны и отдельными штрихами совершенствуют портрет героя. Попутно же в роман включены почти самостоятельные новеллы, которые в конечном счете концентрируются на магистральном пути, способствуя созданию картины той социальной и политической обстановки, которая была характерна для Грузии эпохи Цотнэ.

Эти новеллы особо выделяются в многоплановой ткани романа, свидетельствуя о высоком мастерстве автора. Каждую из них освещает какая-то одна определенная мысль-идея. И вместе с тем каждая из них обогащает представленную в романе действительность новыми штрихами.

В основе этих новелл тоже фактически лежат отдельные эпизоды летописи, только трансформированные и по-новому осмысленные писателем-историком.

С этой точки зрения, без сомнения, интересна, к примеру, одна из первых новелл «Я убил Чагату», в которой описан смертельный конфликт между монгольским и грузинским войсками (грузинское войско вдалеке от Грузии по военному оброку вместе с монголами штурмовало грозную Аламутскую крепость). Поводом для конфликта послужило убийство одного из монгольских ноинов Чагаты. Его нашли в своем же шатре с перерезанным горлом. Подозрение пало на грузин, и все это могло вылиться в страшное кровопролитие, если бы сам убийца, фанатик мулид некий Бадрадин, не явился в лагерь монголов. Здесь примечательно еще и то обстоятельство, что они, несмотря на верную службу грузин, все же не доверяли им до конца и при первой же возможности готовы были их истребить. Такова психология захватчиков.

Писатель переработал этот эпизод и дополнил его живым вымыслом, дабы еще раз показать твердость характера, единодушие грузинского народа, которые располагают к себе даже кровного врага. Вместе с тем с позиции непредвзятого историка автор доказывает несостоятельность мнения, будто предводители нации, в данном случае грузинские феодалы, всегда стояли на пути измены. Григоль Сурамели и другие грузинские эриставы даже ценой собственной жизни готовы были спасти соотечественников. В связи с этим в конце новеллы читаем: «Поэтому когда грузинские эриставы во главе с Григолом Сурамели отправились в лагерь монголов, это означало их вступление в бессмертие, ибо пример самопожертвования ради ближнего всегда был высшим выражением благородства и всегда оставался достоинством вечности».

Этот эпизод как бы подготавливает читателя к восприятию самоотверженности Цотнэ и в то же время показывает, что он был не единственным в то беспримерно трудное для грузинского народа время.

На образе героя второй новеллы Эгарслана Бакурцихели мы вскользь уже останавливались выше. Эгарслан — типичный себлюбивый феодал, со временем вставший на скользкую дорожку. С удивительным художественным мастерством описан его конец. Безысходность сломила, обесслила свирепого, словно тигр, бесстрашного человека, и, охваченный дурманом безразличия, он подчиняется приговору судьбы, который был вынесен уже тогда, когда Эгарслан Бакурцихели изменил самому святому долгу служения народу.

Царившую при дворце безнравственность автор описывает в одной из самостоятельных новелл «Торгва Панкели». Государственные интересы здесь вытеснены мелочными интригами, завистью и вероломством. Государственные дела ре-

шаются женщинами, всецело подвластными своим прихотям. Таким положением умело пользуются малодушные временщики. Кратчайший путь к власти, проходящий через женщин, и в такое время (это особо подчеркнуто в романе) Давид Цотнэ губная атмосфера произвола. По мнению автора, это такой недуг, который, наряду с другими причинами, приводит страну к гибели. В этом смысле новелла «Тортва Панкеля», пожалуй, завершает картину социальной и политической обстановки в эпоху монгольского господства в Грузии.

С начала XII века Грузия вышла на широкую международную арену. Об этом говорит не одна иностранная хроника, не одно сочинение путешественников. В этом отношении характерно сведение иерусалимского богослужителя и книжника крестоносцев, деятеля XII века француза Анселуса о том, что грузинский царь Давид (видимо, имеется в виду Давид Строитель), подобно своим предкам, владел воротами Каспия, этим рубежом, воздвигнутым против гога и магога. Так же поступал и его сын, страна которого являлась, так сказать, передней крепостью, преграждавшей путь мидийцам и персам.

Этот большой авторитет грузинского государства до конца не смогли уничтожить даже бесконечные нашествия монголов (вспомним более поздние международные связи Георгия Блистательного). В грузинской исторической романистике в этом направлении кое-что сделано. И тут особо следует отметить «Давида Строителя» Константина Гамсахурдиа.

В романе Григола Абашидзе воссоздана широкая историческая панорама. Многие здесь основано на предположениях, авторской фантазии, но ничего не кажется беспочвенным и не лишено убедительности. Если Марко Поло с таким восхищением пишет о Грузии, ее богатых городах и хозяйстве, нет ничего удивительного в том, что аналогичную информацию о государствах Западной Европы могли иметь и в Грузии. Неудивительно также, что такое сильное государство, каким была Грузия в эпоху Давида и Тamar, искало выход к морю и решало морские дела.

Эта линия, свидетельствующая об оригинальной фантазии автора романа, не лишена в «Цотнэ» художественной достоверности. Особенно эпизоды кораблестроения в Колхиде и сцены в Венеции. Пожалуй, только автору следовало найти более оригинальные краски, чтобы не вызвать некоторых естественных аналогий с уже известным историческим прошлым.

Национальные характеры питает понимание национальной самобытности. В разных формах эта мысль не раз подчеркнута в романе. Несмотря на религиозный покров, в этом отношении характерны и рассуждения воспитателя Цотнэ — Ивлианэ о целях и задачах сильного грузинского государства на Ближнем Востоке.

Защита христианства была представлена в грузинской идеологии классического периода как составная часть справедливой борьбы, и Цотнэ тоже, вдохновленный этой великой миссией, готовил к ее выполнению свои душевные силы, которые потом проявил на совершенно другой арене. Пафос автора романа тоже направлен на нравственное возвышение и подготовлен широким пониманием исторического урока. Также интересен в романе образ зодчего и художника Махаребели. Он воплощает национальный дух творчества, без которого невозможно создание никакой безусловной ценности.

Как уже было сказано, «Цотнэ» — своего рода продолжение «Лашарелы» и особенно «Долгой ночи», по сравнению с которой «Цотнэ» оставляет впечатление композиционно более стройного произведения (что, думается, обусловлено целенаправленной связью эпизодов с главным образом) и, что самое главное, характеризуется, хотя и не всегда, большей остротой. Порою излишне спокойный стиль повествования, противоречащий общей напряженной атмосфере романа, снижает эмоциональную сторону даже в таких эпизодах, когда уже сам факт говорит о многом. Это наблюдается, например, в описании ослепления Шергила, кончины сестры Цотнэ и смерти Аспасии, рождающей явную ассоциацию с мотивом Иуды.

Автор «Цотнэ» проявляет глубокое знание истории Грузии, ее обычаев, этнографии. Все это, разумеется, служит действенным оружием при решении основной художественной задачи. Он рассказывает о событиях далекого прошлого словно очевидец, и читатель с доверием относится к его словам.

Однако иногда соотношение сил нарушено. Приведем, к примеру, сам по себе очень интересный цикл о детстве Цотнэ, которое несколько тускнеет из-за увлечения автора излишним этнографизмом. Создается впечатление, будто автора интересует не формирование конкретной личности (в данном случае Цотнэ), а своеобразная система воспитания и обучения в Грузии.

Мы уже отмечали выше, что одна из заслуг автора «Цотнэ» состоит и в том, что он часто по-новому оценивает различные исторические события и героев, вынося им критический приговор. Но, к сожалению, такой позиции он придерживается не всегда.

В романе в нескольких эпизодах мелькает и образ Тamar. И это понятно. Ведь ее личность, по роману, сыграла большую роль в выработке идеалов Цотнэ, что и отмечено достаточным количеством штрихов. Но, думается, здесь образ Тamar создан настолько традиционными приемами, что фактически с самого начала не выходит (как в литературе, так и в устной памяти народа) за рамки идеальной схемы и потому выпадает из общего, строго мотивированного повествования.

В романе Григола Абашидзе мастерски переплетены вымысел и историческая действительность. Рядом с историческими героями самостоятельной жизнью живут и дышат созданные фантазией автора, выросшие из народной гущи образы Гугуты, Аспасии, няни, Ивлианэ, Махаребели и других. На некоторых из них в развитых в романе коллизиях возложена большая художественная функция, и именно это является оправданием этих образов. Помимо несколько излишне традиционной краской обрисованного образа Гугуты, преданного молочного брата Цотнэ, очень интересно приключение пленницы Аспасии, образ которой выполнен в ряде эпизодов с большим знанием жизни. Несмотря на отдельные человеческие достоинства (особенно это можно сказать об отношении к Цотнэ), у Аспасии не было того, что называется национальным самосознанием, без которого человек никогда не почувствует значения заботы о делах страны. Этим автор и обосновывает трагический удел Аспасии.

Тем же тезисом мотивированы причины предательства Кохтского заговора, который, как уже говорилось, указывает на начало Иуды в Аспасии и перекликается с вечной темой измены и раскаяния.

С большим вдохновением написан финал романа, который звучит как апофеоз и на высоких тонах завершает повествование о легендарном поступке Цотнэ. Возможно, кому-нибудь покажутся излишними активные действия супругов Цотнэ—Краваи, направленные на спасение мужа (тем более что этот прием используется еще в «Нателе» Акакия Церетели), но следует сказать, что в романе Григола Абашидзе этому эпизоду вовсе не придается решающее значение и он ни в чем не умаляет подвига главного героя.

Ведь основное не спасение Цотнэ, не его физическое спасение (о чем заботятся Краваи и другие герои романа), а его самоотверженный поступок, представляющий собой великолепный пример высокой духовности и нравственности. И прав, на наш взгляд, автор романа, когда прерывает повествование именно здесь. Ведь последние события хорошо известны и по летописям.

Я считаю неплодотворным спором разговор о том, каким приемом лучше воспользоваться писателю, приступающему к художественному воплощению прошлого: перенести ли центр тяжести на сохранение колорита, точное описание внешних аксессуаров или передать благоуханье прошедшей эпохи с помощью характерного для нее духа. Главное все же — художественная склонность автора, в итоге обуславливающая результат: умение придать современное звучание тем историческим событиям, которые в конечном счете именно с той же целью оживлены в современном историческом романе. Григол Абашидзе сполна владеет этим искусством. Такт и умеренность — первейшая гарантия этого.

На пути модернизации исторического романа, как известно, характерно одно новшество, которое не чуждо автору «Цотнэ». Следом за современными историческими романами им использован еще один прием — кое-где в повествование включены выполненные в эссеистской манере историко-критические очерки, являющиеся результатом глубоких раздумий над полной трагедией истории грузинского народа. Они обогащают восприятие прошлой жизни новыми аспектами, способствуют серьезному осознанию исторического урока. Особенно примечательно с этой точки зрения послесловие романа. В нем автор суммирует ту историческую концепцию, которая лежит в основе этого произведения о Цотнэ Дадиани, человеке, высокая нравственность которого в сознании народа относится к так называемому «неизменному фонду». Говоря словами автора, «если бы нация не имела такого примера мужества и благородства, она должна была бы выдумать его». Несомненно, именно такие примеры освещали путь нашему народу на трудных подъемах исторического бытия. «Самопожертвование Цотнэ, — читаем на последней странице книги, — неповторимый пример благородного рыцарства и великодушия. Нравственный пример всегда живомерно влиял на потомство, и значение урока Цотнэ для нашего народа должно быть особенно большим сегодня, когда грузинский народ с таким единодушием борется за нравственное очищение, утверждение высокой морали и честности». Главный пафос нового романа Григола Абашидзе — в художественном обосновании этого исторического урока.

„Счастливая смерть“ или крах одинокого человека

О ПЕРВОМ РОМАНЕ
АЛЬБЕРА КАМЮ

СТРАННУЮ судьбу уготовила жизнь первому роману Камю. Он увидел свет лишь десять лет спустя после смерти своего автора. В этом, по мнению французской критики, повинен сам Камю. Роман не удовлетворил его, и он не настаивал на публикации. Но это еще не значит, что писатель не дорожил своим первенцем. Как видно из «Дневников», Камю намеревался заново переделать роман. Делясь своими творческими планами, Камю часто повторял, что он хотел бы возвратиться к истокам, первым своим литературным опытам и создать произведение, которое смогло бы подытожить нелегкий путь исканий и сомкнуть круг. Сегодня «Счастливая смерть» как бы возвращает читателей к тем самым истокам, вернуться к которым не суждено было писателю.

«Счастливая смерть» носит автобиографический характер. Забегая вперед, можно сказать, что и эта черта романа вызывает недовольство критиков, так как, по их мнению, изложение перипетий личной жизни писателя не очень-то вяжется с художественным вымыслом произведения. И здесь уместно вспомнить слова Андре Николя, автора монографии о Камю: «Есть писатели, которых можно познать, исходя непосредственно из их же творчества, и есть писатели, творчество которых познается лишь через их конкретную жизнь». Тут же Николя ссылается на самого Камю, утверждающего, что способ мышления человека выявляет способ его же собственного существования. Действительно, Ка-

мю так и не смог в художественном творчестве до конца отойти от своей жизни — первые нетлеющие в его сознании впечатления бедных кварталов Алжира, воспоминания детства, семьи, окружающих его людей присутствуют и в последующих произведениях зрелого Камю. Именно они порождают лирическую окраску, которая присуща всему его творчеству. Она в свою очередь и создает общую атмосферу «Счастливой смерти».

Первые записи в «Дневниках» писателя, знакомящие с основным сюжетным направлением романа, относятся к 1936 году. Вот одна из них: «Написать роман... Герой — человек, который понял: для того, чтобы жить, надо быть богатым, который весь отдается поискам денег, добивается цели, живет и умирает счастливым». И еще одна: «Потребность счастья и его терпеливые поиски... Быть счастливым рядом с друзьями, в согласии с миром и достичь счастья, следуя по пути, который все-таки ведет к смерти». И эти, и другие записи со всей очевидностью выявляют задачу, которую ставил себе писатель, создавая свой первый роман.

В какую же форму должен человек облечь свое существование, если конечная цель его — стремление к счастью? Вопрос человеческого счастья и искания путей, ведущих к нему, станет впоследствии одной из главных творческих задач Камю. В будущем появится его Сизиф, который, противопоставив свою волю непререкаемому авторитету покаравших его богов, обретет счастье в своем стоицизме, и герой романа «Чужой», добивающийся этой же цели, полностью отождествляясь с собственным существованием, тем самым признавая его непреходя-

щую ценность. Необузданное стремление к завоеванию личного счастья, путь к которому проходит через кровавые преступления, создает всю беспросветную глубину трагизма одной из самых мрачных пьес Камю — «Недоумение». Но Камю придется еще многое переосмыслить, подкрепляя новыми доказательствами одни «очевидности» (страша «чрезмерной громкости слова «истина», Камю предпочитает употребить «очевидность») и отказываясь от других. Это трудный путь, который потребует немалых жертв. Произведения, появившиеся на свет после «Счастливой смерти», являются показателями именно тех усилий, которые затрачивал Камю, направляясь к новым горизонтам. А пока что начало пути, и первая попытка художественной интерпретации пережитого, и как итог этого — первый роман «Счастливая смерть».

Роман Камю делится на две части. Каждая часть носит свое название. Первая часть называется «Естественная смерть», вторая — «Осознанная смерть». Камю решил изменить первоначальному замыслу, следуя которому он намеревался разделить роман на три почти равные части. Отсюда и бросающаяся в глаза при первом же знакомстве с книгой асимметричность внешней формы. Первая часть намного уступает второй. Такое же деление можно проследить и в «Чужом». При более пристальном анализе можно разграничить на две части и «Чуму».

Первая часть рассказывает о повседневном существовании героя книги Мерсо, и она, по мнению автора, должна осветить лицевую сторону человеческой жизни, т. е., прибегая к определению экзистенциалистов, неподлинное существование человека. Это тот самый период жизни, когда человек пока еще не осознал подлинный трагизм собственного «бытия—в мире», когда автоматический ритм каждодневности скрывает от него настоящую ценность и сущность вещей и явлений. Жизнь Мерсо, дитя природы, естественного человека, повторяет путь, пройденный самим автором. Мерсо живет как бы по инерции. Для него важно лишь то, с чем он непосредственно соприкасается, что имеет прямое отношение к нему, индивиду, что служит удовлетворению его желаний и воледелений. Создается впечатление, что Мерсо находится в гармоничной общности с природой. Море, пляж, солнце Алжира — вот единственное богатство Мерсо. Вследствии такого состояния человека Камю окрестит «спячкой разума». Ничто не в силах нарушить монотонного течения жизни Мерсо, даже смерть матери не способна выбить Мерсо из при-

вычной коллеи. Глубокие чувства и потрясения проходят как бы сквозь пустую оболочку, не затрагивая его внутреннего мира. «Он (Мерсо) — был похож на одинокого и своенравного бога, которого бросили в чужой для него мир», — так характеризует Камю своего героя. Но, привыкнув к таким странностям и предельной индифферентности Мерсо, удивляешься, когда он на другой день после похорон матери в кино устраивает подобие сцены ревности своей подруге. Здесь еще раз выявляется подлинный характер героя. Марта, подруга Мерсо, составная часть его собственного мира, который он сам для себя создал. Мерсо-собственник не может стерпеть посягательств на свое добро. Марта нужна Мерсо лишь как одно из подспорий собственной атараксии. Чужому вход в личные владения Мерсо заказан, так как он может нарушить его счастье. В мир Мерсо Марта входит не как личность, обладающая своей собственной индивидуальностью, а как подобие вещи, коей можно на время попользоваться. Такой же подход характеризует отношение Мерсо к остальным окружающим его людям. Жан-Поль Сартр в своей статье, посвященной роману «Чужой», отмечал последовательность отчуждения героя Камю. Первая ступень этого процесса, в конечном счете охватывающего все сферы деятельности и все жизненные отношения героя, совпадает с отчуждением по отношению к собственному же существованию. Однако, задолго до романа «Чужой», этот феномен встречается в «Счастливой смерти». Когда знакомимся с однообразным течением повседневной жизни Мерсо, создается впечатление, что он только присутствует при этом и ничто не в силах вызвать его активную реакцию.

Мерсо — мелкий портовый служащий, страховой агент. Камю в молодости самому довелось заниматься этим делом, и ему была знакома вся его бесцветность. Сам Мерсо сравнивает свою контору с колумбарием, но вместо урн с прахом усопших здесь хранятся бесцельно утраченные минуты и мертвые часы, «которым угрожает окончательный тлен». А где-то рядом то нарастает, то удаляется шум морских волн. Но есть и мгновения просветлений. Мерсо сам себе устроил отдушину — в определенные часы дня он принимает посетителей. Он сам напросился на это, надеясь скрасить унылость своего каждодневного занятия. Однако это не значит, что Мерсо ищет общения с людьми. Такая маленькая хитрость помогает Мерсо хоть на короткое время забыть о существовании своих сослуживцев. «Завтрак, трамвай, шесть часов, проведенных в конторе, трамвай,

ужин, сон» — такую схему распорядка дня находим мы в «Мифе о Сизифе». Здесь наглядно выявляется автоматизм человеческого существования. По этому же образу строится и жизнь Мерсо.

Мерсо первой части книги еще не «человек абсурда». Ведь для Камю им является лишь тот, кто смог узреть абсурдность взаимоотношения человека с окружающим его миром и старается перестроить свою жизнь, следуя требованиям этой первоначальной очевидности. Но истина раскрывается пробужденному разуму, перед которым вдруг рушатся декорации и который, отторгнув взгляд от лицевой стороны человеческого бытия, схватывает глубину изнанки, т. е. истинную ценность вещей и явлений. Но чтоб дойти до этого состояния, Мерсо нужен учитель, тот, кто смог бы объяснить ему его же собственную жизнь и наставить бы на путь истинный. Эту педагогическую миссию в романе выполняет Загрос — одна из вариаций на извечную тему возмутителей душ и разума. Годы работы над романом совпадают со все более нарастающим вниманием Камю к творчеству Андре Жида. Отголоски «Земной пищи» слышатся в романе Камю. Поль Виаланнэкс в вступительной статье к сборнику произведений молодого Камю пишет: «Да, молодой Камю, на подступах своего двадцатилетия, переживает глубокий кризис упадка духа, который он с трудом скрывает под напускной развязностью. Испытание болезнью, сознание неотвратимости беды и неверие в окончательное исцеление подталкивают его к жизни. Он набрасывается на «земную пищу», но ...воспеть хвалу победе он не может. Горечь, которая сопровождает наслаждение, слишком очевидна, чтобы он смог удовлетвориться гедонизмом Жида. Как истый алжирец, он всегда помнит, что плоть, которую он возвел в культ, в конце концов тленна, и он не разграничивает образы смерти и образы жизни. Его «страсть» (*terveur* Жида) с самого начала трагична...». И далее: «Какой же стыд должен был испытать Камю, когда при поступлении в лицей Бюжо он был вынужден напротив графы «занятие родителей» приписать «прислуга». Над Мерсо также довлеет сознание собственной бедности, которая еще больше усугубляется после смерти матери. Понемногу все эти тяжкие испытания подготавливают почву для окончательного прозрения Мерсо. И знакомство с Загросом, с которым его свела Марта, доканчивает «воспитание чувств и разума» героя. Загрос — человек тяжелой судьбы. Привыкший к коляске, обреченный на бездействие, он сумел извлечь уроки из перипетий жизни и на собственном опыте построить подобие фило-

софской системы, такую метафизику счастья, к которой и приобретает Мерсо. В этом человеке, по его же признанию, еще живет всепоглощающая страсть — любовь к жизни, ко всем ее благам. Он прекрасно понимает, что для него, для калеки, путь к «земным пищам» навсегда заказан, что ему трудно оправдать собственное существование, трудно ответить на вопрос, ради чего же продолжать жить. Но он нашел оправдание — раз он живет, раз он в самый последний миг отбрасывает приставленный к виску револьвер, то, выходит, и для некоего-то имеет смысл. А это кое-что — тот самый огонь, который горит в нем и который заставляет его искать наслаждение в доступных ему радостях жизни; в лицецерении утренней зари или звездного неба. При разговоре с Загросом Мерсо признается, что он скучает, что ему хочется совершить что-то из рядов выходящее, как он сам говорит, «безнадежный жест»; жениться или же убить себя. И в его словах слышится жалоба и вместе с тем стремление, которое только лишь начинает обретать зримые черты и которое до этого тайлось в его подсознании — выйти из заколдованного круга собственной каждодневности и тем самым нарушить ритмичное течение существования. «Я похож на небо, — говорит он Загросу. — Оно в одно и то же время и дождь, и солнце, полдень и полночь. Загрос! Я вечно думаю о губах, которые я целовал, о том мальчике, которым я когда-то был, о том безумстве жизни и честолюбия, которые иногда овладевают мною. Все это — в одно и то же время. Я уверен, что есть минуты, когда вам меня не узнать. Я дохожу до крайности и в несчастье, и в счастье». Мерсо шаг за шагом озадачивает читателя. Его признание не вяжется с тем образом, который читатель может себе создать с начальных страниц книги. Оказывается, Мерсо может быть и трезвым мыслителем, и человеком, отдающим себе отчет в своих переживаниях и чувствах. Этот резкий переход от одного состояния к другому совершен писателем без всякой видимой подготовки, и поэтому теряется логическая последовательность. Колебания, неуравновешенность, умственное и душевное смятение Мерсо еще раз доказывают Загросу, что он не ошибся в выборе. Мерсо создан для того, чтобы жить, и он будет жить за двоих. То, что Загрос не довел до конца, доведет Мерсо. Он обладает тем, чего нет у Загроса, а взамен последний может предложить ему то, что сам Мерсо не смог приобрести. И Загрос покупает тело и душу Мерсо. Богатство, деньги — вот чего не хватает Мерсо. А Загрос богат, очень богат. У него два миллиона франков, а на эти

деньги можно построить счастье. Загрос верит в это и хочет, чтоб и Мерсо разделил его веру. Мерсо оказался чутким учеником и все понял. Загрос вызвал его, и вызов был принят. Мерсо убивает Загроса и забирает его кубышку. Этот акт не следствие некоего затмения или аффекта, это предумышленное, математически высчитанное убийство. Неделю спустя после убийства Загроса Мерсо отправляется в путешествие на поиски счастья.

Вторая часть романа — «Сознательная смерть» — посвящена поискам утраченного времени, времени бедности, работы, «прозраческой жизни», чтобы заново обрести его и наполнить новым содержанием. Одиссея Мерсо повторяет путь, пройденный самим Камю. Страны Центральной Европы, где Камю, по своему признанию, впервые отчетливо испытал «тошноту бытия» и познал «смерть в душе», призрак неотвратимости конца, который сопутствует человеку и отравляет его существование. Глубокая душевная депрессия и чувство обездоленности Мерсо были знакомы и Камю. Вдали от знойных пляжей он тосковал по родной земле, и исцеление, так же как забвение мрачных переживаний, сулило только лишь возвращение к солнцу и морю. В Праге Мерсо впервые со всей силой ощутил ностальгию, тоску по солнечным городам, «по женщинам и ласковым зеленым вечерам, которые затягивают раны». Здесь, в Праге, он встречается с абсурдностью смерти, которая как бы вскрывает нарыв, очищает Мерсо, возвращая его, больного, который только что прошел кризисную стадию, к родным берегам.

В поезде Мерсо еще раз пытается переосмыслить свою жизнь и прийти к окончательному выводу. Он понимает, что многое в его жизни изменилось. Главное его теперешнее достояние — свобода — дает ему возможность счастья и полного наслаждения жизнью. Но он хотел своими руками создать свою же собственную жизнь, придать ей ту форму, которую бы захотел, и ради этого был готов пройти через любые испытания, вплоть до одиночества, тяжесть которого он уже познал. Он всецело располагал собой, своим существованием и решил не изменить намеченной цели. А в ее достижении верным и непоколебимым помощником должна была стать та неиссякаемая жажда жизни, которую ему завещал Загрос. «В поезде, который его увозил в Геную, через Северную Италию, он прислушивался к тем внутренним тысячам голосов, которые пели хвалу счастью и влекли его к нему. Вскору, по мере того как солнце поднималось все выше, а море становилось все ближе под трепещущим небом, откуда на оливковые рощи ниспадали потоки воздуха и света, тайное возбужде-

ние, которое сотрясало мир, воссоединилось с восторгом его сердца. Он испытывал жажду, потребность любви и наслаждения», — в таких лирических тонах рисует Камю возвращение Мерсо, блудного сына природы. Постепенно Мерсо исцеляется от тоски и скуки, и появляется надежда на обретение счастья, которое для многих навсегда осталось несбыточной мечтой. В тех частях романа, где речь идет о бракосочетании Мерсо с природой, о единении человека с ее внутренними силами, с особой наглядностью раскрывается талант Камю-лирика, и уже с этих страниц предугадывается будущий автор лирических эссе, которые вскоре последуют за романом. «Всю свою жизнь, — пишет Камю, — Мерсо преследовал счастье, которое сам же в глубине души признавал невозможным. И вот один трезво рассчитанный жест все изменил, и счастье стало доступным. Мерсо породил из себя новое существо. Роды были трудными, но можно ли было все это сравнить с комедией, которую он играл раньше!».

Последующие этапы *vita nova* Мерсо проходят вначале в «домике перед морем» в обществе трех давних подруг, с которыми он переписывался еще до того, как познал истину, а после этого наступает пора окончательного разрыва с обществом людей, пора одиночества, наполненного сознанием навсегда обретенного счастья. Мерсо не мог ужиться с людьми, с другими. Они и теперь мешали ему, разрушали полноту счастья, втискивались между ним и природой, прерывая глубокую интимность единения. Природа без людей — вот отныне девиз Мерсо. И если раньше он выкраивал час, другой, чтобы остаться наедине с природой, то сейчас он сознательно не намерен ни на миг ослабить узы, которые его навечно соединили с ней. Катерине, своей подруге, он объясняет, что главное для него — это вечное стремление к счастью, воля к счастью, заставляющая человека пересилить сознание никчемности и бесцельности существования. Именно этот порыв придает смысл человеческому бытию и наполняет сердце радостью победы. Но чтобы вкусить плоды счастья, человеку требуется одиночество, так как он должен побороть в себе то, что мешает осуществлению его стремлений. Именно в этом противостоянии — вечной борьбе солнца и слез — видит Мерсо оправдание своего существования. И он всецело принимает свою судьбу. «И если бы мне была дана возможность начать жизнь заново, я бы ее прожил наподобие этой», — заключает он. Но иногда сомнение, хоть на миг, но посещает Мерсо. Доктор Бернар (может, прообраз доктора Рие из «Чумы»), посетив как-то Мерсо, который с некоторых пор подвергнут приступам туберкулеза, выска-

зал мысль, что для него жизнь — это в первую очередь деяние, это больше чем любовь к природе, что ему претит в человеке влечение к наживе. Этим самым доктор как бы высвечивает подспудные сомнения самого Мерсо. Он должен признать, что Бернар ему близок, и что он, Мерсо, может понять его сомнения. «Но действовал ли он ради наживы? — спрашивает Камю и тут же разъясняет позицию своего героя. — Он (Мерсо) осознал ту изначальную и аморальную истину, что деньги — это один из самых надежных и быстрых способов обретения человеком собственного достоинства. Мерсо удалось опровергнуть ту постыдную и унижительную мысль, что рожденный в нищете должен умереть нищим. Его жизнь — борьба, и из этой борьбы должен был родиться ангел». Так вот, цель оправдывает средство. И Мерсо отбрасывает сомнения. Вся жизнь Мерсо — это поиски счастья во что бы это ни обошлось, хоть ценой преступления, потому что счастье окупает себя. А величавая гармония мироздания, в слиянии с которой видится Мерсо высшая доступная ступень счастья, приобщает, в конце концов, и человеческое сердце, и разум к покою. И смерть Мерсо, точнее, постепенное угасание, окончательное, безвозвратное слияние с элементами природы и растворение в них, по замыслу Камю, должна была еще раз показать читателю истинное призвание человека — всеми доступными средствами стремиться обрести счастье и тем самым оправдать свою жизнь, принимая судьбу, безропотно покоряясь ей вплоть до самой смерти, так как, учит Мерсо, смерть человека, т. е. та самая ее разновидность, которую Камю называет «сознательной смертью» (*la Mort consciente*), должна стать завершающим мажорным аккордом прожитой жизни. Мерсо сам дошел до своих истин, он сумел объяснить свою жизнь, сумел побороть демона бунта (он как-то признался Загросу: «Я нахожусь в состоянии бунта, а это плохо») и теперь, перед смертью, ему не о чем жалеть. Он хотел познать

счастье камней, и ему дается эта последняя возможность.

«Счастливая смерть» — это та же «гармоничная смерть», которую проповедует герой Жюда. Насытившись земной пищей, обретаешь покой, сам становишься принадлежностью земли. И вот Мерсо безропотно ожидает конца. «В нем медленно поднимается изнутри живота к горлу камень. Дыхание участилось. А камень все поднимался. Он улыбнулся Люсьен. Улыбнулся без натяжки, и улыбка эта тоже исходила изнутри. Он откинулся на кровати и резко почувствовал медленное восхождение камня. Он взглядом охватил улыбку Люсьен и позади нее — улыбку земли. «Еще минута, еще один миг», — подумал он. Восхождение прекратилось. И камень среди камней — он с радостью в сердце обернулся к истине безмолвных миров». Так кончается книга и так начинается новое, последнее путешествие Мерсо, одинокого человека, влюбленного в счастье.

Мы проследили путь первого героя Альбера Камю. Патрис Мерсо — это та нулевая точка, откуда начинается эволюция Камю-писателя. И то большое расстояние, которое отделяет последних героев писателя от Мерсо, наглядно доказывает сложность пути, пройденного писателем. Менялся стиль писателя, отодвигались в прошлое впечатления детства и молодости, подверглись переоценке многие ценности, но осталось то, что и поныне привлекает в первом романе Камю, — пристальное внимание к человеку, к его судьбе, высокая лирическая напряженность и стремление найти решение трудных проблем, которые ставит сам факт присутствия человека в этом мире и их взаимоотношения. Патрису Мерсо суждено было умереть, так как одинокому человеку вряд ли удастся найти для всех приемлемую истину, а его создатель вместе со своими другими героями еще долго будет искать истинно человеческое счастье.

К 100-летию со дня издания „Деда эна“
Якова Гогебашвили

Профессор Ушанги ОБОЛАДЗЕ,
первый заместитель
министра просвещения
Грузинской ССР

О С Н О В А
НАРОДНОЙ
Ш К О Л Ы

ДАЖЕ не написав ничего, кроме «Деда эна»¹, Яков Гогебашвили остался бы навечно в благодарной памяти родного народа, ибо книга эта является венцом грузинской народной школы. Она по праву поставила эту школу в один ряд со школами передовых европейских стран, с прославленной народной школой Ушинского в России. Но значение созданного им учебника отнюдь не затеняет многосторонней и разнообразной деятельности ее автора на общественно-политическом и литературном поприще.

«Деда эна» Я. Гогебашвили — это основа всех учебников дореволюционной грузинской школы и среди них предназначенного для грузинских школ его же «Русского слова», прочно сочетающегося с основами грузинской лексики, синтаксиса, бытом нашего народа, его нравственной чистотой. «Деда эна» питает живительными соками и «Бу-

небис кари» («Окно в природу») того же автора, хотя этот учебник и был напечатан за восемь лет до того, как «Деда эна», окончательно сформировавшись, превратилась в книгу. Она определила общий дух и характер букваря и других книг для чтения, созданных в дореволюционный период, — «Цкаро» («Родник») А. Кутателадзе, «Гутани» («Плуг») И. Оцхели, Мтавишвили и т. д., которые пользовались большой популярностью в дореволюционной Грузии. И наконец, в первую очередь именно благодаря «Деда эна», именно с ее помощью стало возможным оставить на национальную почву среднюю школу в Грузии после установления Советской власти в беспримерно короткий срок — всего за три-четыре года.

Такое огромное значение и роль «Деда эна» в становлении народного образования в Грузии обусловлены не только тем, что ее автор был высокообразованным, щедро наделенным педагогическими способностями, мужественным и энергичным человеком. Ведь для создания такой книги, отра-

¹ Деда эна — буквально материнский язык, родной язык, что соответствует русскому «Букварю».

жающей мощь и достоинства национального характера грузинского народа, ее создателю необходимо было обладать еще подлинным вдохновением, беспредельным патриотическим оптимизмом, непоколебимой верой в свою страну и в лучшее будущее ее молодого поколения. Яков Гогобашвили был щедро наделен всеми этими качествами; но и их не хватило бы для такого свершения. Столь народную, всеми бережно лелеемую книгу смог бы написать лишь человек, вышедший из народных масс, глубоко знающий их жизнь и быт, сам разделяющий все их беды и невзгоды. Ее способен был бы создать человек, близко к сердцу принявший мольбу маленького крестьянского мальчика, рожденного в горе и нищете, любящего свою родину, с малолетства познавшего тяжкий труд пастуха, но никогда не ропщущего на невзгоды жизни, а сожалеющего лишь о том, что он не умеет читать и писать. Этот мальчик обращается со страстной мольбой к ученым мужам, чтобы они научили его грамоте.

Таково содержание стихотворения Нико Ломоури, значительно позже других включенного в «Деда эна», — его мотивы всегда были понятны и близки Я. Гогобашвили, назвавшему самого себя «сыном народа, рожденным в сердце Картли и возвращенным народом». И у нас нет основания сомневаться в решимости Я. Гогобашвили, став на путь познания, внять мольбе маленьких крестьянских мальчиков. Именно вдохновленный этими идеями и стремлениями, после окончания Киевской духовной семинарии возвращался он к себе на родину. И действительно: на протяжении всей его долгой жизни, во всех его делах и свершениях доминировала бескорыстная забота о просвещении трудового народа.

Да иначе и быть не могло, ибо возвращение Гогобашвили из Киева совпало с периодом, когда шестидесятники представляли собой могучую идейную силу. Для изменения существующей действительности они выходили на общественную арену с большой и действенной программой. Одним из главных ее параграфов был вывод сельской молодежи на широкую дорогу обучения и просвещения. Именно эту мысль выражают строки опубликованного в 1864 году стихотворения Акакия Церетели «Имеретинская колыбельная», посвященного крестьянским детям, родившимся после отмены крепостного права:

**Будешь в школе, сядешь возле
барского сына,
Я прошу тебя учиться лучше
барчука,**

**Одолей, сынок, науку, хоть и не
легка,
Пусть не скажут: ученые не для
бедняки
Ждет защиты угнетенных от
тебя страна,
Иав-нана, вардо-нана, иав-нанина!**

Почти пятьдесят лет Гогобашвили совершенствовал и обновлял свое детище. Он внимательно следил за развитием наук, искал наиболее удачные и искусные пути и средства их использования в народной школе. Терпеливо собирал жемчужины, рассыпанные в недрах житейской народной мудрости. Старательно и тщательно изучал флору и фауну, историю Грузии, постигал беды и печали, радости и надежды различных ее уголков. Постоянно штудировал новые достижения педагогики и детской психологии, связывая их с грузинской школьной жизнью. Все это представлено на страницах «Деда эна» в виде последовательных, увлекательных уроков. Так постепенно обогатилось и крепло, наполнялось новой жизнью и содержанием это неуываемое древо, мастерски сочетающее принцип познавательности и восприятия.

Многое уже написано и будет еще написано о «Деда эна», чтоб воссоздать полную картину бурной творческой деятельности, которую неустанно вел автор от издания к изданию для обновления и усовершенствования своей книги, чтобы постичь, каким образом удавалось ему отводить в ней соответствующие места для всех главнейших отраслей знаний, своевременно обновлять учебный материал, сохранять строгую пропорцию, так продумать, рассчитать и подать все, чтоб материал легко усваивался учащимися народных школ, чтоб с его помощью интеллект и душа ребенка получали бы полноценную пищу. Установить и проанализировать это не под силу одному, даже очень эрудированному исследователю, да и для целой группы научных работников решение такой задачи — дело нелегкое, так как «Деда эна» не только хороший учебник, в определенном смысле это и поэтический памятник, плод огромного творческого горения ее автора.

И все же попытаюсь дать посильный общий анализ его.

Как известно, в Грузии, этой древней стране письменности, с самого начала возникла потребность в азбучных книгах. В те давние времена эти книги переписывались вручную и распространялись в первую очередь в монастырских школах и очагах христианской письменности. В первое время изучение азбуки происходило с помощью соответствующих упражнений.

являющихся приложениями к «Часослову», «Псалму» и другим, в основном христианским каноническим памятникам. Существовали и самостоятельные азбучные книги, бесспорно, дополненные и обогащенные материалом для чтения из «Четырехглава», «Апостола» и других церковных книг. Из материалов эпохи Возрождения в качестве азбуки использовались светские книги и особенно «Восхваление азбуки». Этот жанр был широко распространен в Грузии. К нему часто прибегали Теймураз I и Теймураз II.

Типографский станок Гутенберга, это великое изобретение цивилизации, дошел до нас поздно. Объясняется это тем, что по причине частых наших внешних врагов Грузия в XVI—XVII веках подвергалась непрерывному разорению, и в Тбилиси, древнем очаге грузинской культуры, невозможно было наладить типографское дело. Поэтому грузинские азбучные печатные книги выходили за границу. Впервые грузинская азбука была напечатана — в Риме в 1629 году, а в Тбилиси — в 1710. До 1750 года, в разное время, в Тбилиси она издавалась шесть раз. Выходила и в последующие годы. До воссоединения Грузии с Россией в последний раз она была напечатана в 1800 году. Во второй половине XVIII века грузинская азбука несколько раз издавалась в России. В 1723 году в Петербурге вышел в свет учебник русско-грузинской азбуки. В нем грузинский алфавит представлен и латинской транскрипцией. Ему сопутствуют выполненные на немецком языке толкования по вопросам грузинской фонетики и немецкий перевод названий части материала. В 1760 и 1773 гг. грузинская азбука была издана в Москве, а затем в 1793 году — в Кременчуге. По существующим данным, в 1703 году она была напечатана в столице Швеции Стокгольме.

После воссоединения Грузии с Россией грузинские азбучные книги издавались периодически. Но до шестидесятих годов прошлого столетия, т. е. до отмены крепостного права, после которой последовал значительный рост сети народных школ, обучение грамоте происходило преимущественно по традиционным правилам с помощью рукописных азбук или заменяющих их рукописных книг.

До 30—60-х гг. прошлого века в Грузии издали несколько азбучных печатных книг. Среди них примечательна азбука П. Иоселиани (1836 или 1838 г.), И. Кереселидзе (1856 г.), П. Умикашвили (1864 г.). Эти авторы были высокообразованными людьми, и их азбучные книги так или иначе отвечали требованиям своего времени. Я.

Гогебашвили грузинскую азбучную книгу «Грузинская азбука и первая книга для чтения для учеников» издал в 1865 году. Хотя она и не могла стоять на одном уровне с азбучными книгами европейских цивилизованных стран, но по сравнению с книгами вышеупомянутых авторов была значительно лучше, и это обусловило ее прочное место в грузинской школе в течение целого десятилетия.

Окрыленный этим успехом, Я. Гогебашвили взялся за дальнейшее усовершенствование своей азбучной книги и в результате десятилетнего плодотворного труда создал и в 1876 году напечатал свою «Деда эна, или первую книгу для чтения для народных школ», названную грузинским народом бессмертной. Впоследствии она была напечатана еще 46 раз. Причем, 33 издания вышло при жизни ее автора.

Азбучная часть первого издания была разработана в соответствии с последними новшествами международной методической мысли по делу изучения азбуки. Эти новшества Гогебашвили творчески сочетал с фонетической сутью грузинского языка и, умело используя образные наглядные пособия, с помощью обычных слов и стройной последовательности адекватных им картин построил азбучные уроки, начиная от «А» и «И», кончая «З». Обычные слова в этой части, выражающие имена существительные, и картинки, обозначающие эти слова, выполнены в реалистической манере: слово с соответствующей ему картинкой, за ним слово, разбитое на слоги, а затем новая буква-звук. От слова к слогу, от слога к букве-звуку и наоборот, после этого устное упражнение, а за ним — письменное. Вот по такой канве окончательно была расшита азбучная часть «Деда эна».

Первый курс в ней, первая страница отводятся слову «иа» (фиалка). Из пяти существующих в грузинском языке гласных звуков слово «иа» одновременно содержит два наиболее распространенных звука — «а» и «и» и два слова «аи иа» (зот фиалка). На первый взгляд кажется, что «иа» — это просто счастливая находка, на самом же деле это правильно и умело подобранный ключ к грузинской азбуке, являющийся достойным венцом неустанныго творческого поиска Я. Гогебашвили. В соответствии с частотой употребления букв-звуков в грузинской речи он последующие азбучные уроки построил так, что каждый из них начинается простой фразой, где слово, содержащее новую букву-звук, выделяется для последующего анализа и синтеза.

Азбучная часть учебника значительно усовершенствовалась после того, как ее автор разработал и выпустил «Грузинские прописи» (1884). С точки зрения очертания и написания (со стороны графики), в соответствии с простотой и сложностью каждой буквы Я. Гогобашвили внес определенные исправления в алфавитный строй и придал большую искусству переходу от одной буквы-звука к другой. В этом же направлении большое значение придавалось той работе, которую он вел по отбору шрифтов вообще во всей «Деда эна» и в частности в ее азбучной части. В наших типографиях до сегодняшнего дня сохранились эти шрифты. Имея 5 гарнитур, они называются «Гогобашвили 24, 20, 16, 12, 10». Именно этим шрифтом набирается сейчас учебник «Деда эна».

Сила и мощь его не ограничиваются лишь гармоничной и наглядной азбучной частью. Качество этой книги в сущности обусловлено следующим после азбучной части материалом для чтения, который непрерывно совершенствовался на протяжении ряда лет. В этом отношении полной зрелости учебник достиг к 1906 году, когда автор разделил его на две книги: «Деда эна, или грузинская азбука с маленькими рассказами, стихами, описаниями и прописями» (двухгодичный курс) и «Деда эна послеазбучного периода, или книга для чтения в школе» (тоже двухгодичный курс).

Столь долгая жизнь «Деда эна» обусловлена многими факторами.

В сущности, она является учебной книгой не только для детей, но и для всего населения, став одной из любимых после «Вязя в тигровой шкуре» Шота Руставели.

Всем — взрослым и малышам, тем, кто стар и млад, — «Деда эна» внушала глубокий интерес к знаниям и осознанное стремление к свету; повышала грамотность населения, его культуру, нравственно очищала, поднимала патриотизм народа и вселяла веру в лучшее будущее.

Это — гимн природе и добродетели творческого созидания, песнь песней раскрепощенного труда и человеческого достоинства, основанного на нем; шаг за шагом «Деда эна» настойчиво будила в молодежи сердечность, любовь и уважение, беззаветную преданность упорному труду и учебе.

Книга эта содержит неисчерпаемый запас мудрости, веками накапливаемой бесчисленным множеством поколений грузинского народа; она — глашатай и наставник духовного богатства народа, щедрый источник истинного патриотизма, верной мысли, работы и усердия, доброты матери-природы, бла-

годатности отношений «отцов и детей», душевного согласия, братского взаимопонимания и мира между народами. «Деда эна» не только обучала детей и взрослых грамоте. Ежедневно, путем постепенного усложнения простых истин она вводила нашу молодежь в более высокие сферы знаний, развивала ее умственно-познавательные способности, интересы к поиску и исследованию.

Компетенция учебника часто выходила за пределы школы. Порой ее в качестве самоучителя использовали те, кто в домашних условиях учился читать и писать или пополнял существующие в грамотности пробелы. Эта книга выполняла также роль орфографического словаря. С ее помощью взрослые исправляли свое местное наречие. На ее примере многие обучающиеся дома придавали графические очертания буквам, написанным размашистым почерком.

«Деда эна» имеет особые заслуги в деле развития грузинской детской литературы в первую очередь потому, что помещенные на ее страницах и предназначенные для детей стихи и рассказы своей идейной направленностью, сюжетным построением, точностью и ясностью передачи мысли, художественной образностью являются образцами высоких литературных норм.

Книга эта была основой грузинской дореволюционной народной школы, отчетливым выразителем ее законченной зрелости, ее «зубом мудрости», величественным памятником современного грузинского языка. Она — воспитательница высокой национальной сознательности, неиссякаемый источник и надежда духовного роста и возрождения нации.

Это — зеркало развития и расцвета нашего литературного языка, летопись его прогресса на протяжении полувека — с 60-х годов прошлого столетия до первого десятилетия XX века. Помещенные в ней рассказы, стихи, очерки, заметки и другой материал для чтения из года в год обогащались, совершенствовались, оттачивались, беспристрастно отражая развитие литературного языка в столь плодотворный в этом отношении период.

«Деда эна» — один из значительнейших памятников грузинской культуры, где наш древний литературный язык, положенный в основу возрожденного и обновленного грузинского языка XIX века, открыл «зеленую улицу» литературной речи современной эпохи. Многочисленные образцы художественной литературы и документальной прозы, внесенные Гогобашвили в учебник в разное время, и сегодня еще яв-

ляются прекрасными примерами правильной грузинской речи.

Эта книга, к которой свободно можно отнести следующие слова Ильи Чавчавадзе — предводителя грузинского национально-освободительного движения XIX века: «Настоящее, рожденное прошлым, порождает будущее». Потому и сегодня грузинские дети пользуются учебником, составленным на основе принципов гогешвилиевского «Деда зна», которая и сегодня имеет то же название.

Благодаря всем этим достоинствам грузинский народ всегда воспринимает ее как воплощение мудрости и сладостного звучания. Принимая все это во внимание и учитывая неопценное воздействие, которое эта книга оказала на поднятие уровня культуры и просвещения грузинского народа, ЦК Компартии Грузии своим специальным постановлением, принятым в мае 1976 года, решил отметить 100-летие со дня выхода в свет «Деда зна» Я. Гогешвили. В этом постановлении выразилось полное единодушие партии и народа, огромная духовная зрелость нашего общества.

* * *

Забота Я. Гогешвили о родном языке, конечно, не ограничивается книгой «Деда зна». Его же перу принадлежит учебник энциклопедического плана «Бунебис кари», предназначенный для старших классов народных школ. Он в первую очередь служит дальнейшему укреплению знаний, почерпнутых из «Деда зна». А данные о различных науках, предусмотренных программами народных школ, помещенные в «Бунебис кари», прочно опираются на сведения из «Деда зна». С одной стороны, Я. Гогешвили добивается, чтоб внесенный в «Бунебис кари» художественный материал — стихи, рассказы, отрывки из них — отвечал потребностям чистоты языка и достигал высшего уровня с эстетической точки зрения. С другой — не перестает заботиться о расширении грузинской лексики в естественно-географических науках, уточняя пределы ее использования. На протяжении всей своей жизни он без усталости, с большой ответственностью выполнял эту сложную трудоемкую работу.

Вместе с тем Я. Гогешвили ни на минуту не забывал о двух главнейших положениях, извлеченных из багажа педагогической мудрости. Он прекрасно понимал, что даже отлично подобранный учебный материал, оправданный в идейном смысле, по своему содержанию и в языковом отношении, прекрасно построенный с эстетической точки зрения, только в том случае приносит пользу,

если соответствует возрасту и уровню развития ученика. Знал автор «Деда зна» и важность такого подбора материала, чтобы он способен был удовлетворять познавательные потребности ребенка, пробудить его сознательность и в то же время дать ему соответствующую духовную пищу, облагораживая его нрав.

Так же как и «Деда зна», почти каждое последующее издание «Бунебис кари», с точки зрения вышесказанного, по сравнению с предыдущим представляет в большей или меньшей степени шаг вперед, что особенно ясно видно при сравнении первых изданий с последующими.

Очерки о природе, географии и истории родной страны, помещенные в «Бунебис кари», в основном составленные самим Я. Гогешвили или же заимствованные, представляют собой прекрасные образцы документальной прозы. С целью более эмоционального восприятия этих увлекательных естественно-ведческих, географических и исторических очерков автор перемежает их с лучшими образцами грузинской поэзии. Так, например, за разделом, названным «Краткая география Грузии», и параграфами «Природа Грузии», «Границы Грузии», «Площадь и численность населения» следует стихотворение Р. Эристави «Родина». Последующий параграф «Горы и ветры Грузии» сопровождается стихотворением Г. Орбелиани «Кавказские горы» и отрывком из произведения И. Чавчавадзе «Тени» — «Ледник». Такое чередование материала Я. Гогешвили широко использует и в историческом разделе, где местами умело вкраплены стихи и отрывки из произведений Николоза Бараташвили, Григола Орбелиани, Ильи Чавчавадзе, Акакия Церетели.

При оценке этого учебника учитывается тот факт, что в нем почетное место отводится лучшим образцам грузинской поэзии и прозы. Они собраны в разделе «Хрестоматия», где в подразделе «Поэзия» содержится 36 стихотворений и отрывков из поэм, а в подразделе «Проза» — 26 рассказов и отрывков. Вместе с тем, если до конца 80-х годов в «Бунебис кари» в основном печатались стихи и басни Сулхан-Саба Орбелиани, Давида Гурамшвили, Григола Орбелиани, Рафила Эристави, Ильи Чавчавадзе, Акакия Церетели, в последующие годы все больше места отводится Важа Пшавела, Нико Ломоури, Дугу Мегрели, Цхели-Твалчрелидзе, Шно Арагвиспирели-Дедабришвили, Спрому Мгалоблишвили, Т. Разишвили, Бачана. Добавив к этому лучшие образцы фольклора, получим небольшую, но о многом говорящую антологию грузинской ху-

дожественной литературы. Знакомя детей с лучшими образцами нашей литературы, «Бунебис кари» прививает им любовь к ней, развивает художественный вкус, пробуждает огромный интерес к чтению.

Эта краткая характеристика Я. Гогешашвили относительно привития ученикам народных школ любви к грузинской литературе не будет полной, если не сказать несколько слов о нем как о талантливом детском писателе. Составленные им небольших размеров рассказы о щедрости природы и сердечной любви к родине, народу, родному языку в большом количестве включены в «Деда зна», «Бунебис кари» и другие вспомогательные пособия. Вместе с тем некоторые крупные рассказы — «Сила колыбельной», «Царь Иракий и инголойка», «Аспиндзская битва» и другие систематически выходили массовым тиражом, и, очевидно, в то время очень немногие, почувствовавшие вкус к грамоте, не читали их.

Среди них образцом, имеющим общечеловеческое значение, признается «Сила колыбельной». Финальным ключом к этому рассказу с простым, но эмоционально-напряженным сюжетом является волшебная сила воздействия родного языка.

Из одной грузинской семьи лезгинки похищают маленькую девочку Кетино, единственную дочь, которая даже как следует не умеет говорить. Девочку приводят к одному бездетному лезгину, семья которого полюбит этого ребенка как родного и воспитает его. Родной отец после долгих поисков находит Кетино, но, несмотря на то, что новым родителям тяжело расстаться с девочкой, заменившей им собственного ребенка, справедливость все же восторжествовала — Кетино возвращается к своим настоящим родителям. Точнее, ее насильно приводят в родительский дом, ибо своими родными она считает тех, кто воспитал и вырастил ее. Просьбы, мольбы, внушения, слезы... Все напрасно. Кетино замкнулась в себе, оплакивая свое несчастье. В ее родной семье поселились печаль и горе. И вот однажды измученная, потерявшая всякую надежду на контакт с дочерью мать с нахлынувшей на нее грустью поет «Иавнану», которая проникает в самую душу Кетино. Глубоко запрятанное, испеленное чувство девочки вдруг озаряется лучом возвращенной памяти — она осознала саму себя. Вот на что способна колыбельная песня, какое волшебное действие оказала ее музыка! Этот великолепный рассказ переведен на русский и некоторые европейские языки.

В связи с этим уместно будет напомнить о следующем факте. Извест-

ный грузинский физиолог, действительный член императорской академии России Иванэ Тархнишвили, с именем которого связано внедрение физиологического раствора в медицинскую практику, в последующие годы прошлого столетия разработал оригинальную теорию лечения музыкальными мотивами. Это открытие имело громкий резонанс в России. И. Тархнишвили с большим уважением относился к Я. Гогешашвили, который, в свою очередь, гордился знакомством со столь известным грузинским ученым. Не исключено, что импульсом для этой теории Тархнишвили послужил именно рассказ Я. Гогешашвили «Сила колыбельной».

Говоря об учебниках Я. Гогешашвили, нельзя не остановиться на его знаменитом «Русском слове», сыгравшем особую роль в поднятии авторитета нашей школы среди населения.

Основательное изучение русского языка в грузинской народной школе — вопрос большого политического и культурно-просветительного значения.

Я. Гогешашвили считал непреложной истиной мнение новой классической педагогики, глубоко пустившее корни после Я. А. Коменского, о том, что обучение в школе начинается с родного языка, ко второму языку надо переходить лишь после. Но если К. Ушинский сроком начала обучения иностранному языку считал 5-й год обучения, то Гогешашвили придал этому сроку подвижный характер — второй или третий год обучения. Таков был предельный срок. Необходимость подобной градации зависела от неоднородности языкового окружения — в городах и местечках русская речь имела большее распространение, и ее изучение возможно было начать не только с начала второго года, но и с конца первого. В деревнях же приступить к нему можно было только на третий год.

Для грузинской передовой и образованной молодежи Я. Гогешашвили признавал русский язык вторым родным языком. В своей известной статье «Национальный столп» эту мысль он иллюстрирует следующим сравнением: «Чтоб грузинский национальный экипаж не передвигался медленно или же не стоял на месте, надо впрячь в него грузинский язык, поставить в пару с ним русский, а затем и другие языки. Только в этом случае он устремится вперед и спокойно достигнет места назначения». В то же время он считал русский язык важным средством на пути основательного овладения грузинским. Вообще изучение любого второго языка ему представлялось возможностью проникновения в глубины родного языка. Что касается системы, пути и на-

правления обучения русскому языку, по мнению Я. Гогобашвили, все это должно опираться на предметную наглядность и переводческий метод, а не на так называемый естественный или натуральный. Эти свои соображения замечательный педагог аргументировал следующим образом.

Он, безусловно, знал, что натуральный метод имеет свои положительные стороны, и в первую очередь потому, что ребенок, не сталкиваясь в понятиях и словах изучаемого языка с соответствующими формами родного языка, усердно старается проникнуть в дебри нового языка. И это так на самом деле. Но подобное усердие приносит плоды в тех случаях, когда изучаемый язык находится в родстве с родным и языковое окружение практически способствует овладению новым. Подвижные и разнообразные глагольные формы, присущие грузинскому языку, существенно отличают его от грамматического строя русского языка. К этому надо добавить наличие в нем рода и ударения, что представляет большую трудность для усвоения грузинскими ребятами; затем существует ряд трудностей фонетического характера и еще многое другое.

Учитывая всю сумму компонентов, этот мудрый человек, который возрождение грузинской народной школы не представлял без основательного изучения русского языка, составил прекрасный учебник — «Русское слово», в основе которого лежали следующие предпосылки: этот язык является не только словесным средством общения людей, но корнем, основой мышления. Он потому обретает коммуникационную функцию, что язык и мышление — неделимое целое. Говорящего на родном языке ребенка в этих условиях возможно ввести в мир нового языка только при сознательном сравнении языковых форм нового языка с родным. Именно на этом и построил Гогобашвили свое «Русское слово».

Текстовой фон языкового сравнения он разработал путем умелого отождествления прекрасных фольклорных и поэтических образов, выразительных средств духовной культуры грузинского и русского народов и другого учебного материала. Для этого он искусно использовал, с одной стороны, мастерски подобранные и им же прекрасно переведенные соответствующие рассказы из «Деда эна», уже знакомые грузинским детям, и, с другой, — учебный материал, внесенный в учебник К. Ушинского и Л. Толстого. В результате этого симбиоза языковая фактура «Русского слова» забила ключом, и этот учебник стал для грузинских детей доступнейшей любимой книгой.

«Русское слово» впервые вышло в 1887 году и при жизни Гогобашвили издавалось в переработанном и дополненном виде 18 раз. О долголети «Русского слова» красноречиво свидетельствует тот факт, что наши ребята в первый и во второй год обучения и сегодня русский язык изучают по учебникам, составленным по его принципам.

Против «Русского слова» ополчились черносотенные чиновники, обновившиеся в Кавказском учебном округе и Грузинском экзархате, а также клерикалы, облаченные в рясы. «Русскому слову» они противопоставили учебник инспектора попечительства Кавказского учебного округа Левицкого, составленный по натуральному методу. Впервые он вышел в свет в 1890 году. Книга эта, несмотря на то, что ей покровительствовало много влиятельных персон, занимающих высокие посты, потерпела полный крах. В книге Левицкого со всей строгостью подошли передовые учителя. Об этом свидетельствует большое количество критической литературы. Здесь особо следует отметить книгу «Неестественность естественного метода обучения», разумно составленную другом Я. Гогобашвили — Луарсабом Боцвадзе.

Наши учителя, смеясь, назвали натуральный метод немым.

Вся эта шумиха, поднятая с целью внедрения натурального метода, якобы служащего задачам успешного овладения русским языком, фактически была направлена против «Русского слова» Гогобашвили. Натуральный метод не так помешал бы обучению ему, как борьба за внедрение его, проводимая с чисто политической акцией, направленной на ущемление грузинской народной школы.

Те, кто внедрял этот натуральный метод, совсем не заботились о том, насколько глубоко грузинские дети смогут овладеть русским языком. Они хотели, чтоб ребята вообще ничего не знали, оставаясь темными и неграмотными людьми. Вот почему Акакий Церетели одного из сторонников этого метода деканоза Восторгова назвал «агентом полиции в одеянии ангела».

Справедливости ради здесь же надо отметить, что победе «Русского слова» Гогобашвили весьма способствовала поддержка передовых русских педагогов и методистов.

Именно благодаря этим передовым силам «Русское слово» министерством просвещения царской России было признано лучшим учебником, и многие русские методисты давали совет нерусским народам следовать примеру Я. Гогобашвили и строить

свои учебники по принципу его «Русского слова».

Этот учебник сыграл огромную роль не только в деле становления обучения

русскому языку на надлежащей основе, но и вообще в укреплении языкового потенциала грузинской народной школы.

Бабо МЧЕДЛИДЗЕ

Дорогое народу имя

СРЕДИ имен, дорогих грузинскому сердцу, имя Якова Семеновича Гогобашвили пользуется особой любовью. И в самом деле, наставником души народной называют на нашей земле создателя «Дэда эна» — «Родной речи». По существу он стал основателем грузинской классической педагогики, человеком, посвятившим жизнь воспитанию молодежи. Глубоко нравственная, просвещенная личность, он стал образцом для подражания.

Совершенно особую роль играют его рассказы, стихи, загадки, пословицы и поговорки, взятые у народа и возвращенные народу в новом блеске, «приятном и полезном для слушателя», как выразился сам Я. С. Гогобашвили.

В интересных, захватывающих сюжетах писатель как бы укореняет в сердце юного читателя основы этики, любви к природе, к людям, к труду...

Яков Гогобашвили в основном обращается к двум литературным жанрам: эпосу и лирике. Даже в рассказах малой формы (нередко в три-четыре строки) он предусматривает соответствующую идею определенную композиционную последовательность, не отвлекая внимания читателя вставными эпизодами, отступлениями, излишними деталями. Компоненты цвета, красок, вообще колорит окружающей среды используется им для развития авторской мысли. Для большей рельефности морали на редкость умело. Впечатляющие образы поистине служат для подростка примером.

Большой писатель-гуманист избегает натуралистического изображения отрицательных явлений, используя художественное своеобразие басни как наиболее воспринимаемой ребенком.

Он считает своим долгом вмешиваться во все явления жизни, проповедуя добро. Проповедь эта, лишенная риторической сухости, обладает благодаря художественной интуиции ее автора силой подлинного искусства.

Для стиля Я. Гогобашвили характерен мягкий юмор, хотя в его богатом литературном наследии (около ста пятидесяти рассказов) мы встречаем и образцы беспощадной сатиры, вызывающей у детей смех, вырабатывающей в них критическое отношение к различным негативным явлениям. Объект критики при этом никогда не становится карикатурой. Писатель избегает шаржа, паясничества, гротеска — приемов, чуждых детской психике.

Примером выражения определенного нравственного кодекса может служить короткий, всего в несколько строк, рассказ о кувшинах.

«Собрались кувшины вместе. Один из них, самый высокий, стоял посредине и хвастал: я не такой, как вы, у меня дно золотое. Неожиданно подошел к нему ковш.

Хвастливый кувшин устыдился и умолк.

Почему кувшин устыдился ковша?»

О красоте и пользе труда рассказывает новелла «Ласточки», в которой даются жизнь трудолюбивой семьи и впечатляющие картины борьбы за существование.

Можно привести множество рассказов, наделенных несомненной художественной силой, не нуждающихся, как говорится, в комментариях, упорно и последовательно сеющих разумное, доброе, вечное. Их тематика разнообразна. Один и тот же мотив почти никогда не повторяется, и что, пожалуй, главное, написаны они легким, образным грузинским языком. Гогобашвили — писатель, вышедший из недр народа. И в наши дни он продолжает служить ему, оставаясь примером чистоты и благородства.

Наши юбилеры

Грузинская советская общественность с большой теплотой отмечает 80-летие выдающегося грузинского писателя и общественного деятеля, одного из основоположников грузинской советской беллетристики Демны Константиновича ШЕНГЕЛАЯ. Писатель большого дарования и богатой индивидуальности, он внес ценный вклад в развитие современной национальной прозы, обогатил ее замечательными художественными полотнами, принесшими ему всеобщее признание и любовь многочисленных поклонников его таланта. Демна Константинович ШЕНГЕЛАЯ на протяжении ряда лет был членом редколлегии нашего журнала и активно помогал ему в выполнении поставленных задач.

Редакционная коллегия, сотрудники и читатели «Литературной Грузии» сердечно приветствуют дорогого юбиляра, одного из крупнейших представителей грузинской советской литературы, со славной датой и желают ему долгих лет жизни и новых творческих успехов.

ПИСАТЕЛЬ-ПРОВИДЕЦ

К 80-летию Демны Шенгелая

В РЯДУ основоположников грузинского советского романа одно из первых мест принадлежит писателю-академику Демне Шенгелая, чьи романы «Санавардо» и «Бага Кекия» вошли в золотой фонд грузинской советской романистики, открывая одну из заглавных страниц ее истории, а прекрасные рассказы и новеллы еще и сегодня оказывают влияние на развитие грузинской советской прозы. Столь же бесценны его фольклористские и историко-лингвистические наблюдения, литературно-критические статьи и эссе о видных грузинских и русских писателях и художниках, написанные с большим знанием предмета и тонким вкусом.

Читая эти статьи, невозможно не поддаться очарованию личности их автора — человека огромного интеллекта, широкой эрудиции, глубоких знаний в области литературы и истории, этнографии и фольклора, археологии, живописи и философии.

Д. Шенгелая вышел на литературную арену еще совсем молодым, в 1915 году. Уже в его ранних произведениях проявилась тяга к фольклору и сказочно-мифологическому миру. Затем наблюдается увлеченность молодого писателя декадентской прозой.

Но все же, надо полагать, в двадцатые годы Демна Шенгелая занимал собственную художественную позицию и до конца не разделял эстетического кредо ни одного тогдашнего литературного направления или группировки. В ту пору он смело мог повторить известные слова Теофиля Готье: «Звук из всех клавиров, цвет со всех палитр». К такому выводу нас приводит не только художественная практика писателя, но и его теоретические статьи, написанные с принципиальных позиций. Если грузинские символисты — «голубороговцы» объявляли лирику универсальной областью, а футуристы свели прозу к фактологии, то Демна Шенгелая писал: «Сезон лирики кончился, настало время машин, эпоса. Современность не может уместиться в услащенных сахарином сти-

хах... Проза идет словно огромный циклон, и трудно растворить ее в психологической водиче лирики... Стих обольнялся в сонетах, а проза в миниатюрах (в этом постыдном деле есть и моя доля). Это была трагедия искусства, где роль кастратов играли наши прозаики». (Журнал «Литература и др.», 1924—25, № 1).

Примечательно, что именно в это время эпический жанр в грузинской литературе вновь вступил на путь возрождения и в ней появились первые советские романы.

Среди них одним из первых был «Санавардо» Демны Шенгелая, напечатанный в только что основанном журнале «Мнатоби» (№№ 1, 2, 3 за 1924 год). Ни к какому бы направлению ни относили это произведение, оно все же было предвестником развития традиций грузинской классической прозы. В нем проявилась тяга автора к большой теме и широкой социальной проблеме. «Санавардо» — «первый грузинский советский роман, в котором сложная образная структура и мифолого-символические значения подняты до неведомой ранее для грузинской прозы высоты. Видимо, автор попытался сочетать в этом произведении модернистско-символическое направление с реализмом, видя в этом путь развития нового искусства.

В романе четко очерчен локал времени. С характерной для истинного реализма достоверностью выражены душа эпохи и тенденции ее развития. Главные персонажи наделены конкретными художественно-историческими признаками. Но в целом фактура произведения, как бы сильно ни проявлялась в нем верность действительности, выходит за пределы реализма. И иначе как своеобразный синтез символизма и реализма невозможно определить художественный принцип «Санавардо».

Попытка Демны Шенгелая «примирить» модернизм с реализмом обусловлена как его индивидуально-творческой природой, так и литературной атмосферой той поры. В дальнейшем развитие грузинского романа не пошло по этому пути, так же как творчество самого писателя.

При выяснении идейно-художественной концепции «Санавардо» особое значение придает образу Бондо, и не потому, что в нем автор видит обреченность всего социального слоя, который он представляет. В создании именно этого образа и связанных с ним сюжетных штрихах проявились смелые художественные находки писателя, характерное для символизма стремление к мифолого-фантастическим образам, к их уродливым проявлениям.

Читатель видит в Бондо сына обреченного историей класса, который тщетно пытается идти в ногу со своей эпохой.

В романе много персонажей и пассажей сказочно-мифологического и символического характера, почти весь антураж произведения насыщен характерными для символической литературы красками (и тут особенно примечательны художественные сравнения).

В «Санавардо» созданы не только новые для грузинской литературы типы. Своим романом автор привнес в нее новую поэтику, новый ритм. Он внес в прозу ускоренную пульсацию эпохи, оживил ее кровообращение.

Эстетический мир писателя был адекватен тому конкретному историческому фону, которого касается «Санавардо». Но он откликнулся и на то время, когда роман писался. Перекликается он и с нашим сегодняшним днем.

Именно в этом и состоит животворная сила творчества. Было бы неверно истинно художественное творение ограничивать отображением конкретно-исторических событий определенной эпохи, определенных классов и социальных слоев. «Санавардо» и сегодня читается с неослабным интересом. Это — не история, а истинно художественное произведение, современная книга, которая и сейчас борется против старого, против рутины, ускоряет крах пустых, социально истощенных людей и перекликается с пафосом сегодняшнего дня.

Выведенный писателем темный мир, над которым кружатся дьяволы, призраки и тысячи других черных сил, указывает на тот большой процесс общественного характера, который протекает и сегодня. Такие силы характерны для любых формационных перемен и вообще для единоборства нового и старого, приговор истории которому известен.

В романе с большой силой звучит пафос современности, хотя он и посвящен отображению отжившего, деградировавшего общества.

После «Санавардо» творчество Демны Шенгелая некоторое время снова носит раздвоенный характер. С одной стороны, перед нами писатель-декадент — автор сборника «Тифлис» (1927), в который вошли такие произведения, как «Кирила и Дамна», «Ворона Рипсима» и другие, а с другой — писатель-реалист, автор «Гурама Барамандия», «Маленькой женщины», «Февраля», «Иноходца» и «Порта». В них автор проявил высокую культуру письма, оригинальное видение событий. Новыми образами из этих произведений он обогатил грузинскую прозу.

Особенно значимы реалистический поток его творчества, который активно переключается с такими актуальными проблемами современности, как война и мир, социалистическая революция, гражданская война, свобода и истина. Писатель глубоко заглянул в природу действующих лиц и наделил их характерные неповторимые общественные и индивидуальные черты, которые наделяют их «душой» и дают им жизнь. Сильная внутренняя страсть, национальный темперамент, характер и привычки, которые порою проявляются в малом художественном пассаже и психологических деталях, делают эти образы незабываемыми.

Этот реалистический поток в творчестве Д. Шенгелая постепенно приобретает все более широкий характер. В 1928 году на Втором съезде грузинских писателей он говорил: «Писатель без современности — фикция. Если он не чувствует тонуса и пульсации эпохи, если он не сын своей эпохи и ее интересов, он будет оторван от всех актуальных вопросов времени и пройдет мимо литературы».

Это заявление писателя закономерно, ибо никогда он не был эстетом, а его творчество — пример народности и партийности. Он всегда стоял на активных позициях, утверждая прекрасное и светлое в жизни и литературе. Даже в декадентско-символических рассказах автор «Вороны Рипсима» ироничен и высмеивает политические цели антисоветских элементов. В этом случае он прибегает к юмору и в юмористической форме выражает здравые мысли и чаяния народа.

Юмор, как форма художественного отображения, особенно широко проявился в романе «Бата Кекия».

Это одно из лучших творений грузинской советской прозы определило коренной поворот в творческой жизни писателя. И действительно, «Санавардо» и «Бата Кекия» в художественном отношении — явления глубоко контрастные.

Этот поворот художника обусловили большие исторические сдвиги в жизни нашей страны, позиция писателя и его индивидуальный творческий характер.

По признанию одного из основоположников советского исторического романа Алексея Толстого, в ходе работы над «Петром Первым» он глубоко верил, что подошел к сегодняшнему дню с глубокого тыла. Полагаю, автор «Бата Кекия» с полным правом может повторить эти слова.

Герой романа Бата Кекия — счастливый гражданин социалистической деревни, в потоке дум которого со всей очевидностью воскресают пройденные годы со всеми их радостями и болями.

Характер Бата имеет глубокие корни в грузинском фольклоре. Он — «соль жизни», и если, с одной стороны, его оптимистическая натура, удивительно живой, подвижной характер и чистый юмор простираются из внутренней природы грузинского народа, то, с другой, — они обязаны традициям национального фольклора.

Тяжелый удел дореволюционного грузинского крестьянина увиден и воспринят в романе глазами находчивого, неунывающего в жизни человека, наподобие сказочного Нацаркекия. Писатель вносит различные эпизоды для передачи характера своего героя и так называемым «мозаичным способом» создает его неповторимый портрет.

По представлению автора, Бата Кекия — «отец наш, дедушка! Он — типичный сын недалекого прошлого, плодом которого является строитель нового мира, современный рабочий и крестьянин...».

Бата Кекия — широко задуманный обобщенный образ. Его философское видение четко проявляется, когда герой затрагивает вечные вопросы жизни и смерти, проблему назначения и поведения человека.

И если глубоко вдуматься в суть романа, то станет очевидным, что выросший на берегах Риони Батурия смог бы поднять на своих слабых плечах всю мировую скорбь, которая пером большого юмориста так мастерски приправлена здоровым оптимизмом. Бата Кекия — один из полноправных членов собрания весельчаков мира, он — их достойный литературный собрат.

Не случайно наши литературоведы сравнивали образ этого грузинского крестьянина с такими бессмертными образами мировой литературы, как Кола Брюньон, Лемке, Санчо, Фальстаф и Пентагрюэль. Всех их сближают народный юмор, находчивость, вера, выносливость и удивительная способность к борьбе. Можно сказать, что Бата такой же хитрец, как Кола Брюньон.

Роман «Бата Кекия» получил широкий отклик в грузинской литературной критике. Произведение было признано значительным явлением грузинской советской литературы, а его герой Бата Кекия — одним из ее оригинальных образов.

По словам Григола Абашидзе, в нашей новой литературе не существует более колоритной и национальной по духу книги, чем «Бата Кекия».

В 30-е годы в прозе Демны Шенгелая большое место заняло отражение осужденной природы классовой борьбы. Это был период, когда накал классово-рассовых инстинктов и борьба за социальное спасение классов достигли предела, когда на этой почве началась смертельная война даже между братьями. Писатель подметил эти явления и создал произведения, сильные в художественном отношении. Его новеллы и рассказы того времени «Распря», «Баи-кадиклар», «Кордедала» и другие отличаются монументальностью, острый сюжет, рельефные характеры, драматизм.

Своеобразным явлением в творчестве Демны Шенгелая того периода следует считать рассказ «Творец» (1937). Сюжет его развернут на фоне жизни Грузии XII века. В нем автор оригинально представил связь большого творца с жизнью, с реальным бытом, с народом.

Ренессансные истоки грузинского искусства — историю создания Бешкеном Олизари картины Богородицы — писатель творчески связал с образом земной девы Гоциры. Главное здесь — проблема соотношения действительности и искусства. Действительность питает истинного творца, вдохновляет его и дает животворные краски.

Проблему взаимоотношения творца и действительности автор поставил и в центр романа «Вдохновение».

Это не случайно. Как мы знаем из биографии Демны Шенгелая, если бы он не стал писателем, то посвятил бы себя живописи.

Во «Вдохновении» с темой творчества органически переплетаются эпизоды революционной борьбы грузинского рабочего класса.

Название романа «Вдохновение» точно выражает духовный пафос героев произведения, объясняет и обуславливает действие, характер каждого из них...

Без вдохновенного труда они не представляют своей жизни, службы, любви, счастья, будущего.

Более того, вдохновение настолько типично для героев произведения, что читатель воспринимает его как явление, характерное для всего общества. Пафос романа направлен именно на это явление, ставшее особенно примечательным для общественной жизни довоенного периода. В этом случае писателю, несомненно, давали стимул большие успехи различных отраслей грузинской литературы и искусства 30-х годов. Именно тогда были созданы подлинные образцы грузинской советской прозы, поэзии, театрального и музыкального искусства, нашедшие всеобщее признание.

Но в романе «Вдохновение» поставлена конкретная художественная проблема взаимоотношения действительности и искусства, которая вместе с тем отвечает на вопросы реалистического творчества, силы воздействия искусства, гуманизма, этики и быта.

Чистота, высокая нравственность, принципиальность и стойкость его главной героини Дарико Демурия, несомненно, заслуживали большего внимания нашей литературной критики.

Мириан Ларадзе — представитель грузинской советской технической интеллигенции, тесно связанный с историческими традициями грузинского народа, с его корнями. Пожалуй, это первый в грузинской литературе образ представителя современной грузинской школы зодчества, которая сейчас столь популярна, и не только в нашей стране, но и в странах Европы и Азии.

Для идейно-эстетического воспитания современного общества особенно ценны образы рабочего-революционера Аслана Демурия, режиссера Петра Ларадзе и других.

Образ Петра Ларадзе знакомит читателя с театральным деятелем широкого масштаба, с ищущим художником, который произвел реформу в театральном искусстве. Эпизоды жизни Петра Ларадзе, художественные реалии и отдельные детали указывают, что в его образе перед читателем оживают великий предок грузинского советского театра Ладо Месхишвили и царедвей сценического искусства Котэ Марджанишвили.

Чистота и стойкость главной героини, молодой грузинской женщины нашего времени Дарико Демурия выражают пафос нашей эпохи — гуманизм. В характере Дарико сочетаются традиционные, национальные корни с современностью, что и указывает на жизненность этого литературного образа.

Одним из центральных образов «Вдохновения» представляется Петр Ларадзе. Автор знакомит нас даже с его генеалогией. Он представляет ту прогрессивную часть феодального общества, интересы которой следует рассматривать наряду с интересами народа, его демократических слоев. В дни революции 1905 года Петр Ларадзе — на баррикадах (подобный пример известен из жизни Ладо Месхишвили). Он дает приют раненому дружиннику. Впоследствии читатель догадывается, что это Аслан Демурия.

Это произведение расширило тематический круг грузинской прозы пятидесятых годов, обогатило новыми художественными мотивами и литературными приемами национальную литературу. И сегодня «Вдохновение» сохраняет свою эстетико-идейную ценность.

Демна Шенгелая — один из тех, кто глубоко вдохнул тбилисский воздух, приобщился к городскому быту, к его обычаям и адатам. Именно в тбилисских кварталах он созрел как писатель. Здесь сблизился он и с рабочими-ремесленниками, собственными глазами увидел характерные для старого тбилисского быта колоритные картины и прототипы своих литературных героев. Много рассказывал ему о традициях старого Тбилиси и его отец. После Иосифа Гришашвили трудно назвать другого грузинского писателя, который бы столь же органично ощутил характерную для старого Тбилиси действительность, его колорит и неповторимые краски. Страстное преклонение перед Тбилиси Д. Шенгелая проявил еще в 1925 году, когда написал рассказ под таким же названием. В 1940 году он опубликовал роман «Оленья тропа», четко выраженные типы и образы которого, выросшие на эпохальной канве развивающихся процессов капитализма, обуславливают идейно-художественную ценность произведения. Видимо, неувядающие впечатления юности автор обобщил, обогатил историческими материалами и городским фольклором.

В произведении отображен Тбилиси второй половины XIX века с развитой цехово-ремесленной жизнью, которая своей романтической окраской противопоставляется городской купеческой и феодальной эксплуататорской среде. Она тонет в мощном потоке капитализма, но в ходе этого процесса возникает новый класс — революционный пролетариат. Писатель изобразил этот диалектический процесс с большим художественным чутьем и достоверностью. Он создал богатую галерею литературных типов, которые по многообразию красок, правдивости и художественному своеобразию никогда не утратят своей свежести и значимости.

Демна Шенгелая — участник Великой Отечественной войны. Как военный корреспондент, он стоял на передовой линии фронта вместе с воинами действующей армии. Очевидно, это в значительной степени определило то обстоятельство, что в грузинской советской прозе он одним из первых написал рассказы на тему Великой Отечественной войны — «Четвертый брат», «Мечь», «В окопе», а также роман «Четыре года» и другие произведения.

Главный пафос романа «Четыре года» — идея единства людей, художественное демонстрация непобедимой силы интернационализма, «союза сердец». Неумолимым пропагандистом этой идеи в современной грузинской литературе Демна Шенгелая остается и по сей день.

В этом произведении автор попытался отобразить духовное единство многонационального советского народа, его твердость. Сильно ощущается здесь и интернациональный дух грузинского народа, его поэзии, именно тот идеал, который так прекрасно воспел Шота Руставели. Дружба народов, «союз сердец», пользуясь выражением Галактиона Табидзе, та великая сила, которая побеждает зло. В сюжете романа не один запоминающийся эпизод указывает на героическую борьбу, смелость, мужество и самоотверженность советского народа. Сибиряк Савгачев, русская девушка Машенька, украинец Доброхотов и грузин Матахерия как дети одной матери живут едиными интересами и устремлениями.

Тема Великой Отечественной войны вообще характерна для советской литературы как военных, так и послевоенных лет, и Демна Шенгелая и тут по-своему осветил ее.

В этом смысле писатель замечательно продолжает большие интернационалистские традиции грузинского народа и грузинской классической литературы, которые на сегодняшнем этапе поднялись на качественно новую высоту. Свое произведение автор строит на чистых чувствах взаимной любви и самоотверженности сынов братских народов, что и обусловило сюжетно-композиционную структуру романа. Писатель отказался от сложного сюжета и перенес акцент на характеры. Им созданы оригинальные художественные образы советских людей военного времени, передана их богатая природа, патриотизм, героизм и самоотверженность, которые оригинально вплетены в духовный строй нашего народа, в его вековые традиции и психику. Автор глазами опытного художника видит и замечает каждое движение души своих героев, их характеры и заставляет нас остро сопереживать им. Большой победой писателя являются созданные с большой любовью и тактом образы людей разных национальностей — Машеньки и Маико, Матахерия, Савгачева, Пилипенко и других представителей братских народов.

В 1958 году была опубликована теперь уже широко известная повесть его «Клад», которая вызвала живой обмен мнениями в нашей литературной критике и была признана одним из лучших произведений в грузинской литературе послевоенного периода.

Этим произведением писатель одним из первых в грузинской литературе еще во второй половине 50-х годов осудил болезненное стремление определенной категории людей к обогащению, их жадность, призывал к человечности. В этом и состоит пафос этого произведения, которое и сегодня играет значительную роль в том общественном процессе, который мы называем «нравственной революцией».

Всю свою жизнь Демна Шенгелая отдал литературе. Его жизнь — это только творческая жизнь. Для него литература превыше всего, она — его кумир.

Поэтому его творчество — это не только романы и рассказы. Любой гражданский шаг писателя и смысл каждого его слова неизменно служат интересам литературы.

Больше 60 лет находится он на форпосте грузинской литературы как великий мастер грузинского слова, воспитатель молодого поколения писателей, автор эстетико-литературных статей, критик, трибун-полемист, стоя на страже грузинского слова, магистрального пути грузинской литературы.

На этом пути он никому не уступит и, исходя из интересов литературы, никого не пощадит.

Нынешний год — юбилейный для Демны Шенгелая. И совпал он с другим юбилеем — «Деда эна» одного из духовных отцов грузинского народа Якова Гогешашвили. Такое совпадение глубоко символично. Ведь Демна Шенгелая — один из тех, кто, говоря словами Геронтия Кикодзе, «страстно любит язык». Грузинское слово для него — дыхание, его жизнь, жизнь народа и его бессмертие. Он видит слово глазами живописца, он — художник слова, который с полным правом может повторить слова М. Горького о языке как первооснове литературы.

Д. Шенгелая каждое слово холит как садовник, проверяет его корень, поливает и выращивает. Он зорко следит за смыслом грузинской фразы, придавая ей неповторимую силу и окраску.

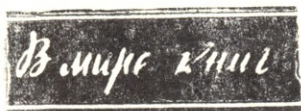
Поэтому естественно, что именно он опубликовал целую серию статей о грузинском языке и, в частности, о «Деда эна» Якова Гогешашвили. По существу это написанный с большим жаром и любовью гимн родному языку.

Велики и многогранны заслуги Демны Шенгелая перед грузинской советской литературой, опорой и одним из основоположников которой он является. Но и сегодня писатель определяет уровень этой литературы, которая на протяжении 15 веков указывала народу дорогу жизни, была его знаменем и вехой.

Своим первым романом Демна Шенгелая сообщил миру, что на населенной нечистым духом Санавардо прогудел «железный дьявол» — первый поезд... Это была правда, но и символический образ ломки старой жизни и зарождения новой силы. Одним из первых пассажиров того первого поезда был и сам писатель вместе со своими литературными героями... Тогда он мечтал о сильном народе. Его мечта сбылась. Сегодня именно этот сильный народ управляет страной.

А Демна Шенгелая в свои 80 лет и сегодня бодро стоит в рядах большой армии писателей многонациональной советской литературы и «разведывает» новые темы, мечтая о росте национальной культуры, эстетического духа родного народа, его литературы.

ЖИВАЯ ЖИЗНЬ РОМАНА-ЭПОПЕИ

И ТАК, еще одно исследование о романе ... Возможно, подобный зачин покажется несколько неожиданным: очевидно, это «итак» было бы более уместным там, где следует делать выводы и заключения, — в конце рецензии. Но все дело в том, что новый труд, о котором пойдет речь, во многом является итоговым как для его автора, который и раньше обращался к проблемам романа, так и для той части современного советского литературоведения, которая не первый год занимается этой, без преувеличения, одной из самых злободневных областей литературного процесса...

Ни об одном жанре мировой литературы не пишут, не спорят, не дискутируют так много и пристрастно, как о романе. Роман во всех его разновидностях, его история и теория, современное его состояние — все это, без малейшей натяжки, находится в фокусе современного мирового литературоведения. К роману обращаются сотни ученых, критиков, писателей. Ему посвящаются многочисленные симпозиумы, коллоквиумы и анкеты. И это вполне закономерно: ведь роман — наиболее распространенный и активный жанр мировой литературы. В нем, как и в дискуссиях о нем, отражаются все наиболее значительные процессы, характеризующие литературу.

В спорах, говорят, рождается истина. С этой точки зрения, условия для рождения истинного суждения о сложных судьбах романа самые что ни есть благоприятные: споров, действительно, много. Но нельзя сказать, что эти споры близки к завершению. Нет, мы не скажем, что исследование В. М. Пискунова «Советский роман-эпопея. Жанр и его эволюция» (СП. М., 1976) поставило все точки над *i*, что оно окончательно подводит черту подо всем, что делалось и делается сейчас целой армией ученых, занятых разрешением

многочисленных вопросов, связанных с проблематикой жанра романа. Это было бы явным преувеличением. Но то, что книга, о которой пойдет разговор, представляет собою значительный вклад в науку, что она займет в ней заметное место, — вне всякого сомнения.

Перед ученым стояла, скажу прямо, задача не из легких. Как это ни парадоксально, обилие работ о романе не облегчало, а, наоборот, затрудняло задачу В. М. Пискунова. Не то что трудно, а просто невозможно назвать одну, даже, казалось бы, самую незначительную проблему, так или иначе связанную с романом, которая могла бы считаться окончательно — раз и навсегда разрешенной. Исследователю в данном случае все время приходится иметь дело с остро дискуссионным материалом и в силу этого давать собственное решение, свое понимание того или иного вопроса. Трудность усугубляется еще и тем, что мысль автора устремлена не на роман как таковой (о нем имеются более или менее установившиеся суждения), а на роман-эпопею, о природе и сущности которого нет определенного стабильного мнения. Некоторым ученым подобный «гибридный» термин вообще представляется искусственным и во многом условным. Кстати сказать, на наш взгляд, укреплявшийся от страницы к странице и окончательно утвердившийся, когда книга была прочитана до конца, роман-эпопея — термин вполне законный. И законный не потому, что лучшего пока не имеется, а по своему существу: за ним раскрывается вполне определенное и четкое, очень широкое содержание...

Само понятие «эпопея» В. М. Пискунов рассматривает не в узко жанровом отношении — не как известный жанр литературы, расцвет которого относится к древнейшим временам. Такой, «чистой», эпопеи наша современность не зна-

ет и знать не может. Роман-эпопея — совершенно другое дело. Роман-эпопея — это, по словам исследователя, «целостная органическая структура», порождаемая «определенными, чаще всего кризисными историческими ситуациями, которые дают возможность по-новому взглянуть на целый мир, заново оценить и пересмотреть самые основы человеческого общежития, законы общества и цивилизации». Но эпическое начало, в высшей степени присущее роману-эпопее, подчас распространяется — все зависит от художника — и на другие жанры, по формальным признакам к эпосу не относящиеся, — обстоятельство, в значительной мере раздвигающее границы исследования В. М. Пискунова.

Столь широкое понимание эпического начала определило то, что в поле зрения ученого попало множество подчас самых разнородных фактов, мимо которых часто проходили другие исследователи, писавшие на аналогичную тему. В рецензируемой книге очень убедительно показано, что эпические тенденции, заявившие о себе сразу же, в момент рождения советской литературы, были вызваны стремлением художников — современников величайших исторических событий — увидеть мир не с высоты «башен из слововой кости» и не сквозь интимно-лирическую призму. Грандиозный революционный взрыв эпохи обусловил соответствующие масштабы художественного мышления и внес свои коррективы даже в лирическое творчество или, скажем словами автора книги, «эпическая тенденция стала в литературе преобладающей, прокладывая себе путь в самых различных жанрах...».

Раскрывая на многочисленных фактах, чрезвычайно интересных и выразительных, эпизацию молодой советской литературы, предвосхитившую последующий пафос всего нашего искусства художественного слова, В. М. Пискунов делает сопоставления и сравнения, красноречиво свидетельствующие о новаторской природе социалистического реализма. В советской литературе, в частности в романе-эпопее, получают принципиально новое решение взаимоотношения двух традиционно антагонистических субстанций — личности и общества, индивидуума и эпохи.

В творениях Пруста и Кафки — писателей, которых современное буржуазное литературоведение считает отцами модернистского романа, — личность человека резко враждебна обществу и времени, ее породившим. Она находится в антагонистическом отъединении от живой действительности и, замкнутая в самой себе, в одинокой сфере изолированных от внешнего мира крайне субъективных переживаний, оказывается в конечном итоге субстратом «чистой экзистен-

ции». Личность в видении мира этих писателей — явление внесоциальное, надвременное, и если она все-таки входит в какие-то связи с реальной действительностью, то, по словам ученого, «дуалистические» и «резко враждебные друг другу». (Тут, заметим мимоходом, приходится на память концепция М. Горького «разрушения личности», деградирующей вне связи с коллективом, вне круга широкой, объединяющей людей идеи, индивидуалистически замкнутой в самой себе и в силу этого подверженной неумолимому процессу нравственного и психического распада). Дисъюнктивная связь личности с обществом и эпохой незамедлительно оборачивается рядом отрицательных явлений и в области эстетической, одно из которых проявляется в том, что «эпическая основа романа» оказывается размытой «всепроницающим лиризмом». Сказанное относится не только к Кафке, Прусту, Джойсу, но к целому сонму писателей, их последователей, которые в наше время наследуют их идейно-эстетические принципы и произведения которых дают основание буржуазным критикам и литературоведам подкреплять свои концепции то о кардинальном перерождении, то вообще о смерти классического романа, тем более романа-эпопеи.

То, что мы сейчас сказали, — не что иное, как краткая и, признаемся, довольно слабая попытка дать читателю хоть бы отдаленное представление о всем богатстве главы «Утраченное и обретенное время», одной из лучших, по нашему мнению, в исследовании В. М. Пискунова. В ней, действительно, с большим искусством развернута концептуальная картина — развития и распада — европейского романа XX века, точнее, двух его разновидностей: одного — представленного писателями, развернувшими свое творчество в плоскости прусто-кафковского мироотношения, другого — развивающегося в традициях классического романа XIX века с его «идеалом... толстовской объективности и эпической всеохватности».

Да, велики достижения того европейского романа XX века, который, стремясь к «толстовской объективности и эпической всеохватности», дал мировой литературе произведения Роже Мартен дю Гара, Романа Роллана, Джона Голсуорси, Генриха и Томаса Манна и других художников, идущих в заповедном русле традиций романа-эпоса XIX века! Но даже этот роман, при всех его, повторяем, немеркнущих успехах, не сумел, однако, дать во всей глубине и «всеохватности» целостную панорамическую картину своей эпохи, осмыслить ведущие глубинные процессы, происходящие в ее недрах. Почему? Конечно, не в силу гегелевского положения, что только прошлое, заверненное и целост-

ное в своей завершенности, способно стать основой эпоса. И уж, разумеется, не по причине отсутствия писательских талантов... Так почему же? Единственно правильный ответ на этот вопрос — тот, который находим в книге В. М. Пискунова, — ответ-концепция, представляющий собою идейно-мировоззренческий узел всего исследования. Осмыслить «реальный мир» XX века, целостную панораму бытия, осознать диалектическую связь ведущих тенденций эпохи, воплотив все это в гармоническую картину романа-эпопеи, можно при одном лишь непременном условии — видя историческую перспективу движения к социализму. «Всемирно - историческая перспектива изменения и обновления мира была открыта Октябрьской революцией. Именно она дает художникам новую точку отсчета для изображения XX столетия, при которой искусство получает возможность открыть такие черты и качества самой действительности, которые свидетельствуют о созидательной направленности общественно-го развития, о реальном объединении исторического времени эпохи с личным временем человека» — такова главная концепция автора и — единственно верная.

Здесь следует сделать небольшое отступление — ради ясности.

Возможно, найдется скептик, который заметит, что подобная концепция уже встречалась, что она в своих главных очертаниях — аксиоматична. Если говорить об общих очертаниях, то, возможно, она не представляет собою открытия, всецело принадлежащего автору рецензируемой книги. Но еще Г. Плеханов тонко подметил, что когда два человека говорят одно и то же, это уже не одно и то же. В данном случае обязательно следует обратить внимание на то, как эта концепция воплощается в живую плоть литературоведческого исследования. А воплощается она глубоко, интересно и изящно.

Вот это последнее качество — изящество — органически присуще всему исследованию В. М. Пискунова. Причем, говоря об этом, мы имеем в виду не только то, что привычно обозначается понятием «стиль» и на что, как это ни печально, подчас не обращается должного внимания, хотя совершенно очевидно, что литературоведческое исследование должно быть сродни искусству. Можно не сомневаться, что каждый читатель книги В. М. Пискунова и без посторонней помощи выделит ее из сонма серых наукообразных поделок. В данном случае мы имеем в виду общую культуру исследования. Историко-литературный багаж, оснащенность фактами всего труда В. М. Пискунова настолько значительны, что трудно, просто невозможно упрекнуть ученого в невнимании

к чему-либо. Это — с одной стороны, с другой — даже в том случае, когда перед исследователем находится факт, бесчисленное количество раз уже бывавший «в употреблении» и ставший от этого чем-то вроде «общего места», — а таких случаев довольно много, — В. М. Пискунов умеет найти в нем, таком факте, нечто новое, оригинальное, подчас сокровенное, одним словом, увидеть скрытые в нем «резервы». Потому-то читатель часто оказывается в состоянии, если так можно сказать, вторичного узнавания. Это бесценное для исследователя качество — свежесть восприятия. Если добавить, что книга отличается соразмерностью частей, композиционной четкостью и стройностью, то все это, вместе взятое, правомочно обозначить столь редко встречающимся в научном обиходе словом изящество.

Если называть вещи своими именами, то перед читателем проходит вся, по сути дела, история советской литературы, во всяком случае в ее магистральных направлениях, — именно история. Нечего греха таить: некоторые труды по истории литературы, бывает, страдают эклектичностью, то есть недостатком, возникающим в случае, когда исследователь, зная множество фактов, не в состоянии осмыслить их в плане общих закономерностей развития литературного процесса. В книге же В. М. Пискунова все бесконечно разнообразие содержания представлено не само по себе как самодовлеющая величина, а в концептуальных обобщениях, в которых раскрываются закономерности поступательного роста советской литературы, начиная с тех исторических дней, когда она делала первые шаги, до нашей современности.

Советская литература, как известно, не конгломерат литератур, а рожденная Великим Октябрем новая идейно-художественная общность, укрепленная борьбой социалистических наций за построение коммунистического общества. Именно в прямую зависимость от этого следует поставить отрядный факт расцвета романа-эпопеи в литературах народов Советского Союза, даже тех, которые возникли относительно недавно. «Эпопея в советской литературе — выражение общих закономерностей литературного развития всех народов Советского Союза» — эти слова В. М. Пискунова находят свое подтверждение на многих страницах его книги, притягательность которой еще и в том, что, наряду с русским советским романом-эпопеей, стоящим в организующем все исследование центре, в непосредственной связи с ним, раскрыты успехи в этом жанре других братских литератур.

Экстенсивность — очень существенная, но не единственная сторона, характеризующая ведущее положение романа-эпопеи в советской литературе на всех этапах ее истории. Другая — и не менее важная — сторона заключается в том, что также в течение всей своей жизни, от истоков до наших дней, роман-эпопея обнаруживает паразитичное видовое разнообразие или, как сказано автором, параллельно возрастанию удельного веса романа-эпопеи «происходит радикальное обновление жанра, открытие в нем совершенно новых идейно-эстетических возможностей...». В результате тонкого анализа идейно-художественной специфики различных видов советского романа-эпопеи, проделанного автором, следует неоспоримый вывод: при всем типологическом родстве каждый из них действительно несет в себе нечто своеобразное, оригинальное, быть может, неповторимое... Широкий поток народной жизни в «Партизанских повестях» Вс. Иванова и «пафос множеств» у Малышкина, «хоровое начало» в романе Серафимовича и народный характер личности у Фурманова, полифонизм романов Фадеева и «гулкие шаги истории» в трилогии А. Толстого, крутой разворот исторических потрясений и бездонная глубина человеческой души у Шолохова и социально-идеологическая основа «Жизни Клима Самгина» М. Горького, этой панорамы «движущихся десятилетий», эпический пафос романов о Великой Отечественной войне... Право, нет никакой возможности, даже бегло, хотя бы выборочно, охарактеризовать все бесконечное богатство писательских индивидуальностей, все разнообразие художественных решений в постижении сложнейших путей и перепутий истории и человеческих судеб, так тонко освещенных в книге В. М. Пискунова. Для этого пришлось бы процитировать ее от начала до конца.

Есть определенная категория людей, коим бесполезно давать советы. Но,

право, было бы очень неплохо, чтобы враги социалистической идеологии, те из них, кто своей профессией сдает компрометицию советской литературе, — заглянули хоть краешком глаза в книгу В. М. Пискунова или, в крайнем случае, в те разделы ее, где с неопровержимой точностью научного анализа раскрыто поистине бесконечное разнообразие писательских индивидуальностей, художественных методов и стилей нашей литературы. Впрочем, понимаем, занятие это — не в коня корм. Зато каждый непредубежденный, объективный читатель поймет, какими беспочвенными оказываются разглагольствования «советологов» об «унификации» советской литературы и нивелирующей функции социалистического реализма, и еще раз убедится в простой, казалось бы, истине, доказанной всем ходом развития нашей литературы, что только в русле самого передового метода — социалистического реализма — художник обретает и полную свободу творчества, и возможность всестороннего раскрытия своего дарования.

Рецензионный стереотип рекомендует припасти к концу разговора замечания и пожелания. На этот раз от него хочется отказаться. И вовсе не потому, что у меня нет соображений критического порядка. Они имеются, но я не предаю их гласности. И не сделаю это потому, что, субъективные и незначительные, они полностью растворяются в неоспоримых достоинствах этого, во всех отношениях, одного из лучших за последние годы научных трудов по литературоведению. Да и к тому же старая истина: ученого учить — только портить... Просто хочется пожелать книге В. М. Пискунова самой многочисленной читательской аудитории, которая, уверен, вынесет из нее очень много полезного и высшей мерой оценит нелегкий, напряженный, по-настоящему творческий труд литературоведа.

Георгий ГИГОЛОВ,
доктор филологических наук

Сдано в набор 7 июля 1976 года. Подписано к печати 8 сентября 1976 года.
6 печ. листов, усл. листов 8,4. Формат бумаги 70×108¹/₁₆.

Зак. № 2364

Тираж 5.700

УЭ 05927

26-1976

76-647
ბიბლიოთეკის
ნიშნობა

Цена 40 коп.

ИНДЕКС
76117

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК КП ГРУЗИИ

საქ. კპ ცკ-ის გამომცემლობა.